

ЮРИЙ ЗАПЕВАЛОВ

ЗАПИСКИ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА

КНИГА ВТОРАЯ

ЗОЛОТО СЕВЕРА

Издательство «Написано пером»

Аннотация

Горный инженер. Более сорока лет добывал золото, платину, алмазы в экстремальных условиях Крайнего Севера и Урала. Прошел производственный путь от рабочего до директора Алмазодобывающего Горнообогатительного Комбината. К своему 75-летию написал и издал книгу о своём поколении, о своих сверстниках, о своих современниках. О том поколении людей, которые в детстве пережили большую войну, в юности – восстановление страны, в зрелом возрасте – её могущество, а в старости – её разрушение. Эта книга не выдумана. В этой книге – Правда! Член Союза писателей России, Лауреат литературной премии им. А. П. Чехова, лауреат юбилейной медали «В честь 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина», лауреат литературного конкурса «Золотой диплом» имени А. М. Горького, член Щелковского районного литературного объединения «Слово». «...У Георгия еще почти четыре месяца отпуска, но он решил «застолбиться» в Тресте сразу же, по приезду. Немного не получилось. Ему пришлось позаниматься кое-какими хозяйственными делами дома, в Уфалее, погасить некоторые задолженности по коммуналке, побывать в больнице и получить все медицинские документы на маму. Для санаторного лечения. А потом, отпуск же! – встречи с друзьями юности, с подругами молодости, отдохнуть немного на городском пруду – с рыбалкой и шашлыками, покрасоваться, как без этого, с оркестром Бори Сергеева на нескольких клубных сценах, расслабиться, отдохнуть...»

Тысячи дорог ведут не туда, Куда стремится человек.

Север – самым господом Богом проклятое место.

Туда добровольно не едут.

Туда едут только по приговору суда. Георгий Жженов (из интервью)

Поезд шел без остановок сутками. Скорый поезд Москва – Владивосток.

Но какая там скорость у паровоза, хоть и самого мощного, наверное, из всех, работавших на этой главной железнодорожной магистрали страны в пятидесятых годах. Какая скорость, если на подъемах ребята «на спор» прыгали на ходу, бежали какое-то, оговоренное тем спором, время рядом с вагоном и спокойно, без особых усилий, без силового надрыва и посторонней помощи запрыгивали на подножку вагона. И это не было каким-то «шоу», это было нормальное состязание с тогдашними паровозными скоростями. На затяжных подъёмах.

Поезд шел сутками без остановок.

Нет, остановки были, на небольших полустанках для заправки паровоза водой и углем. Паровой котел без воды работать не может, а без угля не работает топка котла. И останавливались, загружали. Но это были остановки в тайге, на каких-то маленьких полустанках, без «жилого», вагоны не открывались, выходить нельзя, как бы кто не потерялся, да и некуда выходить, кругом тайга, а потом, после загрузки, поезд трогался сразу, без всякого оповещения, без всякого сигнала. И снова монотонный стук колес по стыкам рельс и бесконечная тайга за окном.

Когда ехали по Европе все же останавливались чаще, города друг от друга там поближе, останавливались на станциях областных центров. Но после Урала останавливаться стали реже.

Останавливались всё также на станциях областных центров, но расстояния между этими центрами стали огромными, интервалы между остановками исчислялись не в часах – в сутках.

Да, поезд скорый, но от Москвы ехали уже десятый день, станция назначения бригаде – Тахтамыгда, а до нее еще «пилить и пилить».

Люди в вагоне постоянно меняются. То переполнен вагон, то почти пустой. Вот и сейчас в вагоне почти пусто, только бригада «вербованных» устраивает «галдеж» – то еда, то выпивка, молодежь, скучно в пути, все изрядно устали от долгого, казалось, бесконечного пути, вагонная жизнь порядком надоела, хотя вроде бы уже и привыкли, не так уж и тяготит ограниченное пространство старенького деревянного «общего» вагона.

Георгий сидит у окна, смотрит на проплывающую бесконечную тайгу и в который уже раз мысленно перебирает свою студенческую жизнь, все с ним случившееся в последние месяцы, за последние два года.

...Проснулся, даже не проснулся – очнулся, рано утром, за окном еле просвечивает, что-то тревожно на сердце, беспокойно, предчувствие что ли какое-то. Редко в последнее время он просыпался рано, отсыпался обычно «после вчерашнего» до обеда, а тут – как будто разбудил кто. Георгий с неосознанной тревогой осмотрелся – где это я? Сквозь предрассветные сумерки увидел незнакомую комнату, нащупал на

жесткой кровати – голый матрац, подушка без наволочки – незнакомую девицу, медленно поднялся, преодолев тошноту и головокружение, с трудом встал на ослабевшие за ночь ноги, подошел к окну.

«А, ясно, – вспомнил, – это же общежитие мединститута, студенты на каникулах, потому и пустые комнаты». Вспомнил, как лезли вчера ночью по каким-то пожарным лестницам на этот третий этаж, у девушки, что привела его сюда, были ключи от комнаты, здесь и расположились. Часа два ушли на любовные утехы (значит, не мертвецки все же был пьян!), а потом полный провал – и в памяти тоже.

«Что же ты, собака, делаешь, что же ты делаешь! Что же ты вытворяешь! – Георгий прижался к холодному стеклу лбом – дальше-то, дальше-то что? Так и будешь пить, развратничать, на сколько же тебя хватит? Определись же ты, в конце-концов, как ты теперь хочешь существовать...»

С кровати послышался тяжелый стон – «ну что там у тебя, чево ты поднялся ... Иди ко мне.»...

И опомнился вдруг Георгий, обожгло его чем-то брезгливо-грязным, позорным, мерзким. Нахлынула эта брезгливость – аж голова закружилась. Его чуть не вырвало. Быстро оделся, выскользнул тихонько из комнаты, пробежал мимо вахтерши, дремавшей в своей полуотгороженной будочке и – на трамвай, к вокзалу.

«Бросить всё, всех этих притворных друзей, эти пьяные застолья, развратных девок, ресторанные драки – домой, в деревню, к родителям. Отлежаться, «залезть раны» – и душевные тоже – хоть немного прийти в себя, решить, определиться, наконец – а что же дальше»...

Больной, разбитый физически, с опустошенной душой – Георгию казалось всё, жизнь его кончена.

Резаная рана на животе никак не заживала, да он и не давал ей затягиваться, после ночных оргий швы расходились, кровоточили – но не идти же в больницу, черт с ними со швами, что будет, то и будет. Теперь уже все равно...

Родители встретили радостно, но с недоумением.

– Ты же писал, что едешь на практику?

– Отец, я ушел из института, – и рассказал им все, что с ним случилось в последнее время. «Господи! Наконец-то я дома.

Наконец-то я могу рассказать все, что произошло. Рассказать, зная, что тебя поймут. Зная, что тебе помогут».

– Отлежись, – сказал отец, – залечи свои раны, головой неспеша подумай, жизнь не остановишь, сбиться с правильной дороги легко, вернуться на эту дорогу очень даже не просто. Надо вернуться в институт, – отец ни в чем не упрекал, не устроил «разнос», переживал, но молча, не меняясь ни в отношении к сыну, ни в тоне разговора. – Отлежись, не спеши, но надо сжаться в кулак, связать в единый узел расшатавшиеся нервы и вернуться в институт. Ничего еще не потеряно, тебе двадцать лет, у тебя оформлен академический отпуск. Молодец, хоть оформил, не просто бросил учебу, вот и используй его именно как отпуск, подлечись, потом решим, где можно поработать, подкопишь денег на ту же учебу, нам с матерью не надо, нам хватает на жизнь, ты пока ни о чем не думай, лечись, поправляйся. А когда поправишься – ничего, что-нибудь придумаем.

Первые две недели Георгий просто спал целыми днями, пил молоко, не ел ничего, только молоко, свежее, от своей коровы, парное – после дойки выпивал сразу почти полную крынку и снова спал, спал, спал.

Немного окреп, стал подниматься, бродить по лесу, иногда брал в городском прокате лодку и уплывал на ней в безлюдные уголки пруда, там рыбачил, азартно «вываживал» крупных лещей, борясь с

ними до пота, до изнеможения. За этим занятием исчезали дурные мысли. И загорал, с наслаждением загорал.

К осени окреп основательно. Правда, поперечные швы заросли не настолько, чтобы выпрямляться полностью, во весь рост, ходил немного сгибаясь, но чувствовал себя уже довольно уверенно. Главное – швы затянуло, не «слезились» швы, не «капали». Занимался гантелями, утром и вечером, и довел вес гантелей до восьми кило, регулярные занятия постепенно давали свой результат. Он в «упоре» на спинках стульев уже мог попеременно – то левой ногой, то правой – «держат угол».

Пришло время подумать о работе.

Он скупил областные и местные газеты, стал изучать объявления о приеме на работу. И работы действительно оказалось много, выбирай, что по душе. Отец посоветовал поработать в Уральской геодезической экспедиции.

– Лес, свежий воздух, топор в руках, просеки будете проходить – прорубать для геодезических съемок, в основном по мелколесью, если попадутся деревья, то не вручную их валить, бензопила на руках, да и не один ты там будешь. Лес, это тебе не плавильные печи на нашем металлургическом заводе с их загазованностью, пылью. Тебе не о зароботке, о здоровье тебе сейчас думать надо, закрепить то, что подлечил, на свежем воздухе сил набраться. Да и на людях будешь, не один, некогда будет «самоедством» заниматься, копать в себе, что там было – так не так.

Да, действительно, здоровье. Что он там зацепил, ножом этим, какие-то органы внутри, болит что-то все, а что болит, не поймешь. А врачи не говорят. А может, они и сами не знают?

Прав отец, надо на свежем воздухе поработать.

В Свердловске, в отделе кадров Экспедиции просмотрели документы.

– Три курса института, это же хорошо, пойдешь в отдел снабжения? Нам туда надо бы парочку смышленных молодых парней, а? Будешь экспедитором. Инженером, сам понимаешь, я тебя взять не могу, но ничего, пока экспедитором, там видно будет.

А? – начальник отдела кадров смотрел на Георгия приветливо, но и настороженно, с опаской. Много их сегодня развелось молодых да «хулиганистых» – и учиться не хотят, и к работе так себе отношение. По настроению.

– Нет, не пойду. Мне на свежем воздухе, в лесу поработать надо. – Георгий коротко, без подробностей рассказал о случившемся с ним на практике в Коркино. Потому, мол, и академотпуск взял, вот, хочу поработать, но не в конторе, на природе хочу.

– Ну, коли такое дело – оформляйся рабочим. Заявление подпиши у начальника партии и сдавай свои документы к нам сюда, в отдел кадров. А может, еще подумаешь над моим предложением, а? – «Парень, вроде, ничего, стоящий!».

– Нет! В поисковую партию! В лес.

Деревенский человек, привыкший к лесу, к тайге, чувствует себя в поисковых партиях привычно. Всё им, сельским, знакомо, всё они знают, всё они в лесу умеют. В тайге сельский человек не проголодается, не замерзнет. Хоть зимой, хоть летом. Сельчанин хорошо знает, что можно взять от реки, от леса, знает, как добыть огонь, если отсырели спички, знает, как поймать рыбу, даже если нет лески, крючков. Таежный человек в тайге как дома, а дома – какие секреты? Георгий окупился в лесную жизнь, как будто в родные места вернулся, долго-долго, вроде, отсутствовал и вот, наконец, вернулся.

Североуральский поисковый отряд, Ивдельская геодезическая партия, самый север Урала,

приполярная зона, лето там короткое, терять золотые летние дни не принято, только приехал Георгий к месту назначения, а завтра уже с самого утра и на работу.

Все лето отряд работал на «мензульной» съемке поверхности. Просеки прорубались по мелкому лесу, кустарникам. Работа не тяжелая. Георгий за лето совсем поправился, швы на животе не беспокоили, давно перестали «слезиться», окрепли руки и ноги, исчезла одышка, появившаяся в студенческие «разгульные» дни. Деньги в партии платили неплохие, заработок стабильный, за перевыполнение задания начислялись приличные премии.

Георгий раза два-три отправил переводы родителям, остальную зарплату переводил на сберкнижку, к зиме у него получились неплохие накопления. Он так прикинул, что если вернуться в институт, то на три года у него есть подкормка в виде дополнительной стипендии. Но как вспомнит он об этой учебе, об этих зачетах-экзаменах, аж в душе у него что-то переворачивалось от отвращения. Нет, решил он – не время еще возвращаться в институт, не созрел.

В сентябре отряд закончил работу по съемке отведенной поверхности, ребята устроили в ресторане прощальные посиделки с неограниченной выпивкой, назавтра разъехались по домам.

Тяжело было прощаться с Лией. Но это Георгию, он всегда тяжело расставался с женщинами, больно уж привязывался он к ним. Лия же отнеслась к прощанию легко, с юмором, она вообще была легкого характера. Она была чертежницей, обрабатывала полевые планшеты, все ее в отряде любили, жалели, оберегали, она и Георгия успокоила – «ничего, милый, расставание при жизни не прощание, авось свидимся, в одной системе работаем».

А потом уже, при движении вагона – «не забывай, а я помню!» – и все, уехала, вроде и не было – никого, ничего, никогда. Рабочих перевели в отряд изысканий в Миасс, на оконтуривание границ месторождения мрамора. Отряд расположился на берегу живописнейшего озера Тургояк, жемчужины Южного Урала, у подножия горы Пугачевой. По преданию, именно на вершине этой горы установил свой шатер и обосновал свою базу «великий бунтовщик».

За неделю срубили приличный дом, из толстых – одно бревно закатывали вчетвером – лиственниц. Привезли из Сыростана, ближайшего к базе поселка, кирпичи, нашелся среди рабочих печник – сложили настоящую, деревенскую подовую печь, с лежанкой, с «прикутком» для бригадира.

Дом теперь теплый, хлеб свой, пекли сами, а варево – чего только не сварить в такой печи! И все всегда свежее и горячее.

С утра уходили на работу, били шурфы, а приходили на обед – в печи все горячее, вкусное. И спать распределялись легко – для мужиков устроили общие нары, а женщины – их в отряде было трое, геологи, описывали шурфы и все, что там положено описывать по геологическим инструкциям, женщины спали на печи, на теплой лежанке.

До нового года шурфами оконтурили все месторождение, теперь нужно было определить его мощность по глубине, чтобы подсчитать запасы. Но это уже задача буровикам. Буровые станки на месте, их притащили по первым заморозкам. Бригада буровиков в партии сформирована давно, кадровый состав стабилен, все уже на месте, заняли нами срубленный дом. Место обжитое, им повезло, конечно, на готовенькое приехали, но так всегда бывает в геологических партиях, одни уезжают, за ними приезжают те, кто продолжает работы.

Шурфовиков отпустили до нового сезона на каникулы, – «летом, ребята, милости просим, всех приму, а сейчас буровые работы, «камералка», работа геологам, вам пока делать нечего, отдыхайте, до встречи, всем спасибо, получайте свои деньги, и до новых встреч». Шурфовики почти две недели «гужевали» в Сыростане, а потом разъехались по домам.

Георгий уезжал последним, он никуда не торопился. А куда спешить? Спешить ему некуда! Он квартировал у хозяйки небольшого домика, в конце поселка, почти на самой горе, у леса. Она нигде не работала. Разводила всякую птицу, свиней и особенно кроликов. Кролики приносили ей основной доход. Раз в месяц к ней приезжали какие-то люди, на специально оборудованной машине с клетками, забирали кроликов «живьем», платили положенные деньги.

Ей это было и выгодно, и сподручно, – «мне нанять заколоть и разделать столько кроликов станет дороже их содержания, а потом еще и торговать – нет, так удобнее – приехали и забрали, как будто и не было, очень даже легко и удобно. Дешевле продается, конечно, но это как посмотреть...»

Георгий остался после всех прощаний и расставаний с друзьями по партии – отдохнуть, понежится, отлежаться после тайги – да и эта сладкая, ненасытная ночная любовь! Она ведь тоже ох как хороша для здоровья.

– Может, останешься, смотри, как я живу, да я на тебя пылинке не дам присесть, ты у меня до конца жизни солнышком светить будешь, я на тебя и дыхнуть не посмею.

– Не могу, Зоя, другая у меня задача и цель в моей жизни другая. Не смогу я прожить с твоими птицами да кроликами.

Нет, не смогу. А приехать, может, и приеду, отдохнуть. Но не факт, не обязательно. Угол ваш, Сыростанский, ну очень уж он не по пути. В стороне от основной дороги. Нет, Зоинька, не обессудь, я ведь и не обещал тебе ничего, не обещаю и сейчас. Не знаю, приеду ли. Не знаю, Зоинька, не обещаю.

А перед самым отъездом случилось событие, которое заставило Георгия снова поверить в себя. Даже, не то, что поверить, а как-то по-новому посмотреть на себя. Как бы – со стороны.

– Там из поселкового совета пришли, тебя спрашивают, – у Зойки аж кожа светится, в глазах радость – а вдруг работу предложат, а вдруг останется.

У порога стоял секретарь поссовета Коля Молоков.

– Слушай, Георгий, ты что, действительно мастер спорта по лыжам?

– Ну, было дело. Только давно было, я уж и забыл, что это такое.

– Пошли в Совет, к Председателю, у нас тут спартакиада областная, среди сельских лыжников, намечается, а кто выступит, некому у нас выступить, на тебя вся надежда.

– Да ты что, парень, я и стоять-то на лыжах уже не знаю как.

Какой я «соревновальщик»? Ты хоть представляешь, что это такое? Лыжная гонка? Забудь ты про меня. Не смогу я. Не сумею.

– Ну, ничего, пойдём, все равно же тебе ехать надо, вот и поедешь через Миасс.

– Миасс? Что, соревнования в Миассе? Ты, Коленька, хоть чуточку представляешь, что ты несешь? В Миассе и сельские пацаны у кого хочешь выиграют. Это же Южноуральская лыжная академия! Там же «с пеленок» на лыжах бегают!

– Ну чего ты психуешь, нам же не победа нужна, нужно, чтобы кто-то выступил, а кто, кроме тебя? Ты, рассказывают, за продуктами в Миасс бегом бегал со своей «пугачевки». А это почти двенадцать километров! И ничего, живой до сих пор, и Зойка не жалуется. Ну чего ты психуешь, пойдём к Председателю.

– За Зойку и по морде схлопотать можешь.

– Да я же шутя, по-доброму, пойдём Георгий, там, у Председателя, все и решим.

Председатель, пожилой, приземистый мужик, раньше пилорамой заведовал, вышел из-за стола, встретил у двери, крепко пожал руку, улыбается, как-то сразу располагает к себе собеседника.

– Слушай, Георгий, тут у нас большой межрайонный праздник намечается. Вроде, день работника деревни решили устроить. Каждая деревня, каждый поселок выставляет свои бригады артистов, спортсменов. Ну, с самодеятельностью мы решили, а вот в спорте... Там хотят межрайонное первенство по лыжным гонкам провести. Вот тут у нас и есть настоящий тупик. Нам подсказал ваш начальник партии – что вы, мол, гадаете, у вас же мастер спорта проживает! Убедите его, не победа, мол, так все же не постыдное участие, он у нас за продуктами каждую неделю в Миасс бегом бегал, мы сами не верили, но пока мы машиной в объезд доберемся, он уже и туда, и обратно сбегает. Поговори, говорит, с ним, заинтересуй, парень он свой и главное – не жадный, много не запросит, а то и вообще откажется от всякого вознаграждения, поговори с ним. Вот я и решил пригласить тебя.

Я понимаю, работа у вас закончена, все уже разъехались, но раз уж ты остался, помоги, увековечь себя в нашем поселке. А вдруг выиграешь? Это же представляешь – чемпион из Сыростана! Да мы тебя в мраморе вылепим! На весь Сыростан выставим героем! Мы тебе дадим машину, пользуйся на все время соревнований. Там всем приезжающим дают гостиницу. Лыжи у нас есть, инвентарь хороший, лыжи крепкие и палки бамбуковые, выступишь – с водителем и вернешь, все же инвентарь, у кладовщика на учете. Премию тебе выпишем, все пригодится в дороге, ну а если выиграешь, ну ладно, если попадешь хотя бы в «десятку», выплатим твой месячный оклад! Хочешь, письменный договор составим?

– Иван Васильевич, да вы хоть представляете, что предлагаете мне? Это же Миасс, там ребята из Сборной Союза бегают, а вы предлагаете выступить мне, два года не стоящему на лыжах ни разу! Что я там, с горок кататься буду?

– Да не будет там городских! Из районов ребята приедут, из деревень, из колхозов. Из таких же, как наш, поселков – какие там лыжники, да ты у них на одной технике выиграешь! Ты же мастер, считай – профессионал! Голова забыла, а руки-ноги все за тебя сделают!

– Ладно, можно попробовать, чего не сделаешь ради родного поселка. Домой все равно надо ехать, а Миасс, с вашими торжествами, он мне как раз на пути. Покажите хоть инвентарь-то ваш.

Принесли лыжи, палки. Лыжи – деревяшки, чуть не охотничьи, широкие, тяжелые. Палки – толстый бамбук – Это лыжи? Да вы что, мужики, на таких лыжах только за зайцами по снежной целине гонятся. А с палками впору на медведя ходить. На «шатуна».

«Впрочем, какая разница, не выигрывать же, прокачусь, пусть им зачет этот будет. А в Миассе к ребятам наведаюсь, к Сашке Фадееву, кто там у нас еще, а, ладно, у Сашки все и узнаю».

– Вы вот что, Иван Васильевич, пошлите кого-нибудь со мной, пробегусь, чтобы зачли вам спортивную работу, а лыжи ему сдам, сопровождающему, сюда больше не вернусь, домой, в Уфалей поеду, к родителям.

– Так все водителю и сдашь, он все и привезет. А может, вернешься еще, интерес, слышал я, есть у тебя в нашем поселке.

Приезжай, спортом заведовать будешь!

– Нет, сразу домой. В Челябинске у сестры старшей остановлюсь, отдохну немного и домой, к родителям. В Уфалей.

– Так ты, говоришь, в Уфалее будешь?

– Да, а вам-то зачем?

– Ну, а вдруг выиграешь, мы тебе премию пришлем. А на следующий год приедешь, мы тебе и грамоту вручим, на каком-нибудь торжестве.

– Да, Иван Васильевич, с таким инвентарем что-нибудь, вроде «дырки от бублика», и выиграешь...

До Миасса доехали быстро и без приключений, если не считать, что поднялась пурга и по степи, по занесенной снегом дороге проехали при помощи попутного вездехода. Но это в южно-уральских степях приключением не считается, это для тех мест рядовой случай.

В гостиницу Георгий заезжать не стал, поехал прямо к Саше Фадееву, чем того не столько обрадовал, как очень удивил. Даже испугал.

– Старик, сказали, что ты погиб, тебя вроде зарезали где-то на шахте. Ты извини, но мы ведь за упокой пили, всей командой, и тренера были, и девки все твои здесь вот, за этим столом рыдали. Ты откуда, старик? Почему молчал? Мог бы хоть намекнуть как-то, ну мне-то мог же сообщить, хоть что-нибудь?! Да ты раздевайся, старик, ты дома же здесь, раздевайся. Ну, мог же мне-то хоть знак подать какой-то. Где ты был все это время? Мы часто вспоминаем тебя с Нэлькой, она сейчас на работе, ой, позвоню-ка я ей, какая там теперь работа. Ну, мог же ты хоть сообщить как-то, ну что живой что ли, ну хоть что-то! – Саша все это выпалил буквально скороговоркой.

– Не суетись, Саша, я ведь сюда по делу приехал. У тебя, я думаю, остались старенькие тренировочные лыжи? У нас с тобой, помнится, размер ноги одинаковый, дай мне на завтра, выступить мне тут надо на каком-то межрайонном сельхозпразднике.

– Остались, конечно, только зачем тренировочные? Возьмешь мои, беговые. И мази дам. Ты что, действительно, вернулся в лыжи?

– Да какое там... Попросил хороший мужик порадеть за поселок, я пообещал. И откуда они узнали все, про лыжи эти? Никому никогда ни слова, а вот ведь, «слава-то впереди тебя бежит».

Хоть и незаслуженная. Вот я и пообещал выступить за поселок, утвердить их успешную работу в спорте.

Нэля ворвалась в дом как всегда стремительно, нагруженная сумками, сетками. С порога в крик – «что, не можешь встретить?» – и осела. На табурет, что постоянно стоит в прихожей, где надевают-снимают обувь, осела и аж побелела вся. «Георгий»...

– Воды, Саша, воды ...

– Георгий... Ты как, ты откуда, ты же ...

– Да жив я, жив. Нэля, успокойся, не «привидение» я, жив ...

– Жив... Какого же черта до сих пор прикидывался, что, сообщить не мог? Жив... Собаки паршивые, вечно из-за вас страдать приходится. Ладно, отошла, через десять минут за стол сядем.

Извини, Сашенька, не готова я к таким потрясениям, не каждый день встречаешь пришельцев из «того мира».

И за столом все то же, охи да ахи.

– Ну, рассказывай, рассказывай, ты ведь тогда исчез, никому ни слова, ни полслова. Тебя же на «сборы» вызывали – и ни ответа, ни привета. Исчез и все! А потом эта страшная весть из Коркино. Ты нас тоже пойми – все же поверили! А как было не поверить? Вся эта рассказанная нам история – она же именно твоя! Только ты все это и мог сотворить! Только такие дураки, как ты, только такие и могли устроить все эти события в твоём Коркино! Ну, а сейчас-то что? Как ты, где, откуда?

Проговорили за полночь.

А на соревнованиях Георгий удивил всех и прежде всего самого себя – он действительно выиграл «десятку», получил от спорткомитета грамоту, а от водителя тысячу рублей, которые тому выдали в поссовете под расписку, на случай победы – «вручи, если победит, в благодарность от нас».

– А если бы не победил?

– А, – водитель небрежно махнул рукой, – все равно бы отдал. Мне ведь главное, что бы ты расписался, что получил, что не растратил я их. Все равно бы отдал. Там, в поссовете, их, эти деньги, уже и «списали» наверняка...

На второй день Георгий уехал домой. Саша Фадеев, вместе с Нэлей, проводили его до вокзала, посадили на поезд. «Не пропадай...».

Весна на Урале всегда затяжная – вроде уже и растаяло все, почки на деревьях набухли и готовы распуститься, но вдруг завьюжит, заметет, снегу навалит, что и зимой не бывало, на улицу выйти без валенок невозможно, бурчит, не сдается зима.

Вот в такой поздний вечер и заявился домой Георгий, еле пересилив встречный ветер и пургу снежную. Отец был на работе, зато как мать обрадовалась. Они только переехали в новую квартиру на станции, отцу, наконец, эту квартиру выделили – да с ванной, горячим душем. Там и отогревался Георгий почти до самого прихода отца.

Отец ворвался прямо в ванную, еще и раздеться как следует не успел, схватил, вытащил из ванны.

– Ну-ка покажись, покажи швы свои поганые. Что, красные?

Да это же как раз и хорошо, заживают значит! – отец аж прослезился от радости.

А утром на дворе уже снова весна, снежной ночной пурги как будто и не было. Текут ручьи-потоки по горным крутым уфалейским улочкам и переулкам, все быстро зеленеет, просыпается, отряхивается от снежной зимы, в который уже раз хорошеет – скоротечна весна Уральская.

Георгий окреп на шурфах да маршрутах геологических, дома отдохнул, швы не тревожили, затянулись швы, только рубцы красные остались на теле.

Мать с отцом довольны – ожил сын. И дома, с ними – чего еще надо стареющим родителям...

2

Велика все же Россия. Третью неделю в пути бригада, а до Тахтамыгды еще ехать и ехать. В вагоне все как-то прижились, привыкли к бесконечному движению, к перестуку колес вагонных, к «ничего неделанию». В вагоне то полно людей, то полупустой вагон – на разных перегонах разное количество пассажиров. За Уралом стало свободнее, а после Красноярска и вообще полупустые вагоны – выбирай любое купе, любые полки.

Первую неделю в бригаде «вербованных» в основном знакомились между собой, узнавали друг дружку поближе, пили водку, пели песни, рассказывали анекдоты – отдыхали. Потом спокойнее стало, подустали, да и деньги приберечь надо – далеко еще до места назначения, до морозной Якутии. А что там ждет бригаду – поди догадайся. Нет, деньгами в дороге разбрасываться грешно и опасно. Да и велики ли те деньги...

Георгий первые дни читал – старые газеты, журналы, у кого-то взятую книжку, читал при дневном свете, вечером в вагоне не считаешь – темно. И уснуть трудно – лезут в голову беспокойные мысли, воспоминания, перебираются недавние события...

...Победа в Миассе, на районной гонке, вдохновила Георгия – есть, значит, еще кое-что, оказывается можно и нужно еще на лыжах-то покататься. После небольших раздумий, колебаний и некоторого сомнения, Георгий пришел в городской спорткомитет и предложил свои услуги в качестве тренера по лыжным гонкам. А что, методику тренировок он знал, технику имел, значит, мог и план составить, и рассказать, как надо катиться, и технику показать. Бывая на стадионе и на лыжной базе, наблюдал он за некоторыми тренировками лыжников и пришел в уныние от местных тренеров. Никаких лыжников не воспитает та система, что увидел он в Уфалее. Так прямо и сказал в спорткомитете – вся ваша метода заключена в «побегайте», да в «покатайтесь».

Разве это тренировки!

– У вас что, есть опыт тренерской работы?

– Нет, опыта нет, но я действующий лыжник, попал вот в аварию, восстанавливаюсь. Я знаю методику тренировок, думаю, что смогу подготовить приличную команду. Даже, думаю, на здешней местности подготовлю хорошую команду. Я видел, есть ребята с определенными задатками, думаю и девчонок найдем, на областных соревнованиях можно выступить достойно.

– Значит, говоришь, сможешь подготовить хорошую команду? А «хорошая» это как, какого уровня?

– Призером области на первых порах стать хотите?

– Ничего себе заявочка! – в углу кабинета за журнальным столиком сидел пожилой мужчина, казалось, не слушал, читал там что-то в журнале, а вот ведь, все, оказывается, слышит. – С детьми поработать не хотите, в детской спортивной школе?

– Так я про детей и говорю, со взрослыми разве уже что-то сделаешь? Конечно, с детьми, и еще лучше в спортивной школе.

– А какую бы вы хотели иметь зарплату?

– Да сколько дадите, столько и буду зарабатывать. Не это главное.

– Ну, это не разговор. Это вначале не главное, а потом претензии, обиды. Давайте знакомится. Я директор спортшколы.

Если мы с вами сговоримся, мне же надо точно знать, на какие деньги вы претендуете, может, в спортшколе таких денег и нет вовсе.

– Давайте так – вы не знаете меня, я не знаю вас. В институте я получал стипендию четыреста рублей. Но здесь же, все-таки, работа. Дайте для начала пятьсот, на два месяца, посмотрите на мои тренировки, на мои занятия, если я подойду вам, понравятся вам мои тренировки, убедитесь вы, что от ребят будет толк, и не в бесконечном «далеко», а уже этой зимой – установите мне оклад в полторы тысячи.

Директор задумался, что-то подсчитал на бумажке.

– Ну, тысяча пятьсот – это ты перегнул, но я согласен, давай два месяца по пятьсот, и если ты нам подойдешь – установим тебе оклад в 1200 рублей. Согласен?

– Согласен.

– Тогда приходи завтра с утра в школу, оформим тебя по уставу. Для начала возьмешь группу парней, девочек оставим у старых тренеров – это школьные учителя, они у меня подрабатывают, пусть продолжают вести девчат, на пятьсот тебе и одной группы хватит. Объединим ребят со всех школ, вот и поработай с ними, если получится – заберешь и девочек. А там, глядишь, и с зарплатой разберемся.

И Георгий стал тренером. В первый же объявленный для сбора день он разъяснил ребятам, чего он от

них хотел бы добиться.

– Я не обязываю всех, кто хочет со мной заниматься, стать чемпионами. Чемпионом может стать один, а борются за это звание десятки, сотни, тысячи. Нет, мне от вас нужно только одно – старание. Не отбытия времени на тренировке, а старание выполнить все, что я буду требовать. Только это. И только это определит, кто из вас сможет стать чемпионом. Не только талант определяет путь к успеху, нет, главное в успехе – прилежание. Мы начнем с прикидки. Сегодня вы все, все возрасты и все таланты, новички и чемпионы, пробежите на этом стадионе по беговой дорожке ровно два с половиной круга – 1000 метров.

Не старайтесь бежать быстрее себя, не старайтесь прибежать быстрее других, ну, скажем, Коля Сидоров из шестого класса не должен стараться обогнать Колю Чепчугова из восьмого. Не надо. Мне нужно посмотреть на ваше старание, не на ваше мастерство. Его у вас пока нет, ну, так скажем, не должно быть. Мне нужно узнать степень вашей готовности на сегодня и не более того.

Не надо передо мной казаться лучше. Это простая прикидка, но не возможностей, а готовности. Каждого. Но на сегодня. В процессе тренировок всё, абсолютно всё, изменится. И кто сегодня вдруг окажется последним, усердно тренируясь, выполняя все задания тренера – завтра может стать чемпионом. Почему говорю так подробно – чтобы вы не придавали особого значения сегодняшней прикидке, это нужно мне, а не вам, мне нужно для распределения нагрузок, по принципу – каждому по готовности.

Это начало. Потом нагрузки придут по возможности, а еще дальше – и по необходимости. Все понятно? Вопросы есть?

– Есть. А что, знакомиться не будем? Переключка там, фамилии...

– Это потом, когда сформируем группу. Запомните, у меня нет отбора – подающих там надежду или перспективных – неперспективных. У меня будут заниматься все желающие. Но нагрузки могут быть такими, что не всем понравится, не все смогут выдержать, не все захотят выдержать. Но – никого не неволю, только по желанию формироваться будем. Ясно? А теперь – на старт. Старт общий для всех, забег общий для всех, и всего один.

Результаты оказались, конечно, слабыми. Лучшим стал десятиклассник с результатом хуже трех минут, но понятно, что десятый класс для тренера был совершенно не интересен – что можно сделать за одну зиму с неподготовленным пареньком, или даже и с парнем средней готовности. С другой стороны, Георгий понимал, что во время летних каникул, когда и физкультуры то элементарной нет, трудно чего-то приличного ожидать от ребят. Но начинать-то с чего то надо было!

И Георгий начал. Поговорил с каждым, кто захотел тренироваться. Вопрос для всех один. «А что ты хочешь?».

Ему понравилось большинство ответов. «Хочу научиться настоящим лыжам». Ребята не рвались в мастера и в чемпионы, они хотели работать, тренироваться, чтобы «уметь»! Это уже было кое-что.

Георгий собрал в спортивном зале родителей ребят, тех, кто уже определился в списках занимающихся. Это были люди разного возраста, разных профессий, разного достатка. Георгий рассказал им, что он хочет попробовать создать в Уфале команду областного уровня, это на самых первых порах, «а там посмотрим». Но это будет тяжело, ребятам придется изматываться на тренировках, особенно тем, кто попадет в сборную команду, родители должны им помочь. Нет, не надо каких-то особых условий, но если парень устал, если у него нет сил, он приходит домой и нет у него другого желания, как только лечь, уснуть, забыться, помогите ему, не ломайте его – «сделай, или я тебе покажу». Поймите, он потом и сам все сделает, что вы ему поручали по дому, но не сейчас, не в этот тяжелый для него час. Пусть отдохнет, а вы помогите ему отдохнуть, и через час-два он сам выполнит все ему порученное. Ну и еще уроки, домашние задания – постарайтесь в эти дни, месяцы быть особенно внимательными к его учебе. Нет, не надо ни

крика, ни обвинений – участие и внимание. Как бы невзначай – а давай-ка посмотрим, что нам задано. Если спортсмен забросит учебу, это уже не спортсмен – заключил беседу с родителями Георгий.

«К сожалению, познал я последнее правило на собственном опыте» – с горечью думал он после ухода родителей.

Тренерской работой Георгий увлекся всерьез, на радость матери – очень уж ей хотелось, чтобы сын при деле оказался. Но отец встревожился: – «ты смотри, не увлекись надолго, не забудь, в институт надо вернуться!»

– Поработаю, там посмотрим. Тренер – это же творчество, может, еще и не получится.

Август на Урале, особенно в горах, месяц еще летний, но как бы уже и «закатный», завершающий – по утрам холодновато и вечерами прохладно, да и днем жары уже нет. Поэтому тренировки проводились днем, с трех часов. Собирались на городском стадионе, расположенном у самого леса. Здесь, на стадионе разминка и в лес, на горки – бег, имитация, специальные упражнения. Втягивались постепенно, но нагрузки росли и к сентябрю ребята спокойно пробежали контрольные пять километров, с имитацией лыжного хода на всех подъемах. Время не учитывалось, бежали все вместе. Георгий стоял на горках, строго следил за техникой бега и особенно за работой ног и рук при «имитации» лыжного хода. Останавливал, если у кого не получалось, тут же на горке объяснял и показывал, как надо работать правильно. В сентябре стали работать с палками и уже видно было, что ребята втянулись, начинают работать правильно. Дети «технику» схватывают быстро, иной увалень еще месяц назад и колено не мог поднять правильно, руки разбрасывал по сторонам, а вот, гляди-ка, уже и толчок правильный, и руки работают параллельно, и не пыхтит уже парень в конце подъема как паровоз, а дышит глубоко и ритмично. Дыханию Георгий придавал особое, главное внимание.

– Запомните, во время бега, на дистанции организму нужен кислород, именно кислород является главным питанием вашего организма при больших нагрузках. Поэтому, дышать научитесь правильно. Глубокий выдох, за два-три шага, а потом вдох. Если хорошо выдохните, если выдохните правильно, не волнуйтесь, вдохнете глубоко и по потребности. Главное – научитесь выдыхать!

Тренировки всегда заканчивались на стадионе – ребята делились на две команды, поперек футбольного поля ставились метровые ворота – и в ширину, и в высоту – играли в футбол, без вратарей, только полевые игроки, но как азартно, увлекательно!

Вскоре о тренировках узнали в городе, к Георгию потянулись пацаны со всех городских окраин, он не отказывал никому, приглядывался, отмечал для себя наиболее способных. Постоянно, непрерывно думал он о создании городской команды для зимних соревнований. «Конечно, снег покажет кто как схватывает и кто на что способен на лыжах, на снегу. Но нужно время, нужны тренировки. Не надо обижать слабых, нельзя избавляться от них, отсеять можно и способных, но пока слабых. Пусть пока тренируются все, команду создадим, конечно, создадим из лучших, но лучших определит снег, гонки, а пока пусть тренируются все – лес большой, места всем хватит».

Тренировались и в спортзале Металлургического завода. Выделили им два часа. Дневных. Спортсмены завода занимались вечером, соревнования тоже проводились по вечерам, а днем выкроили время спортшколе. Не сразу, конечно, пришлось Георгию повоевать, дошел аж до директора завода, там и определились с часами занятий для ребят. В зале занимались в основном на силу. В конце занятий был привычный футбол. С теми же метровыми воротами и так же без вратарей. Но постепенно перешли на баскетбол. Совсем другие нагрузки, другая направленность этих нагрузок. Работали ребята увлеченно, тренировки им нравились, нравился им и тренер. Они гурьбой ходили за Георгием, встречали и провожали его и у стадиона, и у спортзала. Как тренер Георгий утвердился, зарплату ему установили не через два

месяца, а через две недели, после того, как представитель из Челябинска побывал на его тренировке и веско сказал директору спортшколы – «не упустите парня, заинтересуйте срочно, такого и область подберет быстро».

Приближалась зима. Георгий решил заняться подготовкой инвентаря. И тут выяснилось, что инвентаря в спортшколе нет.

Ребята зимой ходили на школьных лыжах – толстые «деревяшки» с мягкими креплениями для валенок. Было несколько пар жестких «восьмерок» – это такие пружинистые металлические дуги с обратными штырями, металлические гнезда для которых набивались на обычные рабочие ботинки. Крепления громоздкие и тяжелые. Лыжных ботинок не было совсем, палки только бамбуковые – толстые, тяжелые, подстать лыжам.

Георгий поехал в Свердловск. Побывал у Белоносова. Борис Захарыч созвонился с кем-то, Георгию назначили встречу в магазине «Динамо». Там он подобрал приличные лыжи, для магазина – залежалый товар, а для Георгия настоящая находка, он закупил и лыжи, и палки, и спортивную форму, и даже лыжные мази, что в Уфалее, да в те времена и не только в Уфалее, было большим дефицитом. И все это в достаточных для спортшколы количествах, настоящий беговой лыжный инвентарь. А для будущей сборной выпросил с десяток комплектов разных размеров качественного инвентаря. Магазин пошел на мелкое нарушение – продал Георгию качественный инвентарь без разрешения Спорткомитета.

Но очень уж этот парень большие закупки делал. Как не помочь такому! Все это Георгий отгрузил в тот же день на грузовой станции Свердловск-товарная в железнодорожный вагон и уже через неделю ребята получали товар на своей станции.

– Для начала, для тренировок и первых соревнований у нас теперь есть все! Ну а дальше, ребята, все от вас будет зависеть – как будете выступать, такой и инвентарь иметь будете.

Помог БЗ и приобрести несколько банок качественной мази, дороговато было, но что поделаешь, без мазей не выиграешь, это директор понимал и раскошелился. Компенсировал Георгию затраты. Мази Георгий покупал на свои деньги.

– Ты у меня весь годовой бюджет извел на лыжи свои, да на мази. Как жить-то будем? – ворчал директор, но не зло, доволен был приобретениями.

Появились в команде и девчонки. Некоторые еще в начале тренировок пришли к Георгию сами – «разрешите с вами тренироваться, хотим стать лыжниками» – разрешил, как откажешь, но вскоре ему передали всех девчонок спортшколы. Георгий не стал делить группы на мальчиков и девочек, тренировались все вместе, распределялись только по нагрузкам.

Снег выпал в середине октября – сразу и много, как это всегда бывает на Урале. Тренировки стали конкретными, на снегу, на лыжах. Сразу стало видно, кто есть кто на сегодня. Постепенно сформировалась команда спортшколы для соревнований среди школ города. Конечно, в начале сезона ребята выступали за свои школы. Но Георгий настоял, чтобы сборная команда спортшколы выступала отдельной командой, чтобы создавался коллектив заинтересованных в успешном выступлении именно своей команды, чтобы у ребят вырабатывалось чувство именно «своей команды». Можно это назвать и «чувством локтя», но Георгий больше надеялся на чувство коллективной ответственности за общий успех. За успех Команды! Задача перед командой стояла необычная, ответственная – войти в тройку сильнейших спортшкол области! А команды спортшкол – это, как правило, сборные команды городов по разным возрастным группам. Областные соревнования проводились только для старших возрастных групп, младшие школьники соревновались в родном городе без выезда в область, зачет среди них проводился по результатам городских соревнований. Старшие же школьники по двум возрастным группам – седьмые-восьмые классы

и девяты́е-десяты́е – это примерно, точнее делились по годам рождения – собирались в одном из лыжных городов области и там определяли сильнейших.

В эту зиму соревнования спортшкол Челябинской области проводились в Златоусте. Раньше Георгий там бывал часто, выступал на разного уровня соревнованиях, тренировался на «сборах», горы и лыжные трассы Златоуста он знал хорошо. И примерно за месяц до начала соревнований он съездил в Златоуст, побывал на трассах намечающегося первенства среди спортшкол, покатался по ним, прочувствовал их сложность, расположение. Вернувшись в Уфалей, он проложил такие же трассы. Горное расположение города позволяли проложить трассы любой сложности. Ребята приступили к подготовке к ответственным, первым в своей жизни соревнованиям приличного уровня, на лыжных трассах, близких к условиям предстоящих соревнований. Задача перед командой стояла та же – быть в тройке победителей.

Город еще не разу не участвовал в первенстве спортшкол области, некому было бегать, занятия в спортшколе проводились для галочки, для начисления зарплаты работникам, тренировки проводились так – покатайтесь вон с тех горок и домой! Уфалейскую спортшколу в области не знали – да, числится такая, но что они там делают, да бог с ними, живы и ладно. Пусть себе ведут оздоровительную работу...

Но прослышали. Вскоре приехал проверяющий из Челябинска, побывал на тренировках, уехал довольным.

– Познакомимся? Сергей.

– Георгий.

– Приезжайте. В Златоусте специально закажу вам гостиницу, центральную, «Таганай». С поезда езжайте сразу туда. Ничего, нравятся мне твои ребята, чем надо помочь, говори, поможем.

Ничего, приезжайте, ребята перспективные, без призов, думаю, не останутся.

И поехали. Для ребят, впервые участвующих в подобных соревнованиях, это был настоящий праздник. Они стали призерами. В общекомандном зачете заняли третье место, по старшим школьникам стали вторыми. Но главное, они заняли второе место в смешанной эстафете – два парня, две девочки, у ребят этапы в десять километров, у девочек – по пять. При этом уфалейские ребята до последнего этапа шли первыми, упустили победу буквально за сто метров до финиша. Просто, ребятам не хватило опыта. Соревновательного опыта.

Эстафеты всегда были главным показателем спортивности.

Кто первый в эстафете, тот первый и в области. А быть вторыми для новой команды – успех огромный. Об Уфалейской команде заговорили.

Да и в команде все были довольны, ребята счастливы, без призов и грамот в команде действительно не остался никто. Команда сразу стала известной в области, а двое – старшие мальчик и девочка, стали членами сборной области, их включили на областной тренировочный сбор для участия в республиканских соревнованиях Уральской зоны.

Домой из Златоуста уехали не сразу, не в тот же день. Георгий дал ребятам прочувствовать праздник, устроил день отдыха, сводил их вечером в драмтеатр, потом торжественный ужин в ресторане гостиницы и только на следующий день они уехали в Уфалей. Надолго ребятам запомнился этот их первый серьезный спортивный смотр!

3

В вагоне поднялась какая-то суета, мужики забегали по узкому коридору, заскакивали в купе –

«Знаешь? Да черт тебя подери, узнай же!» – и бегом куда-то обратно, снова неясный шум, грубые окрики – «куда лезешь, ты же за мной!».

– Что там? – спросил Георгий у лежащего на нижней полке Алексея, пожилого уже, по меркам молодых, москвича, тоже решившего заработать хорошие деньги на якутских золотых приисках. Он не участвовал в общих мероприятиях, вел себя обособленно, степенно, еще бы, дома осталась семья, сам ехал в разведку, хорошо устроится – так и семью вызовет.

– Да глупости там, бабы появились в вагоне, говорят – дочь с матерью, но уж больно разница в возрасте небольшая, да кто их знает, окопались в отдельном купе и обслуживают мужиков.

Цена, вроде, небольшая, да как-то неприятно, всех подряд, по очереди, поймает еще чего. Как ты, не желаешь?

– Нет, я коллективно не могу, какое это удовольствие. И давно они здесь?

– С вечера. Суток двое, говорят, с нами будут. Поездные девочки, деньги на ходу зарабатывают.

– Ну вот, а говорят у нас проституции нет. Так мы через двое суток-то, глядишь и приедем. Послезавтра к вечеру. В Тахтамыгду приедем, дальше самолетом до Якутска, а там уж куда распределят. Так ведь?

– Так вроде говорили. В Москве, на вербовке.

– Значит еще двое суток – и приедем. А уж двое то суток можем прожить и без «девочек»! Скорей бы уж приехать, надоела мне эта дорога.

– Не спеши, успеем еще сопли-то поморозить.

– Что это ты так? Добровольно ведь едешь, не «по этапу».

– Гложет все же что-то внутри, гложет.

– Ну так вернись, чего маяться.

– Нет уж, решил, так сдюжу, не привык я метаться от одного к другому.

– Чего ж терзаешься, потерпи, скоро и все увидим, и все узнаем.

– Тебе хорошо, ты почти инженер. А ну как отправят на лесозаготовки? Там ведь на приисках лесу крепежного уйму надо. Не «скочеврыжиться» бы, в лесу-то.

– Везде люди работают. Не на износ же, поди, работают, и в лесу нормы есть. Да и место для отдыха, я думаю, тоже имеется.

Не пугайся, ты же сам о заработках думаешь, а в лесу и есть самый заработок. Да и на чистом воздухе, не под землей.

– Ладно, приедем, увидим. Ты прав, нечего изводиться раньше времени.

За окном проплывала бескрайняя тайга. И вновь «улетел» Георгий в недавнее прошлое...

...После успешного выступления команды лыжников Уфалейской спортшколы Георгий сразу стал если не знаменит, то известен и в городе, и в области. Команду поздравили в спорткомитете, наградили городскими грамотами на каком-то торжественном мероприятии.

Георгия пригласили в Горком партии, побеседовали, спросили, в чем нуждается команда, спросили, где живет и, как только узнали, что жить молодому тренеру практически негде, что живет он с родителями в небольшой однокомнатной квартире, сразу как-то сникли. Интерес к Георгию у партийных руководителей города остыл. Зато директор спортшколы был доволен, выписал Георгию премию в сумме аж целого

оклада. Пообещал добавить немного к окладу, но не сразу, через некоторое время. Потом, когда восторги поутихли, об этом своем обещании он или забыл, или денег не хватало, молчал.

Редактор городской газеты попросил написать о соревнованиях небольшую заметку, Георгий согласился, да и написал целую статью. С подробностями, с обобщениями, отметил, чего спортсменам не хватает в городе для успешной подготовки к крупным соревнованиям, для развития именно спорта, не физкультуры. Статью напечатали и Георгия пригласили в редакцию для беседы.

– Красноперов, да вы же готовый журналист. Мы предлагаем вам работать в газете.

– А как же команда?

– Мы вам дадим возможность тренировать ребят. Давайте, в газете начнем работать «внештатным», в отделе промышленности, вы же почти инженер, отработаем режим работы, составим график, согласованный с тренировками, если получится – зачислим в штат. Не с восьми же утра вы тренируетесь? Сбирать материал будете с утра, по нашим редакционным заданиям, а писать и вечером, дома можно. Ну что, попробуем? Стиль ваш мне понравился – легкий, читаемый. Это же главное для журналиста! Остальное придет с опытом.

Георгий согласился.

С утра он уезжал на предприятия, на стройки, писал статьи, очерки – о бригадах, об отдельных людях, клеймил строителей за задержку ввода, проектировщиков – за непредусмотрительность, директоров – за несвоевременное финансирование. Был объективен, но беспощаден, все вещи называл своими именами.

Он удивлялся, как это люди могут жаловаться на скуку, ему не хватало в сутках отмерянного времени. С утра – редакционные задания, после обеда – тренировки, а вечером – клубная работа, репетиции, концерты.

Дело в том, что весной, на смотре художественной самодеятельности он спел, покориł и комиссию смотра, и зрителей своим голосом, его сразу записали во всевозможные концертные выезды и гастроли по поселкам, селам и предприятиям. Боря Сергеев, местный композитор и музыкальный организатор, тут же создал эстрадный оркестр, подобрав вполне грамотных музыкантов, организовал настоящую эстрадную программу с молодым солистом. Этим ансамблем они победили на всех смотрах-конкурсах области и даже были выдвинуты на сборный концерт двадцать первого съезда КПСС.

Георгий потерял счет времени. Он летел над миром и временем, как тот Горьковский Буревестник над морем. Он был неутомим и везде попевал. Его ребята занимали призовые места в кроссах молодых лыжников, его песни звучали по Уралу, его статьи и некоторые газетные публикации перепечатывались в областной газете, он везде был нужен, всем был необходим.

Однажды он написал критическую статью о работе городского отдела культуры. Даже не вообще о работе отдела, а об организации районного смотра самодеятельности, о том, что отдел ведет себя как инспектор, а не как организатор этого мероприятия. С конкретными примерами, привел конкретные факты, сетовал на слабую помощь сельским клубам, что мало с ними проводится специальных семинаров, учебы, мало их знакомят с работой передовых Дворцов культуры и клубов – ну и другие недостатки в такой работе. Сдал статью ответственному секретарю редакции и уехал на срочный заводской материал – что-то не клеилось с планом в Кобальтовом цехе Никелевого комбината.

Вышла газета, Георгий привычно открыл свою страничку, чтобы внимательно проверить, все ли он описал в своей статье, как задумал. Статьи не было. Утром он сразу зашел в редакцию, на завод не поехал, узнать, что там случилось, почему нет статьи.

– Статьи не будет, – не глядя на Георгия заявила Лиза, ответственный секретарь.

– Что-то не так?

– А все не так. Ты почему не видишь всего того хорошего, что делает наш Горисполком, почему видишь только «негатив»?

– Лиза, да ты что, я о работе Горисполкома ничего и не писал, о чем ты?

– А Отдел культуры – это что, не Горисполком? Что ты знаешь о работе отдела, что ты так «распетушился»?

– Знаешь, это не разговор, лучше я пойду к редактору.

– Не надо ходить к редактору. К десяти часам мы с тобой и редактор идем к Лидии Владимировне, в Горком.

Лидия Владимировна – это секретарь Горкома по идеологии, 3-й секретарь Горкома партии.

Разговор в Горкоме был коротким. Секретарь ни у кого ни о чем не спрашивала, вопрос явно был подготовлен, она сразу объявила все претензии Горкома, как она выразилась, но не к Георгию, а к газете.

– Почему, Константин Константинович, ваша газета с некоторых пор так много стала писать о недостатках? Неужели у нас в городе мало положительного. А последнюю статью о нашем капстроительстве даже перепечатала область. Ославили нас на всю страну, если не на весь мир. Ну ладно, это с промышленностью, так ваш корреспондент уже и в идеологию полез, в культуру. Вы что, Георгий Александрович, специалист широкого профиля, во всем разбираетесь настолько, что вправе выступать от имени газеты в вопросах, которые вам редакция и не поручала?

– Во-первых, Лидия Владимировна, я выступал не от имени газеты, а от своего имени, со своей подписью. Во-вторых, я, как работник газеты, могу выступать и без поручений редакции. А главное, в моей статье нет и намека на идеологию. Я написал о недостатках организации клубной работы. В моей статье нет ни слова о качестве или направленности репертуара, об идейности концертных программ. Разговор идет об организации клубной работы. По-моему, это...

– Это по-вашему, – перебила секретарь Георгия, – причем же здесь газета? Пишите о том, что вам поручают, и не лезьте в те сферы, в которых вы плохо разбираетесь!

– Не думаю, что я в этом разбираюсь меньше вашего, – вскипел Георгий, – я участвовал в концертной работе лучших коллективов страны, я лауреат Всемирного фестиваля молодежи и не вам обвинять меня в «профанации»!..

В кабинете повисла тишина.

– Вот видите, Константин Константинович, к чему приводит наша минутная слабость, зря я дала уговорить себя дать согласие принять на работу в газету беспартийного. Это же стихийная, безответственная личность. Он решил, что непогрешим, что талантлив, хотя не представляет из себя – пока, я говорю пока – ничего серьезного. Вам еще учиться, молодой человек, учиться, жизни учиться, а вы уже других поучаете. Захвалили мы вас.

Из газеты Георгий ушел. Сам ушел, не стал ждать «оргвыводов», на второй день подал заявление об увольнении. Редактор подумал немного, посмотрел внимательно на Георгия – «А что, правильно решил, я согласен. Только вот что, Георгий, тяжело тебе в нашей жизни придется, поостерегся бы». Он так и сказал – «в нашей жизни»...

Уфалей – город небольшой. Все, что происходит в этом городе с людьми, особенно с людьми хоть немного городу известными, быстро становится общегородской новостью. Так было и с Георгием – уже на второй день после того разговора в Горкоме, он почувствовал отчуждение. Еще вчера, знакомые, что

издали приветствовали – «Привет, старик, как жизнь молодая?» – сегодня отворачивались, не замечали.

Директор спортшколы прямо спросил – «Что, не работаешь теперь в газете?».

– Не работаю.

– Ну, и правильно. Давно бы так. А то мечешься целыми днями. Спорту побольше времени уделять будешь... – Утешал старик, но видно было, что и ему происшедшее не по душе.

Как-то в середине осени пришел Георгий к газетному киоску купить газет. На витрине свежий номер журнала «Крокодил» и на всю его первую обложку – старый якут в национальной одежде с дымящейся огромной трубкой во рту. И текст под рисунком – «Раскурили трубку «Мира».

Оказывается, в Якутии открыли алмазы. Готовится к разработке первая, самая большая из открытых и самая богатая алмазоносная кимберлитовая трубка с созвучным тому времени названием – трубка «Мир».

Георгий купил журнал, с интересом прочитал большой и добрый очерк о строителях столицы алмазного края, о городе Мирном.

Георгий поехал в Свердловск, побывал в библиотеке Горного института. Пользуясь своим еще не погашенным студенческим билетом, он просидел несколько дней в читальном зале, прочитал все то немного, что в то время писалось о российских алмазах, о Мирном, о первооткрывателях алмазоносных кимберлитовых трубок, узнал и выписал для себя известные тогда адреса. Надолго задумался. «Вот где настоящее дело, пока я тут пою в деревнях и поселках, люди занимаются историческими делами, строят будущее, вот где настоящее дело, вот где тебя ждут не дождутся!»

Георгий набрал литературы и по добыче золота – раз уж приехал сюда, изучи все, узнай побольше об этой загадочной Якутии, на алмазы можно ведь и не попасть сразу, так начнем с добычи золота! Там-то давно уже всё организовано!»

Георгий посетил Геологический музей, в то время наверное лучший в Советском Союзе музей геологии, узнал и там много нового, увидел слепок с крупнейшего из добытых в России золотого самородка «Миасский треугольник». Георгий увлекся, задержался в Свердловске на несколько дней, разведал в пунктах набора рабочих возможность завербоваться на Север. В Свердловске такого набора на Север не было. «Да вы что, какой север, у нас свои прииска, самим ох как нужны рабочие руки, куда ты собрался, ты хоть представляешь в какие морозы поедешь, мало тебе здесь, на Урале, серьезной работы, какой тебе нужен еще север?» Но уже каждая клетка мозга, вся душа, все у Георгия было нацелено – на Север! «Там я успокоюсь, наберусь какого-то опыта, определюсь, наконец, в своей запутанной жизни. Все, решено, на Север, в Якутию!»

Георгий отправил на далекие прииска письма-запросы, дождался ответов. Из «Якутзолото» ответили, что да, люди требуются, рабочие нужны, приезжайте, трудоустроим. У них в Москве, оказывается, есть свой пункт набора рабочих, обратитесь туда, дали и точный московский адрес. На алмазы брали пока только специалистов, с законченным горным образованием, рабочих для «подхвата» видимо уже понаехало, жить там пока негде, набор ограничен, «напишите через год, с развитием производства и жилищного строительства рабочие конечно же будут нужны».

Дома посоветовался с родителями, отец одобрил. «Нечего прохлаждаться, на трудной работе и мысли ясные, познаешь профессию, сам захочешь учиться, закончить образование, не учи да недоучки не в почете сегодня. Одобряем, поезжай, но ехать надо организовано, одному опасно, да и труднее – то с билетами, то с проживанием. Путь-то не близкий, пересадок много, месяц, наверное, добираться будешь, да еще и доберешься ли один-то. Нет, организовано надо. Поезжай в Москву, там сам определишься, раз у якутов есть там свое представительство. Поезжай сынок, с богом!»

В Москве все определилось сразу. Уполномоченный «Якутзолото» по трудоустройству посмотрел документы – «В Якутию, на золото? Да, как раз сейчас набираем партию рабочих, будем отправлять человек тридцать. Люди подходят, бригада почти сформирована, вас возьмем, нам специалисты нужны. Переведешься на заочное, у нас и закончишь институт. Ничего, у вас специализация еще не началась, вы как раз на распустье, вот и станете золотодобытчиком и почетно, и денежно. Отправка в январе, через месяц, можете еще съездить домой, собраться, а нет, так мы вас и в Москве пристроим на временную работу, есть у нас и такая возможность. Как?»

– Нет, поеду домой, мне еще дела сдать надо на своей работе, приеду в январе, перед отъездом.

– За неделю до отъезда, не позже, нужно все нам с вами оформить, вы получите подъемные, билеты, тут никакой задержки не должно быть. За неделю до отбытия, не позже.

Геorgia это устраивало, как нельзя лучше – ему надо было передать кому-то спортивную группу. Был тогда в Уфале способный гонщик – Саша Иванов, бегать он уже практически перестал, так, для души иногда на городских соревнованиях выступит, но серьезную подготовку прекратил, тренировал какую-то команду, кажется строителей, вот ему Геorgia и хотел передать группу. Он с ним и раньше как-то заговаривал об этом – берись, Саша, за пацанов, интересные ребята, и бегут уже прилично, из них можно что-то сделать, заниматься надо, а я все равно уходить буду – или на учебу, или на шахту, горняк же, надо возвращаться в свою профессию, берись, Саша, не пожалеешь.

Вернувшись из Москвы, Геorgia рассказал о своих планах директору спортшколы и сразу же предложил кандидатуру Иванова.

– Ну что с тобой делать, знаю уже, раз решил, говорить с тобой бесполезно, давай приглашай Иванова, порешим все наши дела. Поезжай, раз решил, а жаль, мог бы стать хорошим тренером, а они, я думаю, нужнее иных инженеров.

Геorgia спокойно передал все свои дела, отрегулировал и личные дела тоже, а какие личные дела – никаких личных дел у него и не было, так, баловство одно. Не то, что у Вовки Жукова, друга по самодеятельности. Вовка человек серьезный – определился с подругой и сразу женился. Женское баловство не для него, недавнего радиста Морфлота. Отслужил Володя в армии, на флоте, вернулся домой к немолодым уже родителям, определился в городе, устроился на работу. Что еще нужно для полного счастья? Конечно – жена, подруга, хозяйка. Инна. Нижнеуфалейская красавица. И ведь увидел как-то «хитрый» моряк, заметил, завлёл!

Отгулял Геorgia у Вовки Жукова с Инной на свадьбе и сразу после Нового года уехал в Москву.

4

Геorgia смотрел в овальный иллюминатор самолета. Внизу – сплошной туман. Слой облаков самолет уже прошел, снижаясь, но взлетной полосы еще не видно. «Нам не видно, а пилоты, значит, знают, что делают». Нет, лучше вниз не смотреть, давящая боль в ушах лучше наших глаз сообщают – снижаемся.

Якутск середины пятидесятых – небольшой деревянный город, в основном одноэтажной застройки, за некоторым исключением. Двухэтажное деревянное здание Управления золотыми приисками – «Якутзолото», трехэтажное каменное здание Обкома партии, театр, еще десяток двухэтажных каких-то контор, общежитий – вот и вся «высотная» часть. Мостовые тоже деревянные. Проезжая часть улиц выстроена деревянными «пеньками», стоящими торцом, вертикально, по сплошному срезу таких пеньков и ездят по улицам немногочисленные автомобили, небольшие грузовики, да редкие легковушки. Телеги – на резиновом ходу! Оно и понятно, на деревянных колёсах по таким мостовым напрыгаешься и ездить не захочешь.

Мороз жуткий, от мороза туман, в десяти шагах ни ты никого не видишь, ни тебя не видно.

Нет, в такой мороз не до прогулок, отложим знакомство с городом на более тёплые времена. Когда-то же они должны наступить!

Георгий вернулся в здание аэропорта. Оно тоже деревянное, два этажа и сверху, как «скворечник», какая-то надстройка. Вот там, в этом «скворечнике» их, бригаду завербованных в Москве рабочих для разных работ на золотых приисках Якутии, и расселили. Выдали матрацы, ими застелили пол небольшой, примерно пять на пять метров, комнаты. Матрацы разложили вдоль стен, так чтобы посередине получился проход. У входной двери – небольшой столик и один стул. Видимо, это место предназначалось для приема пищи.

Им лететь дальше, в столицу Оймяконского района, на полюс холода, в центр Индигирской золотодобычи, куда добровольно, похоже, уже не едут. «Якутзолото» имеет в Москве свое представительство, где и «вербуют» рабочих. Договор заключается на год, с выдачей подъемных, бесплатной перевозкой и кормлением в пути. Кто задерживается на год, кто-то не выдерживает и нескольких месяцев, а кто бежит, едва повидав, что это такое – Якутия. Текучесть кадров среди вербованных – почти сто процентов. Но все же вербуют – если остается хоть сколько-то рабочих надолго – это уже окупает затраты. Надо же кому-то вырубать дражные полигоны, готовить крепежный лес для подземки, для крепления горных выработок на шахтах, вести разного рода подготовительные работы. К золотодобыче вербованных не допускали – во-первых, долго учить, во-вторых – для золотодобычи есть «лагеря». «Зэки» работают на шахтах, промприборах годами, десятилетиями, это высококлассные специалисты, да и послушные, никаких с ними забот. Корми, одевай, обеспечь работой. И охраняй, как следует, потому что «зэки» – сколько их не корми, а в лес поглядывают.

Сколько же еще добираться? Внизу, в зале ожидания, кто-то из пассажиров сказал, что до Индигирки, по таким морозам, и по месяцу ждут отправки самолета.

«Полюс холода». Неужели еще бывает холоднее, чем сейчас в Якутске? Георгия аж передернуло. И что его черт понес в эти забытые богом края, какая такая «романтика»? Говорили же ребята в Москве – оставайся метро строить, смотри, какая команда подбирается! И действительно, парни были что надо, вчерашние студенты-горняки, кому надоело жить на стипендию да искать случайную работу. Перешли – кто на заочное, кто на вечернее – и на проходку, в метро. Там таких ребят брали, очень уж не хватало проходчиков. Георгий тоже ушел из горного, аж с четвертого курса, но у него причина была иная, не хочется вспоминать, надоело перед собой оправдываться. Но Георгий давно задумал эту поездку на Север, да чтобы еще на самый крайний, очень хотелось ему посмотреть эти суровые края. Но не думал он, что они такие суровые. Впрочем, поживем – увидим, может, не так уж и страшен этот север...

Через несколько дней повеяло ветерком, туман рассеялся, оказывается в этом «промерзшем» небе и солнышко есть, да еще такое веселое, все вокруг сразу преобразилось, ожило, потеплело. А на улицах оказывается и народу не мало, бегут куда-то, спешат по делам своим, им вроде и мороз не помеха. А может, и не помеха!

ИЛ-14 тяжело отрывается от полосы разбега, надрывно гудят двигатели самолета, до Индигирки лететь почти четыре часа, не замерзнуть бы. Но в салоне тепло, не так, чтобы и раздеться можно, но тепло, не верится, что за бортом, как и внизу, на земле, за шестьдесят...

Снова полет, движение, сколько уж этой езды, вот и поезд пережили, почти месяц в вагоне, и на самолете уже летим, а снова все те же мысли – куда, зачем?

Индигирка, столица Оймяконья, встретила спокойнее, дружелюбнее, чем Якутск. Это понятно, в Якутске быстрее бы от нас отделаться, а здесь нас ждут, нас сюда пригласили, нас сюда «наняли», к нам

здесь приглядываются – кто есть кто. Не ошиблись ли, не привезли ли по незнанию пьяниц, лодырей, тунеядцев.

Легкий автобус, типа «курганца», с печкой в салоне и мудрым, рассудительным водителем, который полупьяному встречающему представителю администрации резонно посоветовал не мудрить сегодня, увезти всех в гостиницу, а уж завтра, с утра, пусть работают с отделом кадров. Он и привез бригаду в город.

Хмурый начальник кадров Индигирского Управления почти не смотрел наши документы, распределил всю компанию на прииск «Ольчан».

– Там директор всем вам определит работу.

– Когда являться?

– Три дня вам на устройство, оформление паспортного режима, но через эти три дня будьте добры быть на месте. Законы у нас «дальстроевские», не прибыл во время – «прогульщик». И наказание соответствующее.

В Якутске, даже с высоты полета, Георгий не заметил лагерей, впрочем, при плотном тумане земли почти не было видно. В Индигирке же его поразило количество «зон». Сам городок, кажется, и появился-то вокруг лагеря – и двойной ряд проволоки, и вышки сторожевые расположены в самом центре индигирского городка, а вокруг них – и жилое, и администрация. Город вокруг лагеря почти весь состоит из одноэтажных бараков, есть несколько и двухэтажных домов, все деревянное. Управление «Индигирзолото», кажется и оно создано здесь для обслуживания лагерей, расположилось где-то внизу, на берегу реки – быстрой, широкой, глубокой – хотя ясно, что это лагеря обслуживали индигирские прииска, это для добычи золота свезли сюда тысячи людей. Удивительно, но аэропорт «Индигирка» построен на противоположном от города берегу, там и жилого-то ничего нет, одна полоса, зачем? Чтобы попасть на самолет надо переправиться через стремительную и опасную реку, хорошо зимой, по льду, а летом? Катера-то не всегда, особенно в весеннее многоводье, могут реку пересечь, а не попадешь на катер? Плывут на лодках, там деловые, предприимчивые люди приспособились за определенную плату перевозить людей на тот берег, но не всегда ведь получалось и удачно. Иногда опрокидывались ненадежные лодки, не справившись с течением, и тогда уж никого не находили – ни лодки, ни людей.

Лагеря и вокруг города, в пяти километрах – лагерь смертников, откуда не выпускают никого, ни на какие работы, ни на какие общения, их как бы и не существует, но они есть, «орут» там иногда, свистят, пугают прохожих, хотя дорога ближе четырех километров к тем ограждениям не подходит.

Лагеря не только на каждом прииске, но и на каждом добычном участке.

К пятидесятым годам вокруг лагерей образовались жилые поселки, где жили те же «зэки» из лагеря, заслужившие своим поведением и дисциплинированной работой «свободное поселение». Они могли вызвать к себе даже семью, или создать ее там, на месте, но если чуть «проштрафился» или нагрубил начальству – немедленно переводился снова в зону. Впрочем, многие и освобождающиеся «зэки» никуда не уезжали – куда и к кому им ехать после двадцати пяти лет «отсидки», кто там, на «большой земле», их ждет, да и доедут ли, с их новыми привычками и характером. Вот и остаются в поселках при лагере, обзаводятся женами из местных «вдовушек», создают семью, доживая отведенное ему на этой земле время в привычных условиях, на привычной работе, под привычным присмотром лагерного начальства.

Вновь прибывшие «вербованные» всей бригадой, толпой, но неторопливо, выходили из кабинета начальника кадров, когда тот неожиданно поднял голову.

– Красноперов, задержись.

Георгий удивленно уставился на кадровика.

– Садись. У тебя тут в анкете сказано, что ты закончил три курса горного факультета, это действительно так?

– Да, я ушел после третьего курса, так у меня обстоятельства сложились.

– Странно, после третьего курса, как говорится, только «дебилы» не могут институт закончить, ты не из них?

– Может, и из них.

– Тут Майстров, директор «Эльгинского», он по своим делам приисковым приехал в Управление, посмотрел анкеты, попросил тебя задержать, поговорить хочет.

– «Задержать» куда, «на зону»?

– Ты не остри, директор прииска хочет встретиться с тобой, может, это судьба, а ты остришь. Да еще и неудачно. Ты язык-то придержи, не везде ведь и не со всеми шутки такие проходят, московские-то привычки брось.

– Да я не из Москвы.

– Ну, так тем более, поскромнее бы вести себя надо, не к «теще на блины» приехал.

– Хорошо, простите, если что не так, а сейчас – что я должен сделать?

– Ну, то-то же. Посиди в приемной, подожди, он сам сюда придет.

Ждал Георгий, к своему искреннему удивлению, не долго. Ввалился, еле пролез в дверь, здоровенный мужик, в обширном тулупе, лет под шестьдесят, в руках меховая шапка, отдышался, не пошел в кадры, прямо с порога, как будто они только что расстались, протянул руку Георгию и, словно продолжая разговор, резко спросил:

– Ну, и что ты надумал?

– А что?

– Он что – кивнул на кадры – не ввел в курс дела?

– Он сказал только, подождать, кого не знаю, может, и Вас, если Вы Майстров.

Майстров ушел в кадры, пробыл там недолгое время, вышел уже с папкой, видимо с документами Георгия.

– Мы договорились. С кадрами. А с тобой так. Понимаешь, у меня нет практически горняков. – «горняками» на Севере называли горных мастеров. – Есть инженеры, есть техники, но они все при деле, на своих постах, а «оперативников», как я называю мастеров – в забое, на промприборах – нет! У тебя почти четыре ре курса института, это же готовый инженер, что там осталось, специализация, так ты ее и здесь пройдешь. На практике. Да и защитишься заочно, это же инженерная практика. Польза прииску, а значит и тебе, и государству. Согласия не спрашиваю, ты ведь «вербованный», обязан подчиниться, поедем, у меня и машина здесь, там, на месте обо всем и договоримся.

Георгий аж задохнулся от такой неожиданности.

– А как же «техника безопасности», Госгортехнадзор?

– Хороший вопрос, цену, это уже кое-что. Значит, что-то соображаешь. Не волнуйся, с Безопасностью я договорюсь, сдашь экзамен, получишь какие ни на есть «корочки», назовем, как исключение, помощником горного мастера, ну а дальше все от тебя будет зависеть.

– Жить-то хоть есть у вас там, где-нибудь?

– С директором едешь, что о пустяках спрашиваешь. Не по делу!

– С ребятами проститься можно?

– А они здесь, на втором этаже, в «Первом» отделе оформляются, поднимись. Десять минут тебе на сборы и на выход, во дворе мой «газончик», увидишь, «пакуйся» и жди.

Прииск «Эльгинский» почти в двухстах километрах от районного центра. Дорога хорошая, знаменитый «Колымский тракт», покрытие щебеночное, но без ям, без больших рытвин, видно, что за дорогой следят и тщательно. «Газик» домчал до управления прииска за каких-то четыре часа. В пути дремалось, Майстров откровенно спал, откинувши сидение, Георгий рассматривал незнакомые места.

Все вокруг промерзло насквозь, по обе стороны дороги равнодушно стояли невысокие, но уже состарившиеся, заиндевевшие лиственницы, ели, густая пихта. Карликовый лес, вот он какой, оказывается. Чуть выше, по склонам гор виднелись кустарниковые кедры, «стланики», несколько широких «лап» вылезли из одного корня, никакого ствола не видно. «Интересно, бывают ли на них шишки?» Как потом выяснилось – бывают, да еще и такие крупные, крупнее, чем на уральских, двадцатиметровой высоты кедрах, по которым так любил лазать в детстве Георгий.

После инструктажа и изучения схемы горных выработок местных шахт, после сдачи экзамена инспектору «Госгортехнадзора», Георгия направили на шестой добычной участок прииска.

Участок за рекой Эльгой, в шести километрах от поселка Эльгинский, от Управления прииска. Дали отдельную комнату в общежитии, это было приятно и спокойно, очень уж не хотелось Георгию жить в общей комнате. Но оказывается в общей комнате ему нельзя, горный мастер распределяет людей по местам работы, закрывает наряды, значит, формирует зарплату рабочим. Поэтому, жить он должен отдельно, независимо, мало ли что может случиться по работе.

Прииск разрабатывал подземные россыпи. Золотоносные пески залежали не глубоко, в тридцати – пятидесяти метрах от поверхности. Разрабатывались подземным способом, по простой схеме – зимой пески выдавались из шахты на поверхность, складировались в специальные золотоносные отвалы, в зоне промприборов, а летом пески из «отвалов» промывались на этих самых промприборах. Получали шлиховое золото. С точки зрения прииска – это золото чистое. Но, для окончательной доводки, это золото отправляли на специализированные заводы, на «материк».

Георгий поселился на участке в пятницу, первый выход на работу ему определили в понедельник с шести утра – зимой, на подземке, работали по шесть часов, работа организована в круглосуточном режиме, первая смена начиналась в шесть утра, каждая следующая – через шесть часов, и так в четыре смены. А летом нет, по восемь часов три смены и первая смена – с восьми утра. Но, до лета еще дожить надо. У Георгия было время познакомиться с участком, поселком, с начальством, с товарищами по новой работе.

Поселок шестого участка небольшой, несколько домов барачного типа в одну улицу для вольнонаемных, мастеров, инженеров. Начальство жило на главной усадьбе прииска, в Эльгинском. В поселке магазин, где можно было купить хлеб, другие продукты – овощи, фрукты, всякие варения и компоты, все консервированное, но хорошего качества, копченые, разных сортов, колбасы, икра кетовая, та продавалась сколько хочешь, по низким, прямо таки «бросовым», по сравнению с «материком», ценам, масло, сахар в избытке, в общем, Георгий убедился, что да, как и рассказывали, снабжение на Севере отменное. Но нет ничего свежего, ни овощей, ни даже картофеля. В углу магазина, навалом – полушубки, валенки, меховые шапки, унты, меховые сапоги, в общем, чего душа пожелает. Одеться можно во все меховое, вот почему и не так уж страшны эти морозы северянам. Хотя, если за шестьдесят, то иногда такого мороза и птицы не выдерживают. Так, воробей, насидевшись где-нибудь на чердаке у теплой печной

трубы, но проголодавшись, вылетает из под крыши обжитого чердака чем-нибудь полакомиться, и камнем падает вниз, мгновенно замерзнув. А человек, выходя из дома, весь кутается в меха, лицо под теплым шарфом, но смотреть-то куда идешь надо, так у него от мороза зрачки мерзнут, он постоянно греет их, прикрывая веками, так, зажмурившись, человек быстро идет, куда ему надо, а придя на место, долго отогревает замерзшие веки. И жмурится, жмурится.

Но это – если температура за шестьдесят.

Георгий, убедившись, что с пропитанием будет все в порядке, решил на вечер взять чего-нибудь выпить, вдруг «нагрывает» кто знакомиться? На севере, говорили ему, с этим просто, без условностей.

– Нет спиртного и не бывает. – Продавец, пожилая женщина, Екатерина Максимовна, Катя, тетя Катя с любопытством разглядывала Георгия. Ясно, поселок небольшой, все уже всё знают. – Какая я вам Екатерина Максимовна, я для вас просто Катя, вы же начальство.

– Можно, я Вас Максимовна звать буду. Что, Максимовна, у вас здесь, на участке, «сухой» закон?

– Да какой там сухой закон, пойди на центр, съезди в Эльгинский и бери, сколько хочешь. На участках не торгуют, нельзя нам, работать надо.

– Понятно. А в Эльгинский как, пешком?

– Ну, зачем же, автобус, сейчас, зимой, два раза. Днем. В двенадцать часов туда, а в четыре обратно. Удобно, уехал – приехал.

– А вино там, водка свободно, без всяких ограничений?

– Тю, милоч, забудь ты про эти «деликатесы», нет тут у нас ни вина, ни водки. Спирт, весовой, продаём на вес, да еще и с нагрузкой. Хочешь взять спирту, скажем килограмм, возьми килограмм икры, иначе не дадим. А как же, если я бочку икры открыла, её же распродать надо, скиснет же, вот и распределяем в нагрузку.

– А что, мудро, и закуска хорошая.

– Хорошая, если б не каждый день.

Там же, на участке, с небольшим разрывом, километрах в двух – поселок «зэков», что при лагере. Там живут и уже освободившиеся, не пожелавшие никуда уезжать на старости лет «зэковские» старожилы, и «поселенцы», за хорошую работу и примерное поведение добившиеся права переселиться из «зоны» в поселок свободного поселения. Свободное это так, для пущей важности. На самом деле житель такого поселка покидать его не имеет права, даже в участковый магазин сходить нельзя, ходят члены семьи. А если семьи, жены или сожительницы нет, столуются продуктами из лагерного ларька, а какое там снабжение – всем известно. Хотя и там, в этом северном лагерном ларьке, набор продуктов несравненно богаче, чем в таких же ларьках на «материке».

За поселком – сразу начинается и далеко простирается, так, что не охватить одним взглядом – лагерь. Два ряда колючей проволоки и вышки, вышки, вышки...

В середине основного поселка – небольшая контора, с охраной – там касса, там содержится, до отправки в центральную кассу прииска, добытое золото. В конторе небольшой, но вмещает всех проживающих на участке вольнонаемных, красный уголок, где показывает передвижная киноустановка фильмы. Почти каждую неделю что-нибудь показывают. И фильмы совсем не старые – не успела Москва посмотреть, как уж и Север смотрит. Иногда выступает районная самодеятельность. В основном по праздникам. Летом приезжают чаще – все же сезон золотодобычи, нужна «идеологическая» поддержка.

В этом же помещении, с торца, с независимым входом и своей специальной охраной – магазин

«Золотоскупка». Этот магазин – уникальное для Советского режима скупочное заведение. Здесь принимали любое золото, где бы сдающий его не приобрел – на старательстве ли, украденное, найденное – происхождение не спрашивали. Принес – сдай. Взвесили – получи деньги. Расценки – чуть выше старательских. У старателей золото принимало предприятие, там существовал долгосрочный договор на добычу и обязательную сдачу золота в кассу предприятия по определенным расценкам. А «Золотоскупка» принимала у всех, кто бы ни принес, происхождение сдаваемого золота никого не интересовало, расценки чуть выше старательских потому, что сделай их ниже – будут или продавать старателям, или золото будут «утекать» за пределы прииска. Доходило до «куръёзных» вещей – участковый засек вора, приходит за ним, а вор выскочил в окно – и бегом в «Золотоскупку». Убежал от участкового, сдал золото и его уже никто трогать не имеет права!

Гениальное было решение – все ворованное и случайно найденное золото оставалось на прииске, значит у государства. Как только ликвидировали «Золотоскупку», так началось воровство, принявшее в течение каких-то десяти лет никем не предсказуемые объемы. Много лет спустя, распутывая с работниками КГБ одно из преступлений, связанное с хищением золота, когда Георгия пригласили для экспертизы, как специалиста, его потрясли цифры «украденного» золота. Полторы тонны! Это же средних размеров Прииск! И это только «изымалось», а сколько исчезало без изъятия? Этих цифр никто не знает и никогда теперь уже не узнает. Вот пример пустого реформаторского «зуда» – ликвидировали за ненадобностью, чтобы не поощрять советского человека в несвойственном его чести и достоинства «стяжательстве». Сократили на прииске десяток штатных единиц, а породили гигантские потери, воровство, создали многочисленные специализированные отделы в милиции, в КГБ, таможне, да и в других подобных органах, сотни людей получили дополнительную «кормушку» за счет бюджета, а ведь «Золотоскупка» работала на полной самоокупаемости! Георгий не успел как следует познакомиться с «Золотоскупкой» – ее закрыли «секретным» постановлением Правительства.

Георгий вернулся в свою комнату, в общежитие, помылся под душем. Это удобно, душевая хоть и одна на всех в общежитии, но она все же есть, и это хорошо, после работы помыться можно.

«Посплю, после всех переживаний, новостей – отдохну, там посмотрим, что делать дальше. Завтра съезжу, пожалуй, в Эльгинский».

Разбудил настойчивый стук в дверь. Георгий быстро надел спортивный костюм, открыл дверь.

– Входите.

На пороге стоял плотного сложения, симпатичный молодой человек, волосы черные, брови черные, глаза «стремительные», вернее не скажешь, подвижный весь, какой-то нетерпеливый.

– Привет! Ты и есть новый «горняк»? Дай, думаю, зайду, познакомлюсь. Человек один, в одиночестве, впереди вечер, знакомых нет, только-только человек на Север прибыл, «одичает», расстроится, разочаруется. А? Так ведь? – и все это буквально на одном дыхании.

– Да не успел, вроде, еще разочароваться.

– Не успел, так успеешь, знаю я вас, москвичей. Вы ведь без «цивилизации» и дня прожить не можете.

– Да не москвич я вовсе.

– Из Москвы, значит «москвич». А там – Россия большая, откуда бы ни был, раз из Москвы приехал, значит москвич. Я Дмитрий, Дмитрий Викторович, для тебя просто Дима. Горный инженер-экономист. Экономистов здесь хватает, а «горняков» нет. Работаю здесь горным мастером вот уже более чем два года, теперь будем осваивать недра земные, приполярные, вместе.

– А я – Георгий.

– Георгий – это ведь Юрий? Ты больше на Юрия похож. Домато, в детстве мать как звала? Юркой?

– Точно, Юрием. А мать звала – Юшкой. Меня и в школе все, почему-то, чаще звали Юрой.

– Ну вот, я же вижу, глаз – он ведь как «ватерпас», все видит. Ладно, официальную часть будем считать законченной. – Дима подошел к столу, ловко накрыл принесенной скатертью, достал хлеб, еду – домашние пироги, котлеты, огурчики, банку помидор, бутылку чистейшего спирта, 96 %!

– Стаканы у тебя должны быть, посмотри в шкафу, если нет, принесем.

Стаканы, тарелки, нож и ложки действительно были. Все стояло в шкафу. Дима быстро все помыл, расставил – садись.

– Дима, я же спирт никогда не пробовал. Задохнусь!

– Ну так – когда-то же начинать надо! Здесь, в наших магазинах, кроме спирта ничего нет. Ни вин, ни шампанского, даже водки нет, ее москвичи привозят из отпуска как «деликатес», как сувенир подарочный, у нас здесь все на спирту, привыкай. Вот, смотри, как надо. Пьем спирт только чистый, не разводить, на одном дыхании, одним приемом и сразу, без вдоха – запивать. Водой. Обильно. Ну, поехали.

– Давай ты первый, я посмотрю.

– Ну, посмотри – и на одном дыхании, полстакана, как на материке водку. Не выпил, просто влил в себя.

Георгий глубоко вдохнул, выдохнул и почти залпом выпил свою порцию. И сразу – водой, обильно. Не задохнулся, но горло окаменело, вдохнуть долго не мог. Наконец из глаз брызнули слезы, горло как будто оттаяло, размягчилось, он еле-еле коротким вздохом добрался до воздуха – и выдохнул. Потом задышал часто-часто, наконец, с трудом выдавил из себя:

– Ну и ну ...

– А что, для первого раза неплохо, высший класс, видать далеко пойдешь!

– Дима, я ведь вообще с выпивкой-то не очень, почти не пью. Меня развезет сейчас, а то и вырвет.

– Ну и что, все мы прошли через это и все мы не пьем. Здесь только «запей», быстро сопьешься, делать-то нечего, одна работа, а она зимой всего шесть часов. Восемнадцать часов свободного времени! Ничего, Юра, освоишься, завтра поедem на Эльгинский, познакомимся с местной интеллигенцией, её хоть немного, но есть. Заглянем на танцы в местном клубе, познакомлю тебя с девицами. Будем жить!

5

Удивительная эта страна – Север. Еще три дня назад трещали – ну ладно, не пятидесяти, но двадцатиградусные морозы. А вот уже и «капель», все тает, ручьи, солнышко. Весна. Двадцать пятого началась, первого закончилась. Началась в мае, закончилась в июне. А еще через неделю и вовсе – тепло, все зазеленело, травка торопится отметиться на земле-планете, все, что должно цвести – зацвело, все, что должно размножаться – размножается. Тянуть некуда и некогда – коротко северное лето, все, что определено природой, должно совершиться. Нет на Севере ни весны, ни осени. Всему этому переходу от тепла к холоду, и от холода до тепла, всему этому переходному периоду природа северная отводит неделю, ну, ладно, в хорошие годы, две. А там – или холод лютый, или жара сорокаградусная. Никаких поблажек всему живому нет, сами приспособляйтесь!

В апреле Георгия вывели из «подземки» – поручили ремонт и полную подготовку промприборов к промысловому сезону. Промприборов на участке три. Все в зоне золотиносных отвалов, золотосодержащих песков, что выдали «на-гора» зимой. Все три в «зоне». За двойной колючей

провоолокой.

За месяц нужно подготовить загрузочный бункер, отремонтировать конвейера, бочку-скруббер, электрооборудование, перебрать механизмы – редукторы, ролики, проварить шлюзовое хозяйство, подготовить крепеж резиновых ковриков, да разве все перечислишь! Промприбор – это же настоящая Обогажительная фабрика! С законченным обогажительным циклом! В «головку» поступает золотиносный «песок», а на выходе – стокерный конвейер выбрасывает в отвал «пустую» гальку. А золото – всё золото остаётся на шлюзах. Там его и забирают «съёмщики-сполоскатели». Чистое золото забирают, готовое, девяносто шестой с «копейками» пробы! И только на «аффинажном» заводе доведут его, это золото, до почти абсолютной чистоты, в четыре девятки! После запятой.

Рабочие в бригаде Красноперова опытные, как делать – рас сказывать не надо, дело мастера определить – что на сегодня делать. Рабочие на участке работают десятилетиями, им ничего подсказывать не надо. Все «зэки». Схема простая – утром конвой приводит бригаду на работу, мастер принимает. Принял 55 человек – отмечено в журнале на вахте, вечером – сдал 55 человек. Зона золотоотвалов и промприборов огорожена двумя рядами колючей проволоки, подходить нельзя – стреляют без предупреждения. Через каждые пятьдесят метров – сторожевые вышки, с закрепленным пулеметом и автоматом на шее охранника, всё под контролем. Вне зоны только насосная станция – ее обслуживают вольнонаемные, впрочем, тоже бывшие «зэки».

Георгий умотался за последнее время. Работали сутками. Верхние слои песков золотоотвала уже оттаяли, бульдозер готов послойно подавать пески на конвейер, пожалуйста, обрабатывайте. Днем температура выше нуля, насосы запускать можно, «начинайте золотодобычу, что там у вас еще не готово, где вы раньше-то были»? Начальство шумит, торопит, не понимает начальство, что если случится в цепочке механизмов какой «не приведи господи», сбой, да ещё ночью, да при температуре минус десять, то всю схему и заморозить ведь можно, а там работы побольше будет. Но температура растёт стремительно, ежедневно, уже и по ночам порой тепло, да, начинать все же надо.

– Ну что там у тебя, Красноперов, опять мудришь, перестраховываешься, запускай!

Главный инженер зол на Георгия за то, что он его практически «подставил» зимой, когда пришел на шахту. Дело в том, что горные выработки проходились по вечной мерзлоте, устойчивость вмещающих пород хорошая, крепление выработок, а это в основном «костры», – такая деревянная «кладь», в виде «колодца», – устраивались редко, даже реже чем через пятьдесят метров, всех устраивала экономия леса, но выработки «вентиляция» размораживала, начинался «капезь», мерзлота подтаивала, породы-то – речной песок, он же сыпется, если он растает, что будет с выработками? Вот Георгий с первых же дней назначения его горным мастером и занялся креплением «по нормативам». И, как результат, концу месяца – перерасход лесоматериала. Скандал, лишение премии, Георгия на «ковер», он уперся, «по другому работать не буду!». А потом, – Георгий не сдержался, высказал все Главному, да не в кабинете, не один на один – на совещании по технике безопасности. А это не скрыть. Здесь ведь представитель «Госгортехнадзора» участвует! Георгий заявил прямо с трибуны:

– Что это за перерасход пиломатериала, что нам предписывают? Если считать по нормативам, то мы укладываемся, а если по «дутой экономии», за то, что не крепили раньше по нормативам – так это приписки! И премии – за дутую экономию!

Начальник участка Георгия поддержал.

– Сколько можно рисковать, в забое хоть и «зэки», но все же люди!

Главный рассвирепел – «это что же, сопляки, по-вашему я что – хочу людей загубить!» А тут как на грех обвал на соседней шахте, мерзлота подтаяла, два человека погибли, приехала комиссия «Главзолото».

Главного «за шиворот», он и сейчас «под следствием». И торопится, надо золотодобычу начинать, там не до «следственных разборок» будет. Вот и шумит на Георгия.

Наконец ремонтные работы закончены, еще смена ушла на настройку и регулировку механизмов – то шлюзы потекли, то бочка-скруббер ползет вверх на роликах, а то и транспортерная лента сползает на сторону. Да и с электрикой, с автоматикой при запуске пришлось повозиться...

Но – всему приходит конец, на завтра Георгий заказал бульдозеры, они уже здесь, на участке, ждут только команду – поехали!

Шуршит неслышно падающая в отвал стокерная галька, каждый по своему постукивают на ходу механизмы, работает огромная обогатительная фабрика – Промприбор – промывочный, промывает золотые пески, осаждает на ковриках шлюзов самородное золото, ибо россыпное золото, оно ведь всё самородное. Есть приличные «жучки», с ноготь большого пальца, есть и совсем мелкие, есть и пыль золотая, но все это – самородки.

Третий день работают промприборы, на сегодня намечен первый «сполоск», съем золота с шлюзовых «ковриков». На сполоске работают только вольнонаемные. На первый съем вызваны доводчик, да два помощника – на северных россыпях золото крупное, с ним возни немного. А вот дальше, с увеличением объемов промывки – да, там на сполоске будет нужна уже целая бригада.

Кончается первая смена, скоро бригаду заберет «конвой» и приведет вторую смену. Народ все пожилой, самым молодым – под сорок. Еще бы, все по максимальному «тянут», по двадцать пять, а многие уже за двадцать перевалили в отсидке своей, а кое-кто и пережил отсидку судьей определенную, но ничего, «уважили» человека. «Отсидку» продлили. На золоте работают в основном политические, уголовники редко, их немного и вообще-то осталось в этих краях, куда-то туда, где потеплее переводят их, видать тяжело «уголовничкам» на Севере лютым, «политические» в основном тянут золотую лямку. Но и за ними нужен глаз да глаз, а может, еще и повнимательнее надо быть с ними! Они же умные, хитрые...

Остановлены промприборы, очищены от песка и грязи все площадки, проверены все пломбы – не нарушены ли где, а то аврал, обыск, «шмон».

Бригада собралась у костра в ожидании конвоя.

– Слушай, горняк, хороший ты видать парень, не откажи в просьбе. Много нам от тебя не надо, но ты же знаешь, какие у нас в ларьке ограничения с чаем, приносил бы ты нам пару пачек чая по утрам, а мы бы тебе по век наш благодарны были. – И всё это с таким дружелюбием, с такой любовью в хитрых глазах. Георгий мгновенно «врубился», вышел на полянку:

– Всем построиться. – И когда все притихли, с любопытством поглядывая, что это «горняк» придумал, Георгий спокойно объявил:

– Вот что, господа хорошие, не знаю, долго ли нам вместе работать, думаю весь сезон, давайте сразу договоримся – ни я вам ничего не должен, ни вы мне. За работу буду спрашивать, а остальное, как говорится – каждому свое. Поэтому, просьбы вашей, ну, в отношении чая, будем считать, что не было. Я, по крайней мере, о такой просьбе ничего не слышал!

Сполоск шлюзов, отмывка песка, доводка и «отжарка», сушка золотого песка, заняли много времени, закончили только под утро, где-то к пяти часам. Золотой песок, его по виду было менее килограмма, ссыпали в специальный кожаный мешок, взвешивать нужно в кассе, мешок замотали, перевязали жгутом, Георгий забрал мешок в руки:

– Пойду, подниму кассира, кто у нас сегодня в дежурстве, не помнишь, – спросил «доводчика».

– Кажись, Верка. С тобой пойти? – положено у золота быть не мене, как троим, но что всем делать в

пять часов утра?

– Ладно, идите спать, сам унесу. – Дело привычное, когда золота немного, всегда так делали.

Георгий с нетяжелым свертком пошел искать Верку. «Хорошо бы хоть дома застать, а то еще и по гостям наищешься».

Веркины окна в темноте, без света.

«Постучу». Постучал в высокое окошко, даже на «завалину» пришлось залезать.

– Вера, а Вер, иди, прими золото. – «Выставилась» в окно минут через десять, уставилась, как на бандита с большой дороги.

– Тебе что, лень в расписание посмотреть, там же ясно обозначено – Клава сегодня на дежурстве, что ты ходишь людей пугаешь, глаза-то «разуть» трудно? Что ты будишь, людям спать не даешь! – Крику на всю округу.

– Так ведь золото, пойдем, прими, мало ли чье дежурство.

– Ага, счас, побежала, к Клавке иди, её подымай.

Побрел к Клавке. Устал смертельно, сутки уже на работе, ноги еле передвигаются.

– Клава? – постучал в окно.

– Кто? Это ты, Георгий? – сейчас, минуту, сейчас оденусь, иди к кассе, я сейчас прибегу.

Наконец все в порядке, золото взвесили, акты составили, пломбы поставили.

– Пошел я, Клава, спать.

– Конечно, конечно, Георгий, ты уж это, не подведи меня, как будил – никому не скажи?

– Да ладно, сочтемся, привет, а то, у меня уж и глаза-то не смотрят.

– Ну давай, давай, спи иди.

На участке «горняков» трое, работают сутки – через двое. Переработка, конечно, но за переработку платили, за два дня вполне отдохнешь, претензий у мастеров не было. Георгий постучал Диме, – «я закончил смену, золото сдал, завтра твои дела».

– Давай, «старик», спи. Я в порядке, смену с утра приму. После того случая с чаем и построением бригада как-то подтянулась, стала с Георгием почтительна, но появилась и настороженность – «Не из ментов ли?».

Вскоре произошел еще случай – не включается «бочка» да и только. И там электрик смотрел, и здесь проверил – не включается. Пускатель на отметке 23 метра, ползти туда наверх да ползти по крутым лестницам, но Георгий обходил Промприбор сверху-донижу за смену не менее двух раз, ему не в тягость, он поднялся и увидел, что рубильник просто-напросто выключен. А Промприбор стоит уже почти полчаса, уже по правилам о простое надо по-начальству докладывать, электрика же нет, без его ведома не включишь, хотя на рубильнике даже таблицы нет – «не включать, работают люди». Георгий по громкоговорящей связи вызвал электрика, видел сверху, что тот бегом кинулся от костра, всегда горящего у места отдыха и курения, там – то чай у них, то «чифирь». Видит электрик, что горняк ждёт, торопится, спешит по лестничным переходам. Прибежал к «пакетнику», ждет. И вдруг:

– А, горняк гребаный, это ты рубильник выключил, не хочешь работать!

Георгий оторопел, чего-чего, а такого он не мог и подумать.

– Да ты что, Вася, я тебя здесь жду, у тебя хочу спросить, почему стоим.

– А я откуда знаю, почему стоим, я давно все нашел и все сделал. – Георгий все понял. Взял за плечи электрика, внимательно взгляделся в глаза.

– Включай. Промприбор заработал.

– Пошли. – И только вышли на узкую лестничную площадку, вниз – аж смотреть страшно, больше двадцати метров, бездна, Георгий мгновенно развернулся, схватил Васю за грудки и резко наклонил к невысокому перильцу:

– Быстро говори, кто надоумил, сброшу гада, говори!

– Ты что, горняк, ты что, ребята проверить решили, отпусти, руки не держат, сорвусь, отпусти...

– Сволочь, никогда не прощу, запомни, и своим накажи, никогда! А еще что-нибудь придумаешь, на «строгача» пойдешь. Понял!

– По-по-понял, пусти, боюсь сорваться, поня-я-я-л, пусти.

А через два дня – новое событие. Встало сразу всё! Не стало воды и всё остановилось автоматически – промприборы, конвейера подачи песка из приемного бункера. Георгий к Васе – что у тебя опять?

– Алексаныч, счас, все быстро проверю, доложу, счас, я быстро.

Выяснилось – отключение на насосной, а это вне «зоны», бригаде не подвластно.

Георгий пошел на вахту.

– Узнай, дежурный, что там с водой, отключилась насосная.

– Горняк, всех уже обзвонил. На насосной никого нет, дежурному сообщил, диспетчеру на прииск тоже, жди.

– Слушай, выпусти ты нас с электриком, мы быстро разберемся, а то ведь их до конца смены не дождешься. – Вася здесь же, за дверью.

– Да ты что, горняк, с луны что ли ты свалился, да если я, ну тебя ладно, хоть сейчас, а если я твоего электрика выпущу, сирена же на весь Оймякон завоет, нас же с тобой рядом с твоим Васей поместят!

– Ну, тогда ладно, выпускай хоть одного меня.

До насосной метров восемьсот, по болоту. Все подходы к насосной со стороны поселка, от зоны подхода не предусмотрено, а потому ни тропы, ни дороги нет. Но пробираться как-то надо. Надо. Пошел. По кочкам, по видимому сушняку.

В насосной Георгий быстро определился – сработал предохранитель. Нашел. Да, вот они, в ящике, запасные. Поменял, позвонил диспетчеру, так и так, нашел, заменил, можно ли включиться, не работают ли на линии? «Да нет, все у вас, включайся». Через пятнадцать минут все заработало, зашуршала отвальная галька, пошли золотые пески.

Вот после этого случая бригада приняла Георгия уже безоговорочно. А это значит – на всю оставшуюся жизнь бригада за Георгия костями ляжет – не тронь наших!

Богата земля северная. Георгий каждый раз изумлялся и восхищался, когда приходил посмотреть на работу бульдозеров, что подавали пески в завалочный бункер. Не мог никак привыкнуть к тускло блестящим золотишкам на гусеничных башмаках бульдозера. Кто бы рассказал, никогда не поверил бы, что вот так просто, в куче песков – видимое золото. А бульдозерист равнодушно толкает пески в бункер, «питатель» подает их дальше на конвейер и золотоносное сырье течет по предназначенной ему схеме аж до резиновых ковриков на шлюзах промприбора. А ночью, после второй смены – «сполоск». Теперь уже не доводчик с помощником, целая бригада работает на шлюзах, под надзором вооруженной охраны,

специальная комиссия принимает и печатывает банки с золотом и не по несколько сот граммов, а килограммы, и даже десятки килограммов снимется со шлюзов. И горняк не ползает с мешочком по поселку, не ищет кассира, касса работает круглосуточно – то принимает добытое золото, то отправляет на прииск. Со шлюзов везет в кассу специальным транспортом добытое за сутки золото специальная комиссия и специальная охрана! Не горняк, с мешочком подмышкой!

Смена Георгия в передовиках, она первой на прииске намыла и килограмм, и десять килограммов, и пуд. Это такие вехи передовиков на прииске, это отмечалось в стенгазетах, за это бригада премировалась. Поощрялась. Уже через два месяца почти все члены бригады – кому устав «зоны» позволял – были за «ударную» работу переведены и жили на свободном поселении, в прилагерном посёлке. Очень гордились этим!

Отношения с бригадой у Георгия были дружеские, но не панибратские, этого не позволяли себе рабочие. Держал необходимую дистанцию и Георгий. На «перекурах», у постоянно поддерживаемого костра – то надо чайк подогреть, то заварить «чифирьку», любимый «зэковский» напиток, то обед подогреть – часто заходили разговоры о жизни лагерников. Некоторые не скрывая рассказывали о себе – было что-то в Георгии этакое человеческое, люди распахивались перед ним, рассказывали иногда откровенно – за что судьба их так больно ударила.

В бригаде работал электрик. Пожилой, далеко за пятьдесят, политический. Вадим Сергеевич звали его все почтительно. С уважением. «Сидит» давно, и как он однажды выразился, освоил все «лагеря» страны, во всех климатических зонах. Бывший полковник Генерального штаба – это Георгий узнал из анкеты, всех, кого допускали к золоту, первый отдел знакомил с анкетами. За что попал в лагеря этот полковник Генерального штаба долго не рассказывал, а тут как-то вечером, электрика не было, он остался на вторую смену. Когда все механизмы вертятся, работают, делать в вечернюю смену особенно нечего, все подготовительно-заготовительные и ремонтные работы делаются днем. Сидя у костра они с Георгием и разговорились.

То было время «реабилитаций» виновных-невиновных, низвержений авторитетов. Двадцатый съезд, разоблачение культа Сталина, свобода мнений, свобода «болтовни» и самоутверждений вчерашних уголовников.

Георгий об этом и заговорил у костра – скоро свобода всем «политическим», вовсе они не предатели, не враги народа, скоро и вам, Вадим Сергеевич, наверное, придет постановление о реабилитации, – ну и еще что-то в том же духе.

– Наивные вы ребята, нынешнее поколение, всему-то вы верите, что вам рассказывают. Да было бы тебе известно, молодой человек, иным уголовникам и не снились те преступления, за что сидят политические. Я вот давно уже здесь, на Эльге, а что-то не помню, чтобы кого-то отпустили, помиловали. Сегодня вот много говорят, что лагерей скоро не будет. Может, и не будет лагерей, но только не потому, что нас, «зэков», выпустят. Подумай, если нас всех сегодня выпустить, чего мы там со своими обидами натворим? Если лагеря кому-то понадобится ликвидировать, то и нас ликвидируют вместе с лагерями! Уж это, как говорилось в старину, и к бабке не ходи!

– Но вот Вы-то сами, Вы же «политический»! Вас то за что посадили, не за анекдот же про Сталина?

– Что ты обо мне понимаешь, Георгий. Ну ладно, раз разговор такой пошел, теперь я уж старый, двадцать три года по лагерям «катаюсь», теперь уж мне за «болтовню» не добавят, расскажу, раз спрашиваешь. Так вот – я и есть настоящий убийца. Больше того, я загубил ребенка, собственную родную и любимую дочь. Да меня тогда расстрелять было мало. Но у нас тогда за убийство не расстреливали, расстреливали вот как ты говоришь, за «анекдоты» да за «болтовню» разную! Но – в основном за

«богатство», за деньги наворованные. Если у кого были, тех-то уж точно – «подчистую», чтобы не «мозолили» глаза.

Георгий аж растерялся от неожиданности.

– Как же это.

– А вот так. Поехал я на работу, да забыл что-то, не помню уж теперь что, спохватился на работе, но закрутился немного, как всегда утром что-нибудь да есть неотложного. А часика через два вернулся – жена моя с нашим «политработником» в постели «тешится». Я сгоряча выхватил свой пистолет, мы тогда всегда были при оружии, да и уложил обоих прямо в постели. А тут дочь выскакивает на выстрел, она не успела в школу уйти, ну я и заорал – а, и ты туда же, такая же бл... растешь, и всадил в неё остатки обоймы. Не мог я тогда понять, как это, дочь дома, а жена с любовником, значит не впервые, значит привычно все это! Дали мне двадцать пять. Не за жену и не за дочь. Дали за политработника. Вот тебе и «политический».

– Неужели такое возможно, неужели это было, да еще с Вами?

– Было, еще и почище было. Ты пойми, Георгий, новые люди, новая власть, вчерашние унтера, студенты да бандиты всех калибров и мастей неожиданно пришли к власти. К неограниченной власти! К власти, о которой царь и не мечтал. Что они могли, что умели, а главное, что они имели? Вот и торопились жить, хватались за все и хватали все, что схватить можно. Никто, даже из них никто и никогда не верил, что эта, случайно свалившаяся на их головы власть, надолго. Вот и торопились. А вы – политические, политические... Да ворье такое же, только воровали «по закону». За что политических не любят уголовники? Думаешь за «родину», как рассказывают некоторые недоумки в разных там изданиях да повестях? Да за это самое и ненавидят, что они, воры, воровали с риском для жизни, а политические – по ими же установленным «законам». Ну, а теперь, конечно, сейчас все лезут в «реабилитацию». Да еще и орут о справедливости. Кто доносил на ближнего, тот и орет больше всех. Я не жду ничего, не за что меня реабилитировать. Дочь жалко, только перед ней я виновен, ни перед кем больше. Разве вот, еще и перед собой...

– Замолчал. Глаза увлажнились.

– Прости, Георгий, распалился я что-то, забудь все, что я здесь «нагородил», не знаю, что это навалилось на меня, впервые за двадцать-то три года, прости. – Он тяжело встал и ушел к Промприбору.

Как-то еще раз подвернулся случай для откровенного разговора – выполнили досрочно месячный план, резервные дни оставались, решили сделать хороший ремонт, чтобы потом, в следующем месяце, не тратить лишнего времени, не иметь ремонтных простоев. Запустили после ремонта все механизмы, устали, а приятно отдохнуть, когда все работает, все крутится, все запущено твоими руками, знаешь, что все надежно, ничего не сломается, ничего не остановится – только что сами все проверили, наладили, отрегулировали.

Собрались у костра, настроение хорошее, чай, «чифирёк» – чашки пошли по рукам. Вадим Сергеевич вдруг заговорил сам, обращаясь прямо к Георгию.

– Вы вот нашумели там про «культ личности», а того не соображаете, что подрубили тот самый сучок, на котором все и сидите. Что за «разоблачения», кого «разоблачили»? Да сами себя и разоблачили. Всему же миру известно, что Хрущев никакой не Сталин и никогда им не станет. И он это знает, вот и замутил воду, надо же ему как-то самоутвердиться! А того невдомек, что вся политика Союза на авторитете Сталина держалась, и сейчас, после этого дурацкого «разоблачения», весь мир потешается над вами, и всё, что вы заработали недавней Победой, всё пустил ваш гениальный Генсек псу под хвост. Наплачетесь вы еще с этим разоблачением. Если вообще уцелеете. Это же первая «закопушка» под корневые устои вашего нового государства! Вы же всему миру сказали – нет, не то мы делаем, не так мы строим задуманный

старыми большевиками коммунизм. А еще сказали всем – Не верьте! Что мы говорим и что мы делаем – это далеко не одно и то же! Сказали всему миру, но сами этого еще и не поняли. Если уж на то пошло – сам Хрущев или такие же как он, «прихлебатели» из ближайшего окружения Сталина – виноваты не меньше, если не больше во всем, что происходило. Они же самые что ни на есть «доносчики». Да еще и какие! Сами же подставляли своих ближних! Кому же еще и мог верить Сталин, как не им. Сами же все устраивали, а теперь сами же и разоблачают, не мы, мол, все он. Хамелеоны... Вы как тот ядовитый скорпион – когда заходите в тупик, когда не знаете, что делать дальше – сами себя жалите! Ненадолго все это у вас, с таким-то подходом.

– Да что ты на меня-то навалился, я что ли участвовал в этих разоблачениях?

– Вот, вот, пройдет совсем немного времени и все вы – вчерашние соратники и активные участники, все вы и партийные, и беспартийные, все вы постараетесь отмежеваться от сегодняшних дел. Да нет, не понять вам всего этого сегодня... – и замолчал. Ни на какие вопросы больше не ответил. Встал и ушел от костра.

Никогда больше до конца промывочного сезона таких разговоров у костра не было. А потом, с окончанием «промывочного сезона», их дороги разошлись. Надолго, навсегда...

* * *

Георгий еще спал, после суточного дежурства, когда поздним вечером в его дверь громко постучали. Георгий быстро накинул халат и открыл дверь. В дверях стоял начальник участка, дальше по коридору, у двери комнаты Димы – какие-то люди, в штатском и милиция.

– Георгий, надо выйти на смену, заменить Диму, ты все же поспал, Борису заступать с утра, пусть ещё поспит... – Борис, это третий горняк, они втроем работали по графику «сутки через двое» – Да и осталось совсем немного, когда начнут сполоск, ты можешь уйти спать, я там скажу кому положено.

– Да что случилось-то?

– Потом, потом, давай быстро к Промприборам, там же нет никого, без надзора же, понимаешь, что может произойти!

До вахты ходьбы от общежития 7-10 минут. Георгий, заполнив все журналы и пройдя положенные формальности, побежал к Промприборам. Полчаса ушло на обход всех рабочих мест, проверки замков и пломб на шлюзовых дверях, по дороге ни с кем не обмолвился не единым словом, но люди сами потянулись к постоянному костру.

– Что произошло, – спросил у электрика, который догнал Георгия и тоже смотрит вопросительно.

– Никто ничего не понял. Подошел начальник, отозвал Диму, а у самой вахты мы увидели «оперов», еще каких-то людей, Диме накинули наручники и быстро куда-то увезли. Машину мы видели, лагерный «бобик». Мы думали ты сам нам что-нибудь скажешь.

– Да не знаю я ничего, только проснулся...

Дима также как и все мастера в первые дни сполоска носил мешочек с золотом в кассу, также иногда «путал» кассиров, но каждый раз он не забывал зайти в общежитие и чуть-чуть отсыпать золотого песка в специальную баночку. Потом он сдавал золото в кассу, возвращался домой и зарывал свою дорогую баночку в специально устроенное на чердаке углубление. Так он отсыпал уже не первый год, откладывал понемногу все время, пока он там жил и работал. Теперь понятно, почему он не реагировал на предложения начальства пойти на повышение, бизнес, как теперь говорят, есть бизнес. Заподозрили его давно, стали следить, определили пути сбыта и вот, пришло время задержания. Время выбрали удобное –

в смене самое малое количество людей, и в общежитии мало народу. Родители Димы жили где-то в Иркутской области, он туда и возил свои драгоценные «накопления» в каждый отпуск. Что тогда было не возить, ни контроля разного там электронного, ни «хомутов» портовских, да и паспорта никому в голову не приходило проверять. Свобода личности в то «угнетенное» время была абсолютной. И никаких тебе взрывов, убийств, никакого «рэкета». Это сейчас, пока дойдешь до метро, паспорт три раза проверят. А все равно и взрывают, и убивают, уж и само правительство, окружив себя пуленепробиваемой броней и многочисленной охраной не знает куда и как спрятаться! (вспоминается, как мать Александра Ульянова с прошением о помиловании сына подошла к царю в церкви – ну-ка, подойди сейчас!).

Там, в Иркутской области, у Димы был налажен сбыт. Через Бодайбинскую «Золотоскупку»! Но «Золотоскупки» не стало, золото копилось, нужен был новый сбыт, а его пока не было. Дима надеялся на отпуск, в отпуске все, мол, организую, а золота скопилось уже прилично. И все там, у родителей. «Опера» весь дом обыскали, перерыли и сад, и огород – ничего нет! В дом вернулись, а мать что-то валенки перекладывает, распахивает их по углам. «Что это она, летом и валенки». Взял опер валенок и едва не уронил – так тяжел оказался. Когда все золото из этих поношенных валенок ссыпали в одну емкость и взвесили, оказалось больше сорока килограммов. А еще и сбывалось, за три-то года сколько того золота продано было!..

Правда, опять же, раньше, при «Золотоскупке», все доставалось государству, пусть даже и разные прииска, да касса то государственная. И все оставалось в государстве. Хоть и ворованное, но свое. А куда бы ушли найденные сорок килограммов?

6

Коротко якутское лето. После двадцатого августа уже не можешь ходить без теплой куртки, а в середине сентября снег на землю ложится без всякого подтаивания под дневным солнышком. Да и солнышко это хорошо светит, да мало греет. Все «листяное» мгновенно, в одну неделю опадает, а «игольчатое» сереет и становится суровой, к холодам готовится. И холода – тут как тут. В сентябре уже выше минус десяти термометр не показывает, а в середине ноября как опуститься за сорок пять, так до второй половины марта выше и не подымается. Ну, а что зимой вытворяет добрый «дедушка мороз», так и предсказать невозможно. Пятьдесят его «цельсиевых» – семечки. За шестьдесят на Эльге – привычный мороз. И пониже температура не случайная.

На прииске этим летом случилось недоброе. Прииск – государственное предприятие, оно работает на государственных запасах, утвержденных специальными геологическими инстанциями. Но не всегда прииск может выработать золотые запасы полностью, остаются участки, которые или экономически нецелесообразно отрабатывать, если содержание там падает, или еще проще – для полной, без потерь, отработки остающегося участка нужно выполнить большой объем подготовительных работ, а техники не хватает. Остаются недоработанными эти участки и их отдают старательским артелям – небольшим, способным вот на таких участках зарабатывать себе на жизнь. Была такая артель и на Эльгинском прииске. В ее составе была группа поисковиков, которая подчинялась напрямую главному геологу. Эта группа определенными методами и выработанными за долгую практику навыками искала по таежным ручьям золотые россыпи. Небольшие – сразу передавались в отработку старательской артели, если находили что-то существенное – по объемам и содержанию – такие запасы ставились на баланс и консервировались для будущих государственных разработок.

В этой группе работал талантливый поисковик. Звали его все – Вася «Китаец». О его способностях ходили легенды. Говорили, что Вася определял золото ладонями. Не прутьями всякими, не лозой – своими ладонями. Идет, скажем, группа по ручью. Вдруг Вася замирает, – тихо! – встанет на колени, что-то

слушает, гальку перебирает, ладонями «слушает». Встанет, взмахнет руками, шапкой о землю – копай здесь!

Не было случая в практике этой поисковой группы, чтобы Вася ошибся. Как правило, найдя золото, группа имела право добыть столько, сколько они смогут намыть и унести. Сколько сумеют принести на прииск – все сдают в кассу и получают по старательским расценкам полный денежный расчет. Иногда это были очень немалые, по тем временам, деньги. После этого они обязаны сделать заявку и передать геологам свою находку – для дальнейшей «доразведки» и подтверждения запасов. Золото намываемое принималось золотокассой по установленным на прииске расценкам, а за открытые запасы полагалась премия и диплом «первооткрывателя». За солидные «запасы» и премии выдавались приличные. До ста тысяч рублей начислялись иногда такие премии! Это – советскими-то деньгами!

Не было года, чтобы Вася возвращался из тайги пустым.

Как только они получали деньги, Вася устраивал общеприисковый «кураж». Он скупал несколько бочек чистого спирта в «Золотопродснабе», выставлял их на самом оживленном перекрестке поселка, на бочки ставились солидные ковши – и начинался «загул». Происходило все это после промывочного сезона, приисковые отдыхали, отгуливая летнюю переработку на промывке, начальство, освободившись от постоянных рапортов о выполнении плана, посмеивалось и не замечало Васиных проказ. А иногда приходили самые высокие приисковые начальники и сами прикладывались к волшебному ковшику.

Рассказывали, что Вася, за тридцать лет работы в тайге, только однажды смог поехать в отпуск на материк. При этом, «отоварившись» в магазине – лучшие сапоги, модный костюм, лихой полушубок, бархатные портянки и шапка из соболя – он нанял автомашину аж до Магадана. Но не далее. Далее проехать не смог, не сумел, не вытерпел, не устоял. Вернулся на прииск через пару месяцев в поношенной телогрейке, стоптанных валенках и в истертом «треухе». И снова в тайгу, снова в работу.

Этим летом Вася с компанией снова вышли на хорошее золото, пробрили несколько шурфов и убедились, что золото солидное. Решили, чтобы наверняка, пробить еще два-три шурфа и податься на прииск, показать геологам место по теплу – пусть засекут основательно, чуюли мужики, что находка не рядовая.

Каждый старатель в одиночку проходил шурф до трех с половиной метров, глубже – объединялись, глубже одному не выкинуть породу, работали парами. Вася прошел свой шурф, оставалась последняя «отпалка». Взорвать, а уж выдавать породу будут вдвоем. Зарядил «шпуры», поджог шнур – по правилам положено поджигать, когда ты уже наверху, но это – время, перерасход шнура – поджигали еще в забое. Сколоченная лестница прислонилась к стенке шурфа. Вася быстро пошел в подъем, а тут лесенка и сломалась. Вася упал в забой. Крикнул было, да кто услышит, все заняты своим, дело привычное, всё это не впервой, каждый верил своим партнерам.

Он и на ноги не успел подняться – взрыв. Васю засыпало. Подбежали друзья – взрыв был, а где же Вася? Спустились, раскопали – от Васи одно «месиво».

Долго сидели друзья у шурфа-могилы. Решили – Васю схоронить здесь же, в шурфе. Закопать как есть, пусть покоится в своем золоте, и место это никому не открывать. Сколько потом ни бились с ними районные следователи – человек же пропал – сколько ни пытали старателей геологи, место это «поисковики» так и не открыли.

И лежит Вася Китаец до сих пор в своем золоте...

Лето для Георгия выдалось хлопотным. Не только горными делами занимался «горняк». Как только узнал профсоюз, что Георгий – мастер спорта, враз навалил на него всю спортивную работу на прииске. И получилось неплохо – весной стал Оймяконский район вторым в республике по лыжным гонкам, чего

никогда не бывало (да-да весной, ибо в Якутии раньше апреля лыжные гонки провести невозможно – мороз), потом «Эльга» стала вдруг второй командой в футбольном турнире Оймяконья, а уж когда и в настольном теннисе команда прииска оказалась в призерах – вот тогда о Георгии заговорили, как о спортивной находке для района. Ему тут же предложили пост председателя спорткомитета района. Он вежливо отказался.

– Я студент, учусь заочно, мне горная практика нужна.

– Ничего, – сказал Лямцев, председатель объединенного профсоюза района, – поможем, тебе еще и легче «защищаться» будет.

– Нет, я не уверен, что долго задержусь здесь.

– Как так.

– Лучше честно признаться, чем притворяться, – не нравится мне здесь. Да и родители у меня старенькие, хочу к ним поближе.

– Ясно. Нужно тебе девку подыскать, чтобы удержала.

– Да была уже у меня одна попытка. Девки-то у вас здесь тоже ненадежные. Видать – по климату.

– Ну-ка, ну-ка?

– Да не умею я про девок рассказывать. Не по-мужски вроде.

– Ладно, Георгий, работай, не торопись с решениями, знай, я всегда на месте, я всегда готов тебя принять, выслушать, и чем смогу – помочь. Место в Райспорте пока придержим, ты подумай, но сам понимаешь, свято место не может быть долго пустым. Договорились?

– Договорились. Но сразу Вам говорю, не приду я сюда, не мое это место.

– Ничего, ничего, подумай, время пока терпит.

В сентябре прииск завершил годовой план добычи золота. По этому поводу, по традиции, профсоюз организовал торжество, концерт местной и приглашенной самодеятельности. Георгий сам предложил оргкомитету – «я хотел бы спеть на концерте».

– Ты что, еще и поешь?

– Да нет, я в основном пою, а все остальное – это хобби.

– И работа?

– Работа – необходимость, чтобы чем-то, а главное на что-то, жить.

Вечером в клубе устроили генеральную репетицию. Прослушивали всех участников концерта. Георгий не ожидал такого наплыва самодеятельных артистов, кроме того, в клубе были еще и их друзья, родственники. Практически полный зрительный зал вполне приличного приискового клуба, где-то почти на четыреста мест.

– Что это они, разве завтра не смогут послушать? – спросил Георгий у Якова, главного распорядителя и режиссера концерта.

– Да ты что, завтра? Завтра по «пригласительным»! Завтра здесь будут только самые-самые, чуть больше трехсот человек будет здесь завтра. После концерта здесь завтра – Общеприисковое застолье! Кто же «этих» сюда пустит.

– Черт возьми, я думал у нас на прииске и всех желающих-то поменьше будет.

– Наивный же ты все-таки человек, Георгий, правильно Наина про тебя сказала.

– Наина? А что она сказала?

– Сказала, что ты хоть и большой, а ребенок.

История с этой Наиной. Как-то пришел Георгий на танцы. А там местные девчонки у дивана «кучкуются». Вдруг объявляют «дамский вальс». К Георгию подошла девушка, красивая, высокая, с огромными глазами, даже никак не накрашенная. Удивило это Георгия, много он их видел, девиц этих, но чтобы девушке не краситься к танцам, такое встретишь нечасто. Сжалось его уступчивое сердце в знакомой истоме, принял он приглашение красавицы. Танец за танцем, потом проводы домой, чаепитие и неожиданная «постель». Сразу, в первое же знакомство!

«Влюбилась!»

Утром Георгий прибежал к дому возлюбленной – «как человек честный я сегодня же должен с ней разобраться. Любит не любит!» – дверь открыла мать.

– Ты к кому?

– К Наине!

– А у неё клиент...

Ушибленный, прямо как обухом по башке, Георгий все-таки заходит, сообразил мгновенно – «я тоже клиент, мы договорились», – проходит в комнату, у двери спальни Наины мать постучала в дверь и строгим голосом предупредила – «Георгий пришел!» – и тут же ушла. Георгий присел на диван, в спальне продолжались стоны, он все же решил дождаться – кто же там... Через какое-то время вышел «любовник» – боже правый, из нашей поездной компании, из наших «вербованных», мы его за «бомжа» считали!

– Привет!

– Привет... И сколько же это удовольствие стоит?

– Ты знаешь, я даже не ожидал, в будние дни всего пятьдесят рублей. А за сто пятьдесят можешь хоть на сутки остаться. Но богиня, что вытворяет....

– Мама! – крикнул Георгий, – а сто грамм у вас найти можно?

– Конечно, но это дополнительная плата.

– Понятно. Ну, ты шагай, молодой любовник, не рассыпся по дороге, тебе ведь, наверное, за пятьдесят? Или побольше?

– Георгий, ты чё это, запсиховал что ли?

– Да так, не люблю я конкурентов. Давай-давай, шагай, не оглядывайся.

Георгий напился «вдоску», денег с него в доме «любимой» не взяли – мы без обслуживания не берём – и забыл он этот адрес. И вот, вдруг, снова.

– Слушай, Яша, я понимаю, по сравнению со мной ты в этом клубе большой начальник, и все же, скажи мне честно, ты в морду хочешь?

– Ну, знаешь, уж от тебя я этого никак не ожидал! Да и потом, что ты услышал? Наина человек вольный, что хочет, то и говорит.

– Для передачи?

– Никого молчать она не просила.

– Ты, видать, там свой человек.

– Ну, свой, не свой, а иногда пользуюсь.

– Ладно, забудем. И забыли.

После торжественного подведения итогов годовой золотодобычи – доклады там, выступления постоянных передовиков и тех, кто отличился именно в этом промысловом сезоне, после раздачи похвальных грамот и зачитания приказов о премировании – начался праздничный концерт. Обычный концерт самодеятельности – хор, песни, пляски. Наконец подошла очередь Георгия.

Яков был за роялем – музыкант он действительно стоящий, с «консерваторским» образованием, в «лагерях» тогда можно было отыскать и очень известных артистов. С Георгием он репетировал четыре вещи – неаполитанские «Лунная серенада» и «Скажите девушки», украинскую «Дывлюсь я на небо» и арию из «Цыганского барона».

После «Серенады» не ожидавший услышать такой голос зал притих, как будто не веря в услышанное. Яков испугался – «чего это они?» – тишина в зале аж звенела... И вдруг «обвал!», не аплодисменты – овация. После «Скажите девушки» – зал встал, все эти начальники, представители, забыв о чинах и своей важности – стояли и аплодировали. У Майстрова, он стоял в первом ряду, в глазах слезы. А дальше весь зрительный зал ничего больше не хотел ни смотреть, ни слушать. Георгия вызывали беспрерывно, они с Яшей импровизировали, ни разу не репетируя всех тех номеров, которые исполняли. Наконец Георгий показал жестами, что все, он устал – его отпустили. Зрители, кому было положено, перешли в столовую, за длинные столы всеприисковского банкета.

Уже на второй день приказом директора Георгия перевели диспетчером прииска, дали небольшой засыпной домик, он стал жить на центральной усадьбе. «Ты нам здесь нужнее, – заявил председатель приискома, – мало ли кто навещается, надо чтобы всегда был под рукой». Георгий конечно понимал, что это значит, но противиться не стал – диспетчером и легче, и времени свободного побольше: его уже зачислили на заочный факультет.

В конце сентября, когда закончились торжества и банкеты по поводу выполнения годового плана, у Георгия как раз день рождения. Он никого не приглашал, да и думать забыл об этом, но пришли друзья по работе, нагрянул Яков со своими «артистами», кто-то из футболистов, из лыжников, в общем, организовался этакий «мальчишник», повеселились, попели, уже где-то к середине ночи – легкий стук в окно. Георгий вышел на крыльцо, под фонарем освещения – две мужские фигуры.

– Привет, горняк, мы к тебе по поручению бригады. Вот, ружье, подарок, поручили вручить, от всех, ну от нас, от всей твоей бригады, конечно. Поздравляем.

– Да вы заходите в дом, выпьем по стакану.

– Нет, мы только поздравить, нам не положено, если увидит кто, враз «за решетку» отправят обратно, а в поселке все ж повольнее. Полегче, посвободнее. Горняк, ты не знаешь, «папаша» здесь, в поселке?

– Ребята, майор здесь, у меня, черт возьми, он же может узнать о вас!

– Уже знаю, – майор вышел из сеней на крыльцо с большой бутылкой вина, со стаканами, – давайте быстро, по стакану, все вместе. Ну, Георгий, еще раз с днем рождения, а нам пора. Ребята, выпить и быстро в машину!

Утром Георгий узнал, что его «гостей» из бригады возвратили в лагерь, «за проволоку». Георгий к тезке, майора тоже Георгием звали.

– Слушай, тезка, я понимаю, порядок есть порядок, но нельзя ли простить?

– Никак нельзя, Юра. Ты не переживай, я их ненадолго, через пару месяцев верну в поселок. Но

пройти мимо случая этого никак нельзя. Нарушение инструкции, да и грубейшее при этом. А если пройти мимо, так ведь «разборки» начнутся, нас ведь с тобой «затаскают». Нет, никак простить нельзя. Не положено.

Ружье это у Георгия не один десяток лет на стене висело.

А следующей весной судьбу Георгия в один день решил новый Главный инженер прииска – Лобов Альберт Васильевич, которого еще прошлым летом назначили вместо снятого за нарушения техники безопасности Главного.

Лобов вызвал к себе Георгия.

– Садись, вот тут письмо из Иркутского политехнического, просят направить на учебу перспективных горняков, прием – по собеседованию, куда как лучше, думаю, хватит тебе жить на подхвате, поезжай, я там институтских знаю, позвоню специально по поводу тебя, поезжай, не вздумай отказаться, с деньгами как-то поможем, может быть, и наш приисковый будешь стипендиат. Посмотрим. На первое время у тебя все же что-то есть, а там посмотрим. Ну как, согласен? Певцом бы тебе лучше стать, но ты же сам говорил не раз, что «петь» не хочешь, поезжай, Юра, доучись, хватит тебе болтаться, как «в той проруби». Не увольняйся, возьми отпуск, навести родителей, отдохни, почитай там что-нибудь, что там положено перед собеседованием, в общем, освойся на «материке», не сразу ведь после Севера в ритм той жизни войдешь, посети институт, познакомься с коридорами, с приемной директора, чтобы не так страшно было, когда придешь с заявлением.

В общем, вживайся не спеша, да смотри поступи, не стущуйся! Георгий уехал учиться...

Иркутск встретил теплом, ласковым солнышком, зеленью. На Индигирке, когда уезжал, еще скрипели морозы, а тут – живут же люди! – тепло, солнечно, люди раздетыми ходят по улицам, даже не вериться, что совсем рядом, в двух часах лета на самолете – зима. Полюс холода!

В институте сказали, что прием документов начнется только через два месяца и Георгий, не долго думая, улетел домой, к родителям, на Урал.

Отец был откровенно плох, болел, но обрадовался приезду сына, распрямился, как-то даже помолодел, откровенно радовался, что решил сын вернуться в институт, мать захлопотала на кухне, долго они просидели за столом, никак не могли наговориться.

Георгий навестил друзей и знакомых в Уфалее, побывал в редакции.

– Молодец, Георгий, закончишь институт, возвращайся, возьмем в газету, выхлопочем квартиру, повоюем еще. Возвращайся! – Георгий уже знал, что Константин Константинович собрался уезжать, не клеилось у него с начальством, но виду не подал, а Главный редактор был оживлен, энергичен. Или хотел перед Георгием казаться таким? Не хотел предстать перед молодым парнем обиженным...

– Нет, Константин Константинович, закончу, уйду на производство. Теперь я знаю работу инженера, особенно на золотых приисках – грязно, хлопотно, ни выходных, ни праздников – но это живая работа, а главное никто там не прикажет мне – не делай так, вот так делай. Там сделать можно только так, как правильно для техники, для добычи. И все там сам должен придумать и организовать – что надо делать, чтобы вреда не было. Я для себя все это уже решил, а раз решил – значит решил. Ухожу, Константин Константинович, в производство. В горное производство. Золото, теперь, добывать буду!

– Не надо, не торопись, жизнь покажет. Но знай твердо – газета тебя ждет, ты журналист от Бога, нельзя идти против природы. Ну, а если меня здесь не будет, ничего, коллеги остаются, они тебя примут. Уверю тебя. А захочешь, можем дать «вызов». Пошлем запрос на директора института. Причина есть – твои старики. Они-то здесь, в Уфалее!

– Спасибо, Константин Константинович, и прощайте. Удачи Вам.

– Ну что ж, и тебе, парень, успехов.

Время на отдыхе пролетает быстро. Георгий даже съездил с Борисом и его оркестром в небольшую гастрольную поездку по окрестным деревенским да заводским клубам, спел там несколько народных песен и старинных романсов, получил свою порцию аплодисментов и восхищение местных красавиц, но весь он был уже в Иркутске, в институте, на учебе. На этот раз он решил заняться учебой серьезно, не для диплома, для знаний, для умения, готовился тщательно.

Зачислен был комиссией на третий курс.

– Все же пять лет разрыва, молодой человек, понимаю, сидеть еще раз на пройденном курсе не легко, но порядок есть порядок, можем зачислить только с повторным прохождением третьего курса. – Директор института Игошин был категоричен и тверд.

Да бог с ним, с этим третьим курсом. Георгий рад был зачислению, а что там повторять, когда все давно забыто, спасибо, хоть на третий зачислили, не с первого заставили все повторять заново. Учиться, учиться теперь надо, Георгий, хватит валять дурака. Спасибо, Альберт Васильевич, надумил, спасибо, что помог ...

Три года пролетели, как одно мгновение.

Сначала жил Георгий в общежитии, но вскоре переехал жить в Военный городок, в небольшой частный домик. Здесь ему стало спокойнее – все же пять лет разницы в возрасте с новыми однокашниками – это много, и жить с ними Георгию оказалось просто неприлично. Там, в общежитии, у пацанов совсем другие интересы, занятия, развлечения. Георгий как будто оказался в прошлом времени, что бы ни предпринималось молодежью, он как будто все это уже пережил, видел, испытал. Он не хотел возвращаться в свое прошлое. А здесь, в Военном городке, в домике на одну комнату и большую деревенскую кухню, с русской печью с разными лежанками, «закутками» – все это напоминало ему дом в родной деревне. Один, он мог заниматься главным, ради чего и приехал в Иркутск – учебой. Он многое забыл, ему не хватало лекций, он должен был подымать старые учебники и проходить предварительный материал заново. Он принял за правило – записал лекцию – вечером проработай материал весь и тщательно. А для этого иногда приходилось изучать заново все, что было до этой лекции. Легче было со вновь начинаемыми предметами – они усваивались сразу.

Постепенно Георгий приходил в себя, осваивался с режимом учебы, с лекциями, домашние задания прорабатывал сразу, в тот же день, как получал эти задания, по вечерам чертил и писал пояснительные записки. Через год стал нормальным студентом, как будто и не прерывал никогда этой учебы. Да и осталось-то – преддипломная практика и «диплом». Защита прошла успешно – «Разработка Ундинской россыпи драгами». Георгий ввел в дипломные расчеты новинку – оттайка пятнистой мерзлоты водной фильтрацией. Защитился на «отлично». И вот оно «производство» – направление получено на Ленские прииска. Ну, что ж, Георгий, – вперед! На освоение новых вершин в добыче золота!

7

Зафесов сидел на скамейке в носовой части катера. Сзади натужно гудел двигатель, толкая тяжело пробирающийся вверх по Жуге катер. Здесь река не была судоходной – все-таки восемьдесят километров вверх по реке от последней, разрешенной Речной инспекцией пристани. От Верхней, как её называли, пристани. Там стоят склады Витимского Урса. Туда, к этой Верхней пристани, речные теплоходы проходят в «паводок», а летом к ней, к этой с глубоким по весне речным фарватером пристани, не могут проташить грузовую баржу даже могучие речные «толкачи».

В своем верховье Жуя быстрая – крутые скалистые берега прижали речку, вода в узком каменистом ложе ускорила течение, катер едва справляется со «стремниной». Зафесов не любит эти катера – у него своя моторная лодка. Своя – в смысле закрепленная за Главным инженером прииска лодка, с мотористом и охранником (охранника, правда, он никогда с собой не берёт), и Зафесов чаще всего именно на этой своей быстроходной лодке добирается до верховьев приисковых рек. Но сегодня на Балаганах идёт катер, везёт на участок накопившийся груз, не гнать же рядом еще и лодку! Но уже через короткое время, через пару часов, Марат пожалел, что согласился плыть на этом катере – «Хатанга» уж очень тихоходный катер. Да еще с солидным грузом – «господи, сколько же я потеряю здесь времени!».

Катер шел к ручью Балаганах, где работала одна из драг прииска, тяжелый ручей, каменистый, не будь в ручье высокого содержания золота, никто и никогда не поставил бы там драгу.

Короток промывочный сезон на Севере – в апреле запустились, в октябре остановились. На балаганахских валунах драга едва перерабатывала пятьсот тысяч кубометров, но при таком содержании металла драга добывала почти треть плана прииска – более полутонны золота. Поэтому Зафесов и уделял драге Балаганаха особое внимание – еще бы, тридцать процентов плана!

Плохо у них там на Балаганахе идут дела в последнее время. Надежный вроде начальник участка Володя Литвяков, но никак не получается у него с подготовкой дражного полигона – отставание почти год. Драга идет след-вслед за подготовительными работами. Любой сбой графика в этих трудных условиях грозит длительным простоем. Или вынужденной работой по мерзлоте. А что можно получить от мерзлого полигона? Аварии, разрыв черпаковой цепи, простои, никакой производительности, а потери золота – огромные. Сколько его, этого золота, остается в недоработанном «плотике», в самом богатом слое золотиносного песка!..

Что-то на участке не так. Бульдозеров по количеству вроде достаточно, а в работе не хватает. Конечно, рабочих на участке тоже не хватает, но почти на восемьдесят процентов участок людьми укомплектован, это лучше, чем на других драгах и гидравликах прииска. А где, у кого на Севере стопроцентная укомплектованность? Сколько не привози этих вербованных – все они обратно на «материк» смотрят. Работают в основном «кадровые», кто приехал давно, еще со времен «лагерей» здесь живут.

«Лагерей» теперь нет, а жаль, сколько специалистов потеряно! Когда «освобождали» – сразу, почти всех одновременно – со многими «зэками» работали «индивидуально», да видно опостылело все «северное» тем людям, «зэкам» бывшим. Разъехались кто куда, где-то теперь наверняка потерялись – и для нас, для приисков, да и для самих себя тоже. Что они там, на Большой земле могут, кому они там нужны, с их возрастом – всем почти за пятьдесят, под шестьдесят, жизнь прожита, куда подались? А здесь все были специалистами, хоть и «зэки», а уважаемые люди – с твердым заработком, с каким бы там ни было, но с жильем, да и женщинами были обеспечены, прошли те времена, когда женщина на Севере была подарком судьбы, теперь наоборот, мужиков не хватает, сколько тех женщин мыкаются в одиночестве.

На Балаганахе народ солидный, постоянный, текучесть в условиях Севера вполне умеренная – где-то около двенадцати процентов. За счет приезжих конечно, но что поделаешь, во-первых Север, а во-вторых и на Севере – глубокая периферия. Но, поселок достаточно обжитой, благоустроенный. В поселке построено триста благоустроенных домов. Жителей – вместе с детьми да пенсионерами – чуть больше тысячи человек. Все обеспечены работой. В поселке есть где и отдохнуть, и себя привести в порядок – неплохой поселковый клуб, баня отличная, мехмастерские, конный двор на шестьдесят лошадей, магазин приличный, с северным спецснабжением.

Да, конечно, все это хорошо, если ты женат, имеешь семью, детей, а что делать холостякам? Вот те и создают текучесть. Хоть парни, хоть девушки. Приедут по направлению, покрутятся несколько месяцев – и

тягу, к маме, домой, в цивилизацию. Нет, ставку надо делать на своих, на сегодняшних школьников, кто здесь родился, вырос, школу закончил. Они сюда, домой, обязательно будут возвращаться. А что! Работа стабильная, заработок высокий, с коэффициентом да надбавками – где-то под четыреста рублей в месяц! Для начинающих! Но местных начинающих, для коренных северян, кто здесь с детства – вырос, закончил школу, а потом поехал, где-то выучился, стал специалистом и домой вернулся. Им же все надбавки сохраняются! При такой зарплате, да при нашем северном снабжении – это же для молодого специалиста «изобилие»!

А что, быстро приживаются ребята, осваиваются. И на «материк» попадая, не теряются, живут достойно. В отпуск на Севере каждый год никто не ездит, в отпуск уезжают, как правило, раз в два года, но зато за эти два года – сразу на три-четыре месяца отдыхать уезжают! Дорога бесплатная, деньги отпускные получаются хорошие, а при деньгах северяне за свой отпуск повидают столько, что разным там москвичам, краснодарцам или еще кому из центральных городов, им и во сне столько не снилось, сколько северянин увидит и как проживет в своем отпуске!

Конечно, хорошо бы вахтой работать на Севере, как в той Канаде, или на Аляске американской. Семья бы жила в приличных условиях, дети бы учились и развивались по-человечески. Но когда та «вахта» еще созреет! Не до неё сейчас, не пришло еще её время. «А придет, верю я в это!».

Зафесов очнулся от своих мыслей, огляделся – берега все так же круты и скалисты, Жуя аж «стонет» под катером, но «Хатанга» упорно продвигается вперед, к Балаганаху. Прикинул по часам – да, часа два еще «пилить»...

Конечно, Литвякову нужен помощник. Помощник по полигону. На драге техрук управляется с механизмами, с ремонтами, со слесарями. Драги ему хватает, нет, техруку не до полигона. У начальника сейчас и без драги много забот – сентябрь, подготовка к зиме, сейчас у начальника участка нет больших забот, чем поселок. Ремонт отопления – это главное, затем вода, трубы водоснабжения ржавеют, почему-то, намного быстрее труб отопления, за ними надо следить, нет, нельзя начальнику упустить сроки ремонта в посёлке. Просмотришь – потом замаешься с заменой тех труб. Еще насосная водоснабжения, очистные, котельная – господи, сколько же всего сейчас навалилось на участковых «коммунальщиках»! Их и всего-то восемьдесят человек! А ремонт жилфонда, эти проклятые «бараки», от которых никак не можем избавиться! Там что ни окно, то дыры, что ни дверь – то подготовленный сквозняк. Нет, не до полигона сейчас Литвякову. А время не ждет, зима вот она, уже заглядывает в наши трухлявые окна. Вся надежда на этого молодого выпускника иркутского. Правда, не такой уж он и молодой, солидный вроде парень. Но удивил – сам вызвался на Балаганах!

Зафесов вспомнил недавнюю встречу с молодыми специалистами, прибывшими на прииск. Их к ним приехало трое. Гармошкин – сразу, с первого взгляда ясно, что это пустышка. Жена, лет на пять старше, торговый работник, она и заявила – никуда с Тайгинска не поеду, я торговый работник с высшим образованием, мне нужна хотя бы районная организация торговли.

– Но у нас же не район.

– Ничего, мы и здесь освоимся.

Освоится, ясное дело, делец, видно невооруженным взглядом. Устроится сама и мужа пристроит. Зафесов сразу потерял к ним интерес, даже расспрашивать не стал – кто, что, откуда...

– Самый тяжелый участок у нас – Балаганах. На отшибе, почти сто километров от управления прииска, да и работы там побольше, все же драга, условия тяжелые, россыпь валунистая, постоянное отставание подготовительных работ. Нам прежде всего туда нужны специалисты.

– Направьте туда меня, если не возражаете. Я приехал работать. Условия меня мало интересуют. –

Энергичное лицо, смелый взгляд, да и выражение глаз какое-то не пойму – ироничное что ли.

– Красноперов? Вы один, в смысле семьи?

– Да, пока один, думаю, не потеряюсь среди ваших «вдовушек».

– Ну, зачем же так. У нас и девицы есть приличные. Стыдно за родство не будет, если что-то сварится у тебя с девицами местными. Ну, а если серьезно, то я доволен вашим, Георгий Александрович, выбором. Дело в том, что ознакомившись с вашими документами, я имею ввиду с документами всех прибывших к нам специалистов, я именно вас имел ввиду направить на Балаганах.

– Это понятно, у меня в моей «книге судеб» так и записано – где тяжелее, там и ты. Мне это давно знакомо.

– Вот как? И как же выходишь из своих трудностей?

– По всякому бывает.

«Интересный парень. Осмотрелся, немного освоился, и заявляет – мне заявляет, главному инженеру – «надо остановить работы на полигоне! Плывём в никуда на полигоне этом, в «пропасть» плывём! Если не принять сейчас, пока еще тепло, срочных, экстренных мер – на следующий год драга остановится!» И Литвяков ведь поддерживает, вот что странно, как будто раньше не видел всего этого.

Да... Вот и пришлось мне все бросить на прииске и ехать разбираться с этими «бунтовщиками». Это директор прииска на совещании так заявил – «что там за бунт у вас на Балаганах? Разберитесь, Марат Ефимович».

Зафесов и едет разбираться.

– Подходим, Марат Ефимович. – Молодой моторист катера спустился в командирский кубрик.

– Ну что ж, подходим, так подходим, слава господу богу, давно пора. Запроси по рации, прислали ли машину.

– Да запросил уже, и машина на берегу, и начальник участка встречает.

– Как же мы с ним разместимся в их автомобиле? У них ведь только ГАЗ-51 бегаёт по участку. Там и один Литвяков едва поместится в кабине...

Фигура Литвякова возвышалась на берегу среди негустой кучки встречающих. Славная фигура. Рост более двух метров, вот уж поистине – косая сажень в плечах, такому действительно тяжело разместиться в узкой кабине старенького грузовика.

«Ну да ничего, как-нибудь доедем. Вот ведь беда с нашим обеспечением – добываем тонны золота, в тяжелейших условиях, Крайний Север, морозы за пятьдесят и ниже, а элементарного автобуса для перевозки людей никак выпросить не можем. Но уж в этом году «выбью» обязательно. Это же издевательство над людьми – пятнадцать километров возить людей на грузовой машине!»

Зафесов с трудом выбрался из катера – после долгого сидения ноги «задеревенели». Поздоровался с встречающими.

– В контору, Марат Ефимович?

– Нет, давай сразу на полигон, а то до совещания не успеем все посмотреть и буду я на том совещании как слепой перед зрячими.

– Тогда садитесь в кабину, я – в кузов.

– Как прикажешь.

От реки до поселка всего пять километров. А вот до драги от поселка по каменистой горной дороге ехать надо все пятнадцать. Дорога – сплошные подъемы да спуски.

– Как у вас, на Кавказе, в Осетии вашей, – шутит Коля Буслаев, водитель, – когда же технику мы получим, Марат Ефимович, устали люди по таким дорогам в кузове болтаться!

– Да, ты прав, Николай, дороги горные, тяжелые. Автобус я вам обещаю, по весенней навигации получим, на ваш участок выделим в первую очередь.

Дай-то бог, уже как-то и не верится, устали все от этого грузовика. Вот вам бы с начальником участка поговорить сейчас, в пути, о делах наших надо, дорога не такая уж и быстрая, а как поговоришь, вы здесь, он там, наверху, под тентом.

– Да прав ты, Николай, кругом прав, разве я не понимаю. Ладно, сказал выделим, значит так и будет. Давай, погоняй, да смотри на дорогу повнимательней.

– Я здесь, Марат Ефимович, каждый камушек знаю!

– Ладно, ладно, знахарь ты наш, повнимательней, говорю, давай, а то чем черт не шутит, попадем в аварию, да еще при главном инженере, вот шуму-то на весь мир честной будет...

Доехали до драги без приключений, на площадке встречал Красноперов.

– Здравствуйте, товарищ «начальник полигона», здравствуйте, Георгий Александрович, что тут у вас за «бунт» намечается?

– Да какой бунт, Марат Ефимович, мы ведь только предлагаем, решать – ваше дело.

– Ладно, давай – и показывай, и рассказывай.

– Пойдемте вон на тот бугорок, там, как со «смотровой площадки», весь полигон легко просматривается, и обходить не надо, все видно оттуда, там я вам все и расскажу, и покажу. Переобуваться будете?

– А что, грязно, в ботинках не пройти?

– Пройдём, сейчас сухо, дождя давно не было, тропинка сухая, пройдем.

– Тогда – вперёд!

С площадки полигон действительно хорошо просматривался. Драга работает между двух плотин – нижняя закрыта, полигон полностью подтоплен водой, верхняя плотина достраивается, готовность около шестидесяти процентов.

На дворе – конец августа, активного времени земляных работ оставалось чуть больше месяца. С середины октября грунт начнёт промерзать, закладывать его в плотину нельзя будет, опасно, «мерзляки», да еще закопанные в тело плотины, воду они не удержат. А если плотину размочит – пропадет вся работа, весной начинать сооружение плотины можно будет только в мае, когда оттает хотя бы верхний слой грунта. Да и то во второй половине месяца, не раньше.

Север. Активного времени на строительство земляных сооружений Север отводит не больше пяти месяцев в году. За это время необходимо построить как минимум две плотины – верхнюю и нижнюю. Верхняя нужна не для работы драги, верхняя предохраняет полигон от промерзания! Сохраняет его талым. Для следующего сезона работы драги.

По условиям уклона долины, по «падению» полигона, маркшейдер дает для отработки драге между плотинами всего четыреста-пятьсот метров подготовленной площади. Чтобы у верхней плотины глубина подтопления была не менее двух метров. Зимой уровень воды падает, вода сверху не поступает, там, в

верховьях ручья, все промерзает полностью. Лед, с уходом воды, ложится на землю. И тогда начинается промерзание песков на дражном участке. А это значит, придется следующим летом работать по мерзлоте и драга не сможет переработать запланированные объемы.

– Вся беда в том, Марат Ефимович, что драга работает по ручью снизу-вверх, это нам уже не исправить, ясно, что внизу, у поселка, строить драгу было легче и дешевле, но зато труднее работать, труднее готовить полигон, сохранять его талым.

– Ладно, не вдавайся в теорию, все это известно, нам нужно исходить из того, что сегодня имеем, а не критиковать тех, кто работал до нас.

– Я предлагаю плотину достроить, но на зиму не перекрывать, полигон вверху не подтапливать, в плотине сразу предусмотреть проход драги – проход минимальный, семьдесят метров. За плотиной, вон видите, сразу густой лес. Его рубят, но посмотрите, что там делается! Люди работают в воде, так как часть участка уже подтоплена. Трактора буксуют, работают на износ. И это летом, а чем работать будем зимой, в самое производительное для тракторов время? Я предлагаю эту бессмысленную работу прекратить, «трелевочники» остановить на ремонт, за месяц подготовить всю трелёвочную технику к работе зимой. А с наступлением холодов, когда почва подмерзнет, установится твердая дорога, а мы поможем ей установиться, расчистим растительность бульдозером, дорога быстро подмерзнет, вот тогда и начнем таскать лес. Мы, Марат Ефимович, за неделю сделаем больше, чем сейчас делаем за месяц!

– А людей что, в отпуск отправим?

– Людей направим на утепление драги к зиме, заготовку дров для котла и кольев для «подвески» льда. Эта «подвеска» запланирована, хотя я считаю эту работу тоже бессмысленной, никакие колья лед не удержат, если вода уйдет. А она уйдет – ниже плотины на пятнадцать километров полигон отработан до «плотика», голый полигон, нечем зимой удержать воду. Далее, Марат Ефимович, предлагаю расстояние между плотинами увеличить до шестисот метров. Это уменьшит подтопление у подошвы верхней плотины всего на один метр. Но, вода промерзнет менее чем на метр, лед выше метра в наших краях не намерзает. На практике я работал в Балее, в Читинской области, зима там не теплее здешней, и нигде лед за зиму, а она там длится почти шесть месяцев, выше метра не нарастал. Так будет и у нас. Мы уровень воды в котловане драги будем поддерживать передвижной насосной станцией. Поставим ее внизу, за плотиной, и будет она, как миленькая, перекачивать воду обратно в котлован. Так что промерзания песков не будет. Твердо заявляю! Что это дает? Да очень просто, нам полигона между двумя плотинами с разбегом в шестисот метров будет хватать ровно на один промывочный сезон. При нашей мощности песков в среднем около шести метров, мы будем перерабатывать за сезон более восьмисот тысяч кубометров. Даже при нашей валунистости. При плановом содержании металла, это же, Марат Ефимович, почти тонна золота, а может, и того больше.

– А весной, начинать сезон с прохода створа плотины по мерзлоте?

– Нет. По нашим с маркшейдером расчетам, при работе драги по предлагаемой нами схеме, на следующий сезон останется песков еще на полтора месяца работы. Этого времени достаточно для оттайки прохода через плотину. Вернее для оттайки песков в створе, если на этих песках плотины не будет. Почему предлагаем плотину не перекрывать? Понимаете, Марат Ефимович, уж очень для предлагаемой схемы работ благоприятствует сложившаяся в этом году ситуация. По нашим расчетам, если мы остановим драгу 31 октября и не будем Литвякова насиловать с продлением сезона, на следующий год у нас останется подготовленных запасов 240 тысяч кубометров – это же почти два месяца! С учетом времени на переход створа плотины. А за два месяца на сухом полигоне оттает вся мерзлота.

– Да, наговорил ты здесь. Нужны расчеты. И с этими расчетами надо все обмозговать крепко.

Работали годами и все было как надо. Золото добывали, план выполняли. А ты в один миг все поломать хочешь. Ладно, возвращаемся в поселок. Давайте соберем специалистов, посоветуемся, там видно будет.

– Расчеты все готовы. Конечно, давайте посоветуемся. Но если вы наши предложения примете, за неделю мы составим график зимних работ. Буквально по всем операциям, последовательно – от вырубki полигона до запуска драги и ее прохода через створ плотины. С октября осенью и до апреля весной. Все изложим подробно и последовательно.

– Ладно, ладно, посмотрим.

На горном участке, даже таком отдаленном, как Балаганах, специалистов немного – кроме трех горняков, там есть бухгалтер, экономист, геолог с маркшейдером. Пригласили на совещание механика, он же – начальник мехмастерских – от готовности техники многое будет зависеть. Были здесь и свободные от смены драгёры, бригадиры-бульдозеристы.

Зафесов открыл совещание коротким вступлением.

– Руководство участка предлагает нам рассмотреть график работы драги на ближайший год, то есть, надо полагать так, что на следующий сезон. Особенности этого графика в том, что он предполагает полный годовой цикл работы драги. Сюда должны войти все работы по подготовке полигона – сооружение плотин, оттайка золотоносных песков и предохранение их от промерзания. Так я понимаю ваши предложения, Георгий Александрович?

Красноперов смутился.

– Это предложения нашего участка, не только мои.

– Ладно, ладно, не смущайся, вы же инициатор всех расчетов и составления такого графика! Запомните, все, что предлагается можно и нужно рассматривать коллективно. Но коллективно только обсуждение. Ответственность единолична! Если мы примем ваши предложения, отвечать за их исполнение придется вам. Вместе с начальником участка. И никакие ссылки на коллектив, на коллективные решения, приниматься не будут. Так что или сразу соглашайтесь со своим авторством, чтобы потом лишних разговоров не было, или отложим наши обсуждения на потом, когда вы созреете. Ну, как? Будете докладывать?

Красноперов встал. К докладу он подготовился, но все же засмутился – первый раз приходилось ему докладывать на людях такие серьезные вещи.

– В основу предлагаемого графика мы хотим заложить два принципа. Прежде всего – последовательность работ по четырем основным сезонным периодам года – весна, лето, осень и зима. Ну, к примеру, зачем рубить лес летом или осенью, когда дорог нет, полигон непроходим не только для техники, но и для людей, вон, по брюхо в воде люди ползают. Или зачем отсыпать плотину в октябре осенью или в апреле весной, когда грунт или уже начинает промерзать, или еще мёрзлый. Не только бессмысленная, но и вредная, опасная работа!

И второе – нужно рассчитать цикл сезонных работ так, чтобы каждая операция легче всего выполнялась именно в это время. Предлагаю все работы по подготовке полигона приостановить, буквально с завтрашнего дня, людей направить на утепление драги к зиме, на береговые работы – к примеру, давайте заготовим «мертвяки» до конца сезона, на весь ход драги. Трелёвочники с полигона снять и направить на ремонт, Михаилу Алексеевичу, – взглянул он на механика, – так организовать ремонт, чтобы до ноября вся техника была на ходу. Освободившихся трактористов направить на бульдозеры, укомплектоваться, наконец, полностью, на всех машинах. А у них, у бульдозеристов, до конца сезона задача конкретная – закончить строительство плотины. Ну а драгерам нужно, Петр Петрович, – обратился

он к техруку драги, – обрабатывать полигон буквально по квадратам, не отставать от графика, но и не опережать его, иначе убежим вперед по подготовленному полигону, а весной начинать работу драге станет негде – плотину придётся «грызть»! Причем – плотину мерзлую!

– Вот это правильно, – подал голос Трофимов, один из самых опытных драгеров, – давно мы говорили, что некуда нам спешить.

– Правильно, говоришь? А зачем же ты, Фёдор, «зашагивал» сегодня по четыре с половиной метра, когда тебе предписано геологом – шагать не более трёх метров, иначе остаются «межшаговые» целики? Куда ты торопился?

– Ну, Георгий, совсем ты положил меня на лопатки. Не озадачены были, так вот, как сейчас. Следить теперь будем!

– Марат Ефимович, полный график работ, по тому принципу, что я говорил, мы подготовим через неделю, доложить вам сможем через десять дней. Как только вы назначите дату рассмотрения, к этому сроку мы будем готовы.

Зафесов задумался. За столом все молчали. Ждали реакции Главного.

– А как с планом этого года, Владимир Захарович?

– План будет, Марат Ефимович, – Литвяков хотел подняться, но Зафесов остановил его – «сиди, а то потолок выдавишь», – мы это тоже обсчитали. Но, только план. Никакого перевыполнения. Драгу направляем в отработку полигона так, чтобы с первых чисел ноября остановиться на зимний ремонт. Это как раз увязывается с подготовкой отработки следующего года.

– Как будем удерживать воду в котловане?

– Смонтирована передвижная насосная установка. На санях. Внизу, за пройденной плотиной, готовим зумпф – углубляем и со всех сторон отгородим небольшими дамбочками. Думаю, воду удержим.

– А вверху, на втором полигоне?

– По плану, должны подвесить лед на специально заготовленных кольях. Но вот, Георгий Александрович предлагает верхнюю плотину не перекрывать. Я с ним согласен – по времени получается, что оттаять, пока мы будем обрабатывать первый участок, полигон успеет. Как бы работа с кольями не оказалась пустой тратой и времени, и кольев, и трудовых затрат.

– Да, очень уж нравится нам чего-нибудь «не делать». Вы сначала график покажите, потом и будете говорить, на чем экономить труд людской. Все, о чем вы тут наговорили, еще желаемое, а предохранение полигона подвеской льда на кольях – прием испытанный, опробован, дал уже хорошие результаты. Если бы вы прошлой зимой сучья деревьев, что заготовили при расчистке полигона, не сожгли, а разложили по краям льда, где появились провалы – полигон вообще сохранился бы талым. Давайте не будем спешить, колья продолжайте готовить, ну не знаю, не сейчас, так в ноябре, времени у нас хватит, лед ведь тоже, должен еще намерзнуть, чтобы было куда колья те ставить.

Давайте так. Работы на полигоне останавливайте, это правильно, людей займите там, где сегодня нужнее. Трелёвочную технику на ремонт – это тоже правильно. С графиком работы драги тоже согласен. Выполняйте годовой план, перевыполнять не надо. Остальные, запланированные работы по подготовке полигона продолжайте выполнять. Плотину, когда подойдет время – перекрыть, полигон на втором участке подтопить. Колья ставить будем – хуже не будет. Еще предлагаю рассмотреть возможность смонтировать вторую насосную. Будем перекачивать воду и на второй участок, за верхнюю плотину. Тогда у нас будет двойной запас по предохранению песков от мерзлоты – и колья, и насосная. На солнышко надейся, да сам тоже не плошай! Экономисту с бухгалтерией – подсчитать затраты по всем работам графика, когда он будет

готов, и все это вместе представить через две недели в производственный отдел прииска. Рассмотрим ваши расчеты на техсовете. Всё! Все свободны. Кроме Литвякова и Красноперова.

– Как устроился, Георгий Александрович, как осваиваешься?

Трудности, недоразумения, непонимания с бригадами – рассказывай свои первые впечатления. Сколько ты уже у нас, с июля?

– Да, два месяца уже работаю. Осваиваюсь, трудностей, непонимания пока нет. Владимир Захарович помогает неназойливо, мы с ним всё сначала обговорим, согласуем, ну а уж потом, с бригадами, я разбираюсь. Тут со стороны начальника участка полное ко мне доверие, он в мои распоряжения не вмешивается. И это помогает – все понимают, начальник над ними один, распоряжения, задания надо выполнять, жаловаться некому.

– Ну, пожаловаться при нужде всегда найдется кому, но хорошо, что до этого не доходит. А дома как, где родители, как они?

– Родители на Урале. Плохо с родителями, отец лежит, парализован, мать с ним одна, по-доброму то на Урал надо было ехать, тяжело им одним, да вот, распределили.

– Может, сюда их как-то?

– Да куда, что вы, я же говорю, отец лежит, не ходячий. Да и врачи, там ведь все привычное уже, и он всех знает, и его.

– Ну, даст господь бог, может, еще все и обойдется. Хотелось, чтобы закрепился ты у нас, задержался.

– Три года, Марат Ефимович, как положено по закону, а дальше все от здоровья родителей будет зависеть. Скорее всего, уеду на Урал.

– Ну, ладно. За три года еще много воды утечет. Будем работать.

8

Техсовет прииска утвердил все предложения участка. Производственному отделу поручено по решению техсовета издать приказ по прииску, ответственным за выполнение утвержденного графика назначен Красноперов. Начальнику участка поручено не только контролировать выполнение решения техсовета, но и помогать в организации этого выполнения.

Литвяков с Красноперовым вернулись в гостиницу, решили, что поедут на участок завтра, с утра пораньше. Сегодня уже поздно, да и устали за день, с подготовкой к Совету, с согласованиями всякими, в общем, набегались и находились, решили отдохнуть, а уж завтра – домой.

Литвяков заглянул к Георгию в номер.

– Ты как, готов поужинать?

– Да, умылся, почистился, сейчас переоденусь и сходим в местную «чайхану».

– Там Зафесов звонит, приглашает поужинать. Ты как, я думаю – давай сходим. Познакомишься с семейством. Семейство довольно дружное, хозяйка гостеприимная, там, наверное, и еще кто-то будет из местной интеллигенции. Осваивайся, знакомься с местной элитой!

– Неудобно как-то. Горный мастер и главный инженер, уж больно большой разрыв в «весовых категориях».

– Вот это ты брось. Зафесов не из таких. Он и сам не погнушается сходить в гости к хорошему человеку, и его дом открыт для добрых людей. Десять минут тебе хватит на сборы? Давай, я позвоню, что

мы идем. Я загляну за тобой. Не трусь, старик, с тобой ведь тоже хотят познакомиться!

Зафесов осетин, после окончания горного факультета Горнометаллургического института в Орджоникидзе, сам попросился на Север. Работал на Артемовских шахтах, а два года назад назначили на прииск Тайгинский главным инженером. Женат на русской красавице. Елена, медик, работает врачом в местной больнице. Компания у них собирается интеллигентная – врачи, учителя, инженеры. Наверное, будет и директор с женой, они с Главным дружат семьями. Все это Литвяков выложил Георгию по дороге, пока шли в гости.

Ужин прошел весело, непринужденно. Собрались действительно все близкие – сотрудники по работе, друзья по поселку. Георгия посадили рядом с молодой красивой женщиной, Наталья Владимировна, Наташа, учительница. Наша, чисто русская красота – длинные, ниспадающие до плеч прямые светлые волосы, огромные глаза, синие, как безоблачное утреннее небо, красавица – таких теперь можно встретить только в сибирской глубинке. Георгий вначале стеснялся, чувствовал себя скованно, да и люди за столом поглядывали на него настороженно. Но постепенно всё как-то обвыклось, хозяйка следила за всем – и чтобы на столе не было застоя, и чтобы у гостей настроение не падало. Зафесов сказал хороший тост – о людях в поселке, о своих сослуживцах, о развивающемся, набирающем хорошие темпы прииске. После двух-трех таких тостов обстановка за столом стала непринужденной – анекдоты, живые истории, смеялись, шутили, на Георгия и вообще перестали обращать внимания. Он помалкивал, приглядывался, не лез в балагуры и весельчаки.

Кто-то запел, как без песни в сибирской компании, а затем вдруг Георгий, сам того не ожидая, вначале вполголоса, но постепенно все более открываясь, запел:

Иду я бульваром знакомым. Вот и наш дом. Три окна горят в вышине...

Наташа быстро прошла к пианино, стоявшем здесь же, в комнате и сразу, как будто только что отрепетировали, взяла нужную ноту, нужную тональность, Георгий встал и тоже прошел к пианино, пел чистым, высоким голосом, Наташа помогала на вторых строчках, образовался согласованный дуэт. Особенно получилась концовка, которую Георгий выдал полным голосом. Все заплодировали, женщины восхищенно, мужчины снисходительно, но все сошлись на том, что получилось хорошо и главное вовремя. Гости собрались расходиться.

Хозяйка, Елена Дмитриевна, на прощание обняла Георгия, поцеловала в лоб.

– Молодец, мы вас «принимаем». И всегда рады видеть в нашем доме.

Зафесов проводил до двери.

– Когда будете в поселке, заходите, не стесняйтесь.

Как-то так получилось, что Георгий и Наташа вышли вместе, Литвяков еще с кем-то задержался, заговорился. Георгий остановился было, чтобы его подождать.

– Вы меня не проводите? – взяв его под руку, обратилась к Георгию Наташа.

– Провожу и с удовольствием. Вот только надо сказать Литвякову.

– Ничего, не маленький, не заблудится.

Поселок Тайгинск растянулся вдоль Жуи на несколько километров, но жилая его часть построена компактно, все строилось вначале рядом с Управлением прииска, а затем дома при строительстве группировались вокруг Дома культуры, так что все было рядом, не растянуто по улицам, все близко.

– Может, погуляем у реки? – спросил Георгий.

– Да нет, не сегодня, погода уж больно мерзкая, а у реки и вовсе холодно, наверное. Пойдемте лучше

ко мне, выпьем чаю, поговорим, вы о себе расскажите.

– Согласен. Я о себе расскажу, вы о себе, так?

– Конечно, конечно, – засмеялась Наташа, – может, всю ночь будем рассказывать друг дружке сказки? А, вы как, согласны?

– Конечно! Хоть каждую ночь, когда приезжать в Тайгинск буду.

9

Северная зима приходит рано, начинается быстро. На раскачку ей отведено матушкой природой не месяцы и даже не недели – всего несколько дней. Кажется, еще позавчера было тепло и солнечно, вчера вдруг похолодало, а сегодня уже пуржит, снег валит густо и ложится прочно, надолго. На всю зиму, на все семь месяцев.

После памятного техсовета прииска по развитию золотодобывающего участка Балаганах прошло чуть больше трех месяцев. Драгу, как и было спланировано, успешно подвели к подготовленной ремонтной площадке и остановили на зимний капитальный ремонт. Хорошо остановили, а главное вовремя. Дружно и организованно приступили к зачистке шлюзов и «отпарке» драги – так называется процесс очистки всех узлов и механизмов драги ото льда, что накопился за время работы при отрицательных температурах и висел тяжелым ледяным грузом на механизмах драги.

Трудно работать зимой, если так или иначе работы эти связаны с водой. Работать при отрицательных температурах приходится до плановой остановки драги. Да, при «отрицательных». Да еще каких! Иными ночами дражники работают при минус тридцати, и при этом надолго не останавливаются, нельзя – при таких температурах механизмы замерзают очень быстро, «оттаивать» их потом надо долго. Иногда так всё промерзнет, что и вовсе не удаётся оттаять механизмы. Тогда приходится прекращать добычные работы и становиться на зимний отстой вынужденно. Не подготовившись, не дойдя до подготовленной ремонтной площадки. А это беда! Для весны, для весеннего запуска. Весной выпутываться из такой «ловушки» долго приходится. Лишняя резка льда, лишние подготовительные работы.

Но слава господу богу, как любит говорить Зафесов, все обошлось, остановились вовремя и на положенном месте.

После остановки парового котла люди освободились, на драге оставили только самых опытных дражников и электриков. Они будут заниматься ремонтом механического и электрического оборудования всю зиму. У них свой график работы, график ремонта оборудования. Времени им хватит. Остальных рабочих, и мужчин и женщин, объединили в «комплексную» бригаду и направили на подготовку полигона. Бригадиром назначили опытного рабочего, бывшего «зека», что остался работать после ликвидации лагерей.

Василий Васильевич. Работает на участке давно, еще на строительстве драги начинал работать. Получил в поселке квартиру, где и жили они вдвоем с женой. Жена приехала к нему еще при лагерях, когда он еще «сидел», когда перевели его, за примерное поведение и хорошую работу, на вольное поселение. Перевели жить в поселок при лагере, вот жена и приехала к нему. Сразу же, как получил он такое послабление от лагерной власти. Есть у них сын, но он давно вырос, сам уже имеет семью, живет на «материке». Василий Васильевич все не может к нему выбраться в гости. Хотя планирует такую поездку часто, ежегодно, да все никак собраться не может. А однажды признался Василий Васильевич, что боится он этой поездки. Как там теперь, на «большой земле», что? Не затеряться бы, в историю какую не попасть. Да и сын, как он примет? Вырос без отца, знать его не знает! Хотя, по рассказам матери, не отказался от отца, от «врага народа», выдержал и в школе, и во дворе все нападки и оскорбления. Не отказался от

отца...

– Ничего, съездим еще, какие наши годы, – ворчал старик на увещевания жены. – Вот заработаем немного денег и съездим. Не с пустыми же руками приезжать к сыну, после такой долгой разлуки. Съездим.

Георгий сам уговорил Васильича, так все звали его в поселке, возглавить бригаду. Тот упорно отказывался. Георгий убеждал.

– Василий Васильевич, ты же первый меня поддержал тогда, на первом собрании, забыл что ли, ты же сам потом, на совещании у Зафесова, предложил бригаду сделать «комплексной», чтобы за все бригада отвечала на полигоне, за всю подготовку к лету.

– Ну, поддержал, и сейчас я за это, но куда мне в начальство, хватит, поначальствовал когда-то, а потом и «тянул лямку». Нет, пусть кто помоложе командует.

– Нет, Васильич, кто помоложе не годится, не по возрасту выбираем, по опыту. Если не получится что – я в ответе. Слышал же, что Зафесов сказал – Красноперов в ответе за подготовку полигона. Но я же не могу за всеми в бригаде уследить, всем дать разнарядку, всех проконтролировать. Ты же от моего имени распоряжаться будешь!

– Ох и мастак ты, Александрыч, убеждать, ох и мастак. Ладно, давай, помогу тебе, но если что не так, не взыщи. И сразу договоримся, что не командир я, а помощник тебе. Твои распоряжения доводить до людей в бригаде буду. Договорились?

– Хорошо, решили. А помнишь, первое собрание, как ты тогда на меня «попер»?

– Как не помнить. Но ты правильно среагировал. Без «визга» и крика. С умом. Тогда тебя ребята и приняли за начальника своего. Мастером приняли. Как ты там говоришь про Теркина-то? «Только взял боец трехрядку»...

– Да! «Сразу видно – гармонист...» Вот нам и сейчас, так надо «сыграть» с тобой, чтобы не опозориться к весне.

А собрание то, первое, запомнил Георгий. Тогда он только приехал на участок, мастером представился. Литвяков наметил представить Георгия бригаде назавтра, с утра, мол, поедем, и полигон осмотришь, и бригаде представим тебя. Но Георгий не выдержал, не стал утра дожидаться. Поехал с маркшейдером на полигон. Тому какие-то съемки надо было сделать, Георгий с ним и поехал. Не работу смотреть поехал, нет, так, познакомиться с местностью, с условиями, с полигоном.

Приехали они с маркшейдером на полигон. Там рабочие валили лес. Валили, да так и оставляли на месте – вывезти хлысты было нечем, трактора не могли пройти по обводненному, раскисшему бездорожью. Пытались тянуть длинные лесины трелевочной лебедкой, трелёвочным канатом. Трелевочники аж «на дыбы» вставали от натуги, лесины цеплялись – то за другие лесины, то за пни. Низко спилить дерево вода не давала, пни торчали, как изгородь какая-то. Лесины не поддавались тракторному мотору, рабочие в длинных болотных сапогах, с длинными же шестами в руках, лазили по пояс в воде, пытались помочь тракторам, ничего у них толком не получалось. Рабочие злые, над полигоном висели шум, крик, мат...

– Что, начальство? Смотреть опять приехали? Вы бы лучше помогли. Придумали бы что-нибудь, вы же начальство, грамотные, для чего вас только учили...

Красноперов не растерялся.

– Кто бригадир, вы? Остановите работы. Сейчас уже конец смены, соберите народ у вагончика,

поговорить, познакомиться надо. Я ваш новый горный мастер, назначен начальником полигона. Вот, знакомлюсь с условиями работы.

– А, слышали, слышали. Соберёмся обязательно. Толк бы только получился от встречи нашей. Много начальства приезжает, да только что-то толку маловато. Ну, да вы новенький. Ничего. Давайте поговорим, соберемся...

Пока собирались – сполоснуться рабочим надо, переодеться – Красноперов с горки осмотрел полигон, ту часть, где велись работы. Обычный дражный полигон, крутоват, но что делать, такая долина. Густо заросший лесом, а чему же еще там расти, вдоль реки, в долине? Кустарники, лес. Хороший лес – в долине лиственница, на увалах, где повыше, сосна. Много березы, тальник – да обычный полигон, технических каких-то трудностей Георгий не заметил, но кое-что – сверху, с горки, хорошо все планируется – он себе уже наметил. Чтобы людей из воды вывести.

Когда подошли к вагончику, рабочие уже собрались, ждали, с интересом поглядывали на мастера – каков, надолго ли...

– Меня зовут Георгий Александрович. Красноперов фамилия. – Георгий рассказал немного о себе – где родился, где учился, где и кем работал до института. – Вот, назначен к вам мастером. Много говорить не стану, не о чем пока, осмотреть все надо как следует. Давайте лучше вопросы послушаю, какие есть.

– Да какие вопросы, мастер, работу организуй как следует, чтобы по воде не ползать, да и отдача чтобы была. А то ни работы, ни заработка. И технику, и себя калечим. Вот только сможешь ли, что-то не очень мы в это верим. Были у нас уже мастера тут, приезжали.

– Как вас зовут?

– Василий Васильевич я. Да только дело не во мне, и не в моем имени. Все тебе скажут то же самое. Не работа это, то, что видишь ты здесь у нас, а каторга. Ты-то сам, настоящую работу видел где?

– Учили меня этому. Да и посмотреть кое-что тоже привелось. Вот только не пойму я, что ты на меня, Василий Васильевич, взъелся. Я же знакомиться пришел. А как дальше жить станем, как будем работать, я ведь сказать успею еще. Или не успею?

Засмеялись.

– Дай-то господь бог тебе силы и умения, Георгий Александрович, не обижайся, мы ведь тоже – не к слову, и не в упрек, а для знакомства.

– Ну, а раз для знакомства, тогда вот что. Завтра с утра работу на воде остановите. Трактора выведите, очистите, поставьте на просушку, на смазку. Маркшейдер с утра выдаст вам границы новой вырубки. Вырубать будем широкую полосу вдоль полигона, где повыше. По сухому рубить будем. Вырубим полосу для зимней дороги, по которой зимой лес таскать будем на площадку разделки и распиловки. На дрова, на «колья». На столбы, наконец, да мало ли на что нам лес в поселке нужен будет! Полосу эту надо вырубить за границу участка следующего года дражной отработки. Да пониже лесину пилите, пеньки не оставляйте, они нам мешать при вывозке леса будут. Волоком будем лес таскать. Вот, прямо завтра с утра по такой схеме и начинайте. Месяц, я думаю, вам понадобится для этой работы. А там уж и осмотримся, спланируем – у нас с вами ведь плановое хозяйство, вот и надо планировать так, чтобы и отдача от нашей работы была, и заработок получился достойный. Понятно излагаю?

– Во, это уже дело, это уже правильно. И всем нам это понятно. Значит, завтра в грязь, в воду не полезем?

– Я же спросил, излагают для всех ли понятно? Правильно, правильно поняли вы меня, Василий Васильевич. В воду больше не полезем. Бригадир, а вы что молчите? Вас как зовут?

– Павел зовут меня. А насчет задания – с начальником участка поговорить бы надо. От него бы запрет-то на продолжение работы получить...

– Во-первых, никакого запрета нет. Я вам даю раскомандировку на завтра. На всю бригаду. Во-вторых, с сегодняшнего дня все задания вы будете получать от меня. И на бригаду, и на каждого рабочего в отдельности. А как задание бригаде согласовать с начальником участка, это теперь мои заботы, не ваши. Есть еще вопросы? Вопросов больше нет. Тогда, отдыхайте сегодня, а завтра за работу. По новому наряду. Всем до свидания.

– Не круто берёшь, начальник? – спросил маркшейдер, когда отошли они к машине, на которой приехали. Время у них до отъезда еще оставалось – теперь уехать можно только с бригадой, смена закончилась, машина одна.

– Да нет, по-моему, все тут понятно. Ну, какой прок от сегодняшней работы? Лучше к зимней работе подготовиться, это полезней будет.

– Да, быстро ты все тут ухватил у нас. Быстро, говорю, схватываешь! Думаю, людям это понравилось, бригада приняла тебя.

– Да ладно, Василий Васильевич. Поживем – увидим. – Маркшейдера тоже звали Василий Васильевич. – Что-то на участке у вас одни тезки работают. Все Василии, да еще и Васильевичи.

– Да нет, не только. Познакомишься еще, всех узнаешь. У нас городок небольшой, все друг дружку хорошо знаем. В одном углу деревни кто-то чихнет, на другом краю «будь здоров» кричат. Освоишься, узнаешь.

Вот о том, теперь уже давнем, собрании и вспомнили они, Георгий и Василий Васильевич, вновь обретенный помощник нового горного мастера.

– А как график-то по полигону, утвердили?

– Утвердили, Василий Васильевич, строгий получился график, жесткий. Сейчас уходим на отдых, на ноябрьские праздники, но после праздника, в первый же день буду знакомить бригаду с графиком. Никакие работы не начнем, пока график не изучим, пока каждый рабочий не определит свое место в этом графике. Понимаешь, там так всё рассчитано, если хоть одну позицию сорвешь – все, дальше работа остановится, дальше шагать нельзя. Дальше опять придется работать по принципу «стой здесь – беги туда».

– А вот это, за графиком следить, это вот и есть как раз твое дело. Дело мастера. Вот все и будем в ответе!

– Нет, Василий Васильевич. Работу по графику должен распределять бригадир, он главный организатор, он должен следить – не закончил одну операцию, не смей начинать следующую. Иначе – завал. Тупик. Остановка. А дело мастера – обеспечить бригаду всем, что им нужно для работы. Чтобы ни минуты простоя. Чтобы, если простой – только по вине бригады! Моё дело – материальное обеспечение. Твое дело – работа строго по пунктам графика!

Начало шестидесятых годов. В мире промышленности давно бушевали «сетевые графики», о которых молодые инженеры с дальних приисков, участков узнают только через несколько лет, на специальных семинарах, совещаниях. Узнают они про новые графики и удивятся – мы-то давно работаем по таким графикам, только не знали мы, что они «сетевые». У нас хоть и не называются они так, да видно же – «сетевые». По научным, оказывается, формулировкам. Других мы и не составляем, другие вроде и не графики вовсе.

Георгий сидел над своим графиком, как говорится, без отрыва от производства. Днем – на полигоне, с бригадой, вечером – за чертежной доской, которую взял у маркшейдеров на короткое время.

«Наш комплексный сезонный график должен предусмотреть все виды работ по подготовке полигона, строгую их очередность, последовательность исполнения, с учетом снабжения необходимыми материалами, запасными частями, с резервом времени на ремонт механизмов, техники».

На полигоне Георгий разметил три участка.

Первый участок – это работа драги текущего года. Полигон здесь подготовлен полностью и затоплен. Для сохранения уровня воды ниже подпорной плотины нужно смонтировать насосную. Она будет перекачивать уходящую фильтрацией воду обратно в дражный водоем. Это – в график.

«По расчетам маркшейдеров, запасов на этом участке для работы драги в следующем сезоне оставалось почти на два месяца. Вот срок, который определяет время подготовки следующего, второго участка. Мы размеры второго участка рассчитаем так, чтобы драга смогла доработать на нем следующий сезон, пять месяцев, и два месяца переходящих для последующего сезона. Если принять во внимание неучтенные потери времени – полигон нужно готовить на восемь месяцев работы драги. Так. Вот этот срок и станет отправной точкой всего комплексного графика. И он должен предусмотреть полную, стопроцентную готовность участков номер один и два». Георгий откинулся на спинку стула. Все правильно, главное не забыть бы, не упустить какую ни возьми промежуточную операцию, главное – не «убежать вперед». На бумаге. Георгий снова и снова листал свои записи, снова перечитывал перечень всех подготовительных работ на полигоне.

«Ну, хорошо. Третий участок – это работа драги третьего года эксплуатации. Объемы те же, на восемь месяцев. Готовность – очистка от леса, вскрышные работы. Строительство плотины на этом участке – в четвертом году, то есть, вне пределов графика».

Спать уже тянет, сил нет. Завтра с утра, хошь не хошь, на работу.

«Нет. Если все операции перечислять – не рабочий график получится, а никому непонятная «простыня». И читать ее никто не будет. Нет, сделаем так – по выполнению каждого пункта комплексного графика составим «мини-графики», графики выполнения отдельных операций. Бригаду разобьем на отдельные звенья. И за каждым звеном закрепим выполнение отдельных операций. И именно такое звено получит свой «мини-график». Бригада станет управляемой, «каждый солдат будет знать свой маневр!» Тогда и весь график станет живым. Выполнимым!

10

Приближались ноябрьские праздники. В октябре достроили, наконец, двухквартирный жилой дом, где Красноперову выделили одну из квартир – небольшая, двухкомнатная квартира, в кухне печка, но отопление центральное, а печка для приготовления обедов и других хозяйственных надобностей. Ни газа, ни электроплит в поселке не было.

Красноперов устроил пышное новоселье, пригласил всех специалистов, некоторых бульдозеристов, пришел и Володя Литвяков. Бульдозеристы сбросились и купили Георгию сказочный по тем временам подарок – холодильник! Его и достать то не просто было, но ребята навалились на начальника «Продснаба», «надавили» и тот сдался. Выделил, и даже с доставкой!

Как-то быстро новоселье превратилось в небольшое техническое совещание – спорили обо всем, и о работе бульдозеров, и о расчистке полигона, даже установку кольев на водоеме раскритиковали вчистую. Работа по установке кольев, для подвески льда, на случай ухода воды из котлована, была организована «субботником», все взрослое население поселка было вывезено на полигон и все участвовали в этой работе. Колья были привезены и разложены на бортах водоема заранее. Сетка установки также заранее разбита маркшейдером, а по льду, в соответствии с маркшейдерской разбивкой, установлены колышки.

Мужики специальной «пешней» пробивали лед, женщины подносили колья и все вместе ставили их вертикально в воду. «Комлем» вниз. Проседая, лед повисал на таких кольях, создавалась воздушная подушка, она и предотвращала промерзание песков.

– Доиграемся, – возмущался геолог, – такую массу людей выводим на двадцатисантиметровый лед, а ну как кто провалится, как доставать будем?

– Не все же разом выходят, дорожки проложены, не проваливались пока, – возражает Володя Данилов, бульдозерист.

– Не все разом, пойдти уследи... Лена, бухгалтер, не выдерживает.

– Что, мужики, на работе не наговорились! А ну, Георгий, запевай!

Хорошо посидели. Славное получилось новоселье. И повеселились, и поговорили. Главное – познакомились как следует. С Георгием, да и между собой, вот так, все вместе, когда-то еще собирались...

– Знаете что, – вдруг придумал Георгий, – скоро ведь праздник. Давайте концерт организуем в нашем клубе. Смотрите, вот даже здесь, в нашей компании – и песни, и юморески разные, ну чем не самодеятельность! А если объявить в поселке – думаю, немало «артистов» найдётся.

– Вот это уж точно, «артистов» у нас хватает, – пошутил Литвяков. Но предложение понравилось.

– А что, действительно, закроемся по домам и сидим все праздники, пьем. И «горькую» тоже. Ну, гости там разные – приходят-уходят, сами в гости ходим. Но это же не общее, не все поселковые вместе! Каждая семья, компания отдельно. И так все праздники. Действительно, давайте соберемся в клубе. Если и не очень с самодеятельностью получится, так хотя бы отдохнем, повеселимся все вместе, всем поселком. – Лена возбуждена, раскраснелась. Да и остальные оживились.

– А что, действительно, давайте попробуем!

На второй день объявили по поселку об отборе номеров художественной самодеятельности к празднику. Создали комиссию. Возглавить ее поручили Георгию.

– Давай, ты предложил, вот и организуй. – Литвяков доволен, в праздники в поселке всегда возникала какая-нибудь «напряженка». Да и на торжественную часть не очень люди приходили охотно. А тут концерт, самодеятельность, придут люди. Должны прийти.

Заведующий клубом, Коля Звягинцев, «старый эзковец», артист, музыкант, горячо поддержал идею концерта, всю организацию взял на себя. Члены комиссии собирались после работы и Коля по одному вызывал на сцену добровольных исполнителей, отбирали строго, чтобы не допустить халтуры, похабщины или вообще «хулиганки». Народ на севере разный, а «эзковцы», бывшие, те вообще балагуры, заводилы, кто-нибудь, из них ли, или из новеньких – кто-нибудь, обязательно захочет отличиться.

Желающих участвовать в праздничном концерте, всем на удивление, оказалось много. И номера набирались добротные, качественные. Песни, стихи, юморески. Гена Морозов, инспектор пожарной части, выступил вместе с женой, с Галиной. Показали сразу три юмористических сценки, очень интересные, смешные, с клоунадой и даже с иллюзионными фокусами. Члены комиссии были в восторге. Всего же, по всему просмотру, отобрали более пятидесяти номеров – это же концерт на три с лишним часа!

Коля организовал хор, в клубе нашлись и приличные для хора костюмы. Исполнили «Бухенвальдский набат». Запевать уговорили Красноперова. Георгий приготовил с Колей также арию «Цыганский барон» и «Песню первой любви» Бабаджаняна.

Концерт удался на славу. Клуб заполнился полностью, мест не хватило, из ближних домов люди шли со своими стульями.

Хор открыл концерт «Песней о Родине», а закрывался концерт тоже хором, «Бухенвальдский набат». И когда Георгий на высокой ноте, с длинной задержкой голоса завершал Берегите, берегите Берегите мир...

Люди поднялись с мест, долго не отпускали самодеятельных артистов, вновь и вновь вызывая их на сцену аплодисментами.

Зал поселкового клуба небольшой, на двести с чем-то мест, многие в поселке в праздничный вечер не попали на концерт. А народ о состоявшемся концерте услышал, вчерашние зрители рассказывали невероятные для поселка впечатления. И на второй день Коля объявляет, что жители поселка просят концерт повторить.

А что, согласились артисты, повторим, да еще и добавим новые номера. Что не вошли в первую программу.

8-го ноября концерт с большим успехом повторили. И так в торжественно-радостной атмосфере, с хорошим у людей в поселке настроением прошли все дни ноябрьских праздников. И странное дело, после этих концертов, где в общем-то участниками были почти все семьи поселка, так как участник концерта, он ведь был и членом чьей-то семьи, после этих концертов люди стали ближе друг к другу, отношения между людьми дружнее стали, сердечнее. Скажем, если раньше собирались люди где-то, в той же бане, баловались пивком, но с кем пришел, с тем в компании и «баловался». Теперь же по-другому – попарились, вышли отдохнуть, и все вместе, с шутками-прибаутками – давай сюда! садись поближе! – то же пиво, но уже по-другому. Уже ближе, роднее.

После концерта люди долго не расходились. «Заиграли» было танцы, да что-то не пошло, не сложилось. Девчонки первыми спохватились. Что-то шепнули мужикам, те быстро сдвинули стулья, спинками друг к другу, так, что сиденья стульев образовали большой круглый стол. Появились разные закуски, соленья, жаренья, варево – рыба, мясо. Появились и разные напитки – вино, коньяк, водка. На Севере давно уже забыли те времена, когда только спирт господствовал на столах, а водка, коньяк – это были подарочные деликатесы с «большой земли». Нет, все на Севере было уже как у всех нормальных на Земле людей, все везли на Север – и водой, и самолетами, и даже автомашинами. Север себя окупал.

Импровизированный банкет закончился довольно поздно. А куда спешить? Праздник! Святой для сотни народов страны Советов праздник Октябрьской революции. День рождения Страны!

Лена уже в который раз подводила к Георгию молодую, с грустными глазами, женщину. Подведет, будто ненароком, и оставит ее рядом с Георгием, убежит, в заботах вся. Люда, Люся, молодая вдова, муж утонул в июле, в день свадьбы, даже брачной ночи не получилось. Свадьба – это же веселье, пиитё. Выехали на берег Жуи. Молодежь разморилась на жаре, кто-то предложил искупаться. Жених быстро разделся и прыгнул с высокого берега в быструю Жую. Прыгнул... и не вынырнул. О камень ли ударился, другое ли что случилось, унесла стремительная Жужа молодого парня куда-то к себе, в глубокий омут, не отдала парня невесте. Так и осталась девица вдовой, не став еще и женой. Не став еще и женщиной.

«А что, – подумал захмелевший Георгий, – уведу-ка я сейчас ее к себе, в новую квартиру. Девица хоть куда, видная, стройная. Красавица! Надо же и мне как-то обустроиваться...»

– Лена, – предложил он как бы случайно появившейся рядом Лене, – а что, давайте нагрянем ко мне, в холостяцкую квартиру! В холодильнике, думается мне, найдется все, что нам может понадобиться. До утра хватит, а там и новый день наступит, и магазин откроется. А? Спроси-ка у Пети, как он, согласен? Все равно, не до сна нам сегодня. Уж больно празднично. Сезон дражный закончен, впереди два дня отдыха, пойдем?

Петя, муж Лены, издали – он с девчатами в пляске, в кругу вертится – машет рукой – «Согласен!».

– Вы согласны, Люся? Народ уже почти весь разошелся, в клубе оставаться неудобно как-то. Давайте ко мне!

– Я согласна.

– Коля, – торопила Лена, – забирай баян, выходим на свежий воздух.

На свежем воздухе морозец славный, не менее тридцати. Да что мороз молодым, здоровым, веселым. Снова пляс, шуточная возня, борьба в снежной заварухе. Музыка, песни, частушки. Праздник!

Георгий с Леной и Люсей пошли быстро вперед. Пока подойдет компания, надо же что-то приготовить на стол. Нарезать там, расставить.

Георгий еще издали увидел в своих окнах свет. «Что это я, неужели не выключил лампочки?» Лена тоже удивилась.

– Кто-то, Георгий, у тебя уже хозяйничает...

Наташа. Она, оказывается, и на концерте была. Да не стала подходить, решила сюрприз устроить. Да никак не ожидала, что так долго Георгий не появится, а еще больше не ожидала, что появится не один.

– Ты как здесь, по «зимнику» что ли? Вот это подарок! Праздничный!

– К вам сюда автобус шел, школьников вез на каникулы. Вот я и решила приехать на праздники. А тебя нет, вот уже второй, считай, день. Разве можно дом родной оставлять так надолго?

– Так, праздники же! Ты позвонить могла?

– Да звонила я. До тебя дозвонишься, как же.

– Ладно, знакомьтесь. Это Лена, это Люся, а это Наташа, из Тайгинска, мой друг. Ну, Наташа, какой же ты молодец, наготовила то, знала что ли, что не один приду?

– Догадывалась.

Ввалилась ватага, человек десять. Петя внимательно осмотрел всех, быстро сориентировался.

– Да что вы тут, какой стол, пошли на природу!

– Нет, нет, вначале застольную, праздничную, ну вот для знакомства с Наташей!

Все выпили и тут же заторопились. А Люся совсем другая, оживленная, развеселилась.

– Видишь, как хорошо. Как хорошо все получилось, – и быстро убежала. А покрасневшее лицо закрыла варежкой.

«Неудобно как получилось. Ну что бы Наташе позвонить...» Гости быстро засобирались, баян звучал уже на дороге, за калиткой.

– Ну, ты и «жук», оказывается, Георгий. Знать теперь будем, – Лена засмеялась и тоже убежала.

И остались они вдвоем. Наташа. Георгий. Ладные оба. Видные. А что-то не так, не ладится что-то.

– Хочешь «шампанского»?

– Вот видишь. Хочешь «шампанского»? А ты наливай! Нехороший вопрос, Юрочка. Почему – хочешь? Почему – не «давай шампанского»? Я расстроила твой вечер?

Георгий открыл дутую бутылку, налил полный бокал, выпил почти залпом, поднялся, взял Наташу на руки и унес её в спальную.

Каждое утро Георгий начинал с этого бугорка. Как в первый раз. Теперь казалось, что было это давно, когда-то, даже и не в этой жизни вовсе, тогда впервые осматривал он полигон с этой самой высокой в ближайшей округе площадки. Он так и назвал ее тогда – «смотровая площадка». Отсюда весь полигон как на ладони. Вон, справа замерзшая в своем котловане драга. Ради нее здесь все крутится-вертится. Вот, прямо перед ним плотина. Она держит воду. На этой воде держится наплаву драга. Весом почти две тысячи тонн. На этой воде драге работать два с половиной месяца. На следующий сезон.

Здесь все надежно – лед висит на специально установленных кольях, ниже, прямо под плотиной, насосная станция, она перекачивает уходящую фильтрацией воду обратно в водоем. Выше еще одна плотина. Там тоже водоем, но удержать его до весны вряд ли удастся – вода уходит фильтрацией. Уходит, потому что сверху поступления воды практически нет, все русло перемерзло. Красноперов доказывал на техсовете, что поддержание верхней плотины – это лишние затраты и времени, и техники, и людей. Но Зафесов был против – сколько бы не продержалась вода, это как раз и есть выигранное время. Одно дело морозить полигон с осени, но совсем другое – с конца зимы, когда вода уйдет. А полностью ли она уйдет, это совсем не очевидно, это надо еще изучить, вот вам, молодым, и надо этим заняться. Но если и уйдет, пусть даже полностью, все равно, это случится после середины зимы и мощность промерзания будет другая, и температура этого промерзания, особенно на глубине больше метра, тоже совсем другая. Да еще и промерзнет ли на метр-то...

– «Не гоните лошадей, они у нас и так загнаны!» – любил повторять Зафесов.

Красноперов был «максималист», он считал эти предосторожности перестраховкой – многими годами, на разных приисках, доказано, что вскрытые галечные пески в пять-шесть метров по мощности оттаивают летом быстро – за три-четыре месяца. Зачем же огород городить! Зафесов, мудрый человек, рассуждал по-другому. Конечно, он мог бы просто приказать, и все рассуждения закончатся. Но он убеждал. Сам инженер, талантливый практик, он и вокруг себя воспитывал инженеров. Думających.

– Во-первых, до подтопления ты полигон вскрываешь. Вот он у тебя и оттаивает на солнышке. Чего ж его снова морозить? Во-вторых, ты строишь плотину для работы драги практически на целый год. В следующем, за этим строительством, сезоне. Зачем же снова морозить. А в-третьих, ты же готовишь полигон, а значит, выполняешь свои обязанности. И думаешь, думаешь при этом! – И весело, заразительно смеялся.

А что, может быть в этом и заключен наш горняцкий «момент истины»! В трудной и сложной – по горным условиям, по отдаленности – добыче нашего золота.

Георгий сидел на широком пеньке. Ребята специально для него спилили огромную листовницу, покрыли широкий, метровый в диаметре пенек шкуркой кабарги. Теперь Георгий приходил сюда как на свое рабочее место. Как в свой кабинет. И все знают, если понадобится, где его искать, куда к нему идти. Отсюда хорошо просматривалась работа бригады. Да, теперь он мог смотреть с этой горки как идут дела, практически не вмешиваясь в процесс работы. Все идет как надо. Бригадир с утра смотрит график и дает задания по звеньям. Старший по звену расставляет рабочих. Начальству вмешиваться не надо. Начальство должно обеспечить работы материалами, запасными частями, канатами, топливом. Ну, да мало ли еще чего требуется бригаде для бесперебойной работы! Вот это и есть обязанность начальства. Его обязанность, Георгия.

Господи, а сколько пришлось воевать, чтобы вот так, как будто само по себе, все идет по порядку, как будто автоматически – никто никого не подгоняет, никто никому не приказывает, никто никого не учит, не наставляет. Сколько пришлось ругаться, шуметь, доказывать. Кому? Да самой бригаде! Как трудно убедить людей жить лучше, работать легче, зарабатывать больше!

Когда внедрялся график очередности работ, никак не могли понять рабочие – как это так, как это может быть, чтобы девяносто кубометров, приготовленные вовремя, по графику, это лучше, чем сто кубометров, заготовленные ими же. С перевыполнением.

– Ты что, пацан, с ума здесь свести всех хочешь? Я напилит пятьсот кубометров, а ты мне премию не выписываешь? Я же перевыполнил план! Перевыполнил нормы заготовки на 130 процентов! А ты мне закрываешь тариф? Да я найду на тебя управу! Да ты сам мне все выплатишь, из своей собственной зарплаты!

Красноперов снова, в который уже раз, в конце смены собирал бригаду и объяснял, что нельзя перевыполнять те объемы, что запланированы графиком. Заготовили, а дальше что? Пусть лежит этот, сверхплановый лес, на полигоне? Его же вывезти надо. А трактора вывозят тоже по графику. Не будет стыковки, будет сбой. Завал. Срыв. И тогда снова начнем работать по принципу «стой здесь – беги туда».

– Вы поймите, все подчинено подготовке полигона к нормальной работе драги. Это комплекс работ – очистка полигона, вывозка и распиловка леса, бульдозерные работы, заготовка дров для котла – ну и все остальное, не буду я все вам перечислять, все в графике, а он всегда перед вами. И премия, так разработано положение о премировании и согласовано с вами, премия выплачивается за выполнение графика. Забудьте вы о нормах, о каких-то «сверхпланах». Все это забыто, отменено. Зачем нам получать премию за лес, который мы заготовим, а он сгниет – не вывезенный, или даже затопленный. Вам нужны такие деньги? Деньги вам конечно нужны. Вот и получайте их. Но строго по графику. Другого не будет. Как бы кто не кричал, не шумел, не возмущался!

– Ерунду ты все порешь. Сам ты кричишь-шумишь. Приехал тут и ну свои порядки устанавливать! Надолго ли? Вот уедешь, и все будет по-старому.

– Не уеду я никуда. Куда я уеду из Советского Союза? А вот вас я научу, как надо работать. Может, и останется что-то после меня. И надо, чтобы не только у нас, надо чтобы и везде так. Делать то, что действительно надо делать. Только давайте вначале у себя сделаем, не будем кивать на других. У себя сделаем, глядишь, и других поучим! Конечно, уеду! Не всю же жизнь ходить мне в мастерах горных. – Смеялись. Но все равно, кто-нибудь снова за старое.

– Ну хорошо, напилит я твои запланированные графиком кубометры. И что же дальше? Сидеть мне до конца смены? Ждать, когда время выйдет?

– Нет, не сидеть. Надо обрубить сучья, сжечь их, не ждать, когда женщины подспеют. Вы смотрите, насколько вы опережаете общие работы и помогайте. Это же все в графике! А потом, если вы уж сильно опережаете график, посмотрите, значит что-то не так. Или пни оставляете больше положенного, или распиловки делаете не по размерам, а может, просто «подруб» не убираете, оставляете бульдозеристам. Что-то не так. При приемке «деляны» все это обнаружится, и вы больше потеряете, чем заработали. График составлен так, что не можете вы его опережать на 130 процентов. Вы его не сможете опередить и на один процент! Дай вам бог уложиться в него по времени день в день!

Шуму было много. Но когда, в конце первого же месяца, вместо привычных двести пятьдесят, это и с районным коэффициентом, и с надбавкам, получили по четыреста пятьдесят, пятьсот и даже кое-кто семьсот рублей – притихли.

Да! График-то, оказывается, «денежный»! Только работать надо!

12

Вершинин сидел над полученной запиской, не зная, что же ему предпринять, как ему поступить? Ну

ладно, было бы заявление, оформили бы как положено! А тут просто письмо, записка какая-то, ну ясно, информировали, но к делу-то не приложишь! И когда научиться люди грамоте? Ну, что ты пишешь, ты пиши конкретно – Георгий Красноперов, горный мастер, что на участке Балаганах, скрывает прогулы. Покрывает пьяниц. Они хотят – работают, а не хотят – нет, не выходят на работу. Сидят дома, пьют, развратничают, смеются над нами. Над советской властью смеются! Да что он, этот пацан, себе позволяет? Решил, что если мы далеко, раз у нас Север, значит, у нас можно вытворять что ему вздумается?

«Нет, к директору идти не стоит, зашумит, раскричится, тебя же еще и обвинит. Не смотришь, – скажет, – не следишь.! Этот парень, странное все же положение, этот парень у них – и у директора, да и у Зафесова тоже, уж Зафесов-то насквозь любого человека видит, он то что нашел в этом Краснопереве? Нет, в непонятных любимцах у них у обоих ходит Красноперов этот. Что они в нем нашли? Вон Валера Авлов, тоже молодой специалист, но все у него на месте, все у него по правилам, сразу видно – большим начальником будет. А этот Красноперов что? Мудрит, мудрит, все у него не так, все ему негоже. Вытворяет черт те что, заигрывает перед народом. Это ж додуматься – поднял зарплату у рабочих в два с лишним раза! Этак скоро и в управление, да что в управление – в нормировщики, никто не пойдет! Рабочими все захотят стать! Пойду к Зафесову, мужик он мудрый, разъяснит, что к чему».

– Марат Ефимович, к вам Председатель прииска, можно? – секретарша, Светонька, так ее все звали, так ее в первый раз, когда назначили ее в приемную, Зафесов назвал, так и пошло – Светонька, Светонька...

– Вершинин, что ли? Пусть заходит.

– Марат Ефимович, вы не подумайте чего. Ничего я не имею против этого Красноперова, но опять письмо с участка, вот, прочтите, опять жалуются, что-то опять вытворяет этот молодой «талант».

– Да, ты прав, Лева, талант. Было бы у нас десяток таких талантов, прииск был бы другим. А, Лева? А если в стране? А? Страна бы ведь другой была! Сам-то ты, Лева, сам-то ты все это понимаешь? Да, я откровенно тебе скажу, я согласен с тобой, не наш он человек, этот Красноперов, в этом ты прав. Это ты правильно заметил. Рано он родился, не наступило еще его время. Загубят его вот такие, как ты, «профсоюзнички».

– Да что вы говорите-то, Марат Ефимович? Он вот прогулы скрывает, это вы считаете нормальным? Он же людей развращает, какой пример молодым? Он же «уровниловку» устраивает, для всех – кто работает, а кто прикидывается рабочим!

– Лева, ты кто у нас есть? Ты Председатель нашего приискового Профсоюза. Ты кого избран народом защищать? Ты защитник рабочего класса! Тебя на это место рабочие поставили для чего? Чтобы ты защищал их от нас, от засидевшихся «бюрократов», от несправедливых «начальников», от глухой «администрации»! И вот, в кои-то годы нашелся «администратор», «эксплуататор» рабочего класса, который решил все делать по справедливости, все считать по справедливости, всем платить по справедливости, по заработанному – сколько сделал, столько и получи! А не хочешь работать, так и черт с тобой, не работай. Кому ты, бездельник, нужен? Бригаде – нет, участку – нет! Прииску, нам с тобой, товарищ Председатель Профсоюза, этот бездельник «надо»? Нет, Лева, нам с тобой тоже «не надо». Не надо нам, чтобы лодыри мешали нам работать, да еще и зарплату при этом получали. Надо это, Лева, только тому лодырю. Только ему, «заблудшему». Не хочет он работать, так и черт с ним, пусть не работает! Но и «получать» не будет! Раньше вы, твой профком – ладно, ладно наш профком, я ведь тоже у вас «член», да еще какой, вы же ко мне так прислушиваетесь – разбирали мы их, этих прогульщиков, выносили выговора, наказывали, а тариф-то по зарплате им шел! Зарплата им «гарантированная» причиталась! Да еще и оплачивали им переезд на эти наши профсоюзные заседания, на наши эти «разборки». Ты бы подсчитал, сколько все это нам – прииску, стране – стоит. А у Красноперова все наоборот. Не вышел, или

даже вышел, но не сделал программу, дневную норму, ну и что? – ничего и не получил. Баранка от бублика в кармане. И ты, Председатель профкома, нашего приискового профсоюза, защитник прав наших золотодобытчиков, кому мы доверили свою правовую надежность, в ком мы должны быть уверены, что ты проследишь, чтобы в наш общественный карман не залез ни один «паразит», ни один мошенник, ни один лодырь, ты, избранный нами, доверитель наш, считаешь это неправильным? За что же тогда мы с тобой боролись, в том, далеком от нас, семнадцатом?

– Но ведь пишут же, Марат Ефимович, возмущаются же люди!

– А возмущаются завистники. Ты подумай, Лева, сколько человек, даже у нас, здесь на Севере, где вроде народ уже отобранный, устоявшийся, сколько людей хотят получить побольше, но на дурачка, чтобы без учета, без нормировки, чтобы не «пахать и не сеять»! Ты вот что, Лева, ты съезди на Балаганах, повстречайся, поговори с людьми. Поспрашивай про эти «жалобы», про эти «доносы». Только с людьми поговори, не с «народом». Не с трибуны в поселковом клубе, не в конторе у начальника участка, на рабочих местах повстречайся, на перекурах, на обеде. Именно там народ откровенно разговорчив, там тебе и откроется истина. Если ты ее, конечно, захочешь узнать, увидеть. Истину эту.

– Вы уж совсем, Марат Ефимович, дурачком меня каким-то считаете.

– Вот и докажи свою разумность, и расскажи о ней всем своим профсоюзным сподвижникам. Молод ты еще, Лева, рано, я так думаю, пост ты свой занял. Все же второй человек на прииске, после директора. Вот и хочу я тебе помочь, вразумить, если получится. Присматривайся, Лева, к людям, и запомни, нет эталона на «хорошего» или «плохого» начальника. Рассуждать о нем, о любом начальнике, хоть о большом, хоть о малом, надо по уму, по делам его, относиться надо к нему, к специалисту, особенно молодому, по его отношению к людям. С первых шагов его! Как он к людям, так и они к нему! Ты общественность, Лева, от тебя многое зависит, ты можешь уничтожить человека, особенно начинающего специалиста, еще не уверенного в себе, еще не принятого народом. А можешь его и возвысить. Если он стоит того. Если ты поймешь его, если примешь за своего, нет, не «запанибрата», не за угодника, а примешь как равного, как себе равного. Если ты сам на «уровне», если ты сам Человеку равен. Прости, Лева, за «краснобайство» мое, но все это я говорю тебе для того, чтобы ты понял – Красноперова я вам на обсуждение не дам. А уж на «растерзание» – тем более.

13

Георгий закрывал наряды. В бригаде этого дня ждали – как же, начислялась зарплата, при этом все делалось принародно, при всех. Непривычно все это людям. Концерт, какой-то получался, Но и удивительно! Сидят в вагончике те, кому сидеть положено, кому наряд закрывают, все им сразу ясно, все известно.

Вначале, закрывается табель. У Георгия тетрадь, там записаны все выходы, вся «трудовая деятельность». Не бригады, нет, каждого работника. Если вдруг какое недоразумение – Георгий открывает тетрадь.

– Что, Николай, смены, говоришь, не хватает? Давай посмотрим. Так, так, вот смотри, двенадцатого, помнишь, тебе дочку к врачу везти надо было, отпрашивался ты. Вспомнил? Вот, она и есть, эта твоя смена.

– Черт возьми, действительно, было, вспомнил. Так же и по выполненным объемам.

– Что, потерял три кубометра, говоришь? Давай посмотрим. А, вот смотри, восьмого, не сорок восемь, как у тебя значится, а сорок пять. Вспомнил, Федор Петрович, мы с тобой три кубометра старых нашли, в подгнившей поленнице, еще старатели, а может, геологи, еще до нашего прихода когда-то заготовили, мы с тобой эти кубометры из твоей заготовки и убрали. Ты их, видимо, чисто случайно к своим объемам

заготовки засчитал. Вместе мы с тобой их тогда и убрали, вспомнил?

– Да помню, помню, – смеются все, – хотел узнать, ты-то помнишь ли!

Когда все уточнялось – и табель, и объемы, Георгий почти на сутки уходил в расчеты. Дома сидел, считал. Он бухгалтерам выдавал готовые наряды, полный расчет зарплаты.

– Ты что, Георгий, ты зачем за меня работу делаешь? – бухгалтер смеется. Наряд закрыт полностью, со всеми доплатами, со всеми вычетами. Выведена чистая зарплата. Чистые деньги, что к выдаче «на руки» полагаются. «Касса» выведена!

– Да понимаешь, Оленька, рабочим то, когда они подписывают наряд, зарплата нужна, не смены, не объемы. Вот когда он, работяга, увидит, что заработал, какие конкретные деньги в наряде, который я ему даю подписать, числятся, вот, тогда он и поймет – хорошо сработал, или не очень. Ты посмотри, не ошибся ли я в чем, завтра с утра эти «бумаги» будем подписывать в бригаде, беда, если ошибусь. Ты же понимаешь, какой там завтра, в бригаде, гвалт подымется, какой там «балаган» начнется. Нет, ошибиться в расчетах мне никак нельзя.

А утром, да, настоящий «балаган».

– Василий Петрович, у тебя пятьсот восемьдесят. Это чистыми, уже без вычетов всяких. Бухгалтером проверено. Подпиши. Если не найдешь крамолы какой. А у тебя, Петя, всего сто восемьдесят. Это вместе с твоими надбавками, и с твоим районным коэффициентом.

– Это почему же? Чем это Петя хуже Василия Петровича. Работаем, вроде, в одной бригаде, выполняем одни объемы. Это что ты, засранец, здесь устраиваешь? А? Загреметь хочешь? Устроим!

– Петя, ты прогулял три смены. Вот смотри, видишь числа? Два раза приезжал на попутках, отставал от рабочего автобуса, появлялся здесь у нас, на работе, с солидным опозданием. Я тебе все засчитал, но ровно столько часов, сколько ты отработал. Хочешь числа? Вот, смотри. Премии ты лишен полностью. На сто процентов. Так что, получил ты свое, свой заработок, что и заработал. Заработок чистый, по расценкам, по тарифу. Никакого обмана, ни каких обчетов. Что заработал, то и получи. И подпиши вот здесь.

– Ну, ты даешь, ну ты, паскуда, даешь, да я тебя, да мы тебя ... В бригаде хохот.

– Уймись Петя, все правильно, все по закону. И по «понятию». – Вступился за мастера бригадир, Василий Васильевич.

– Ты вспомни, как ты рассуждал – вам много надо, вы много и работайте! А мне хватает на пропитание и ладно! На тяжелой работе – говорил ты – и выносливые лошади дохнут! Так ты говорил, помнишь? Так что, обижаться не на что! И не на кого!

– А что, мужики, может, это и правильно. Не хочешь работать, не путайся под ногами. А то строим вечно невинные глазки. Боимся «заложить» ближнего. Он, этот ближний, к нам же в карман лезет, а нам стыдно упрекнуть его! Может, пришла эта пора – пусть каждый сам за себя отвечает! – Василий Петрович раскраснелся, давно не говорил вот так откровенно, при всех, принародно.

Притихла бригада. Да, по всему видно, что это не «случай», это надолго, теперь эта строгая дисциплина, навсегда, наверное. А что, и правильно, давно уже надоела эта вседозволенность, эта игра во «что хочу, то и ворочу!» Бригада соскучилась в твердом управлении. В твердом руководстве. Правда, в руководстве умном...

– Вот ты скажи мне, мастер, если мне надо, если я загулял, если нет у меня настроения работать сегодня, или просто – не могу я сегодня работать, заболел, еще что-то случилось – я что же, преступник? Я что не могу нигде отсидеться, спрятаться от тебя?

– Черт вас подери, да наоборот же, я же и даю вам возможность – работай, зарабатывай, но если не работаешь, не хочешь работать, не работай. Но и не мешай другим. При этом, ты ничего и не получаешь! Почему я тебе должен платить за счет дяди Васи? И почему я тебя должен заставлять работать, искать тебя, уговаривать – выйди, Петенька, поработай, ради Христа. Да на кой ты мне – не хочешь, не работай!

– Да какой дядя Вася, что ты сочиняешь? Ну, с прогулами ясно. Но, если вышел я на работу, значит плати, хотя бы тариф, если не сделал я норму. И не за счет дяди Васи, что ты разругать всех нас хочешь между собой? Государство нормы предусмотрело, заработной платой все это называется! А районный коэффициент да надбавки нам платят за то, что мы здесь, на Севере, живем. Вот и плати, не умничай!

– Нет, дорогие мои, «уровниловки» больше не будет. Сколько сделал, за то и получи. Не вышел на работу, черт с тобой, сиди дома. Но ничего и не получишь. В конце месяца сам задумаешься, а ради чего ты здесь на Севере «ошиваешься»? И районный коэффициент тебе здесь выплачивают не за то, что ты здесь живешь, а за то, что ты здесь работаешь! Вот и начисляется он, как и надбавки твои за выслугу лет, именно на ту сумму, какую ты сумел заработать. А насчет хочу не хочу, да ради бога, только оформи, как положено, напиши заявление, возьми отпуск без содержания. Сиди, не хочешь работать, сиди дома. Только смысл-то какой? Ты зачем на Север приехал, «сачковать»? Так «сачковал» бы в своем Саратове, зачем так далеко ехать?

Спрос, строгий учет, до мелочей, до минуты рабочего времени, до каждого сваленного дерева, до каждого закопанного «мертвяка» – не пропустить, учесть все, но и не приписать лишнего. Работать не с бригадой, работать надо с каждым членом бригады, с каждым в отдельности. Надо сделать так, чтобы каждый знал, видел – его труд учтен, оценен, оплачен. Вот тогда что-нибудь и получится! Не «жандармский» надзор, нет – надо чтобы все осознали – каждый работает на себя. И ты, мастер, помогаешь ему работать на себя. По принципу – «никто не забыт, ничто не забыто»!

«Ничего, – думал Георгий, – за зиму я наведу в бригаде порядок. Должен навести. Все, по-моему, и сейчас уже поняли – «туфта» не пройдет! Но это еще полдела. Надо, чтобы каждый еще понял, что сделанное им не потеряется!»

14

Короткий зимний день клонился к вечеру. Погода для этого времени года, уже конец ноября, для этих северных мест, не очень и холодная. Солнечно, ветра нет. Тепло. Всего каких-то двадцать пять. Минус. Сегодня суббота, банный день. На улице полно гуляющего народа. Георгий все приготовил для бани – белье там, веник. Им с Петром одного веника никогда не хватает, они берут каждый по венику и за два банных часа «измочаливают» их до самых прутиков. Вот и сидит Георгий у окна, Петра, техрука драги, поджидает. Они в баню всегда вместе ходят. Напарят там друг дружку как следует, нахлещутся вениками, потом обсыхают в буфете, пивком охлаждаются. Тоня, буфетчица, в лютые морозы пиво чуть подогревает, чтобы после бани горло кто не застудил. Пиво бочковое, бодайбинское, лучшее пиво по сибирскому Северу. Пивовара директор «Лензолото», Горбунов, выписал аж из Риги. Нашел он там его, будучи в отпуске, предложил хорошие условия, квартиру дал. Вот теперь вся Сибирь и завидует бодайбинцам – их пиво по северным окраинам развозят как самый лучший деликатес. Ну, а уж по родному району такое пиво сам бог велел новому-то пивзаводу развозить без всяких ограничений, по всем «жилым» местам. Горнякам – по две-три кружечки после баньки освежиться – огромное удовольствие!

«Ну, наконец-то, вот и Петро пришел, – подумал Георгий, слышав чьи-то шаги по ступенькам крыльца.

– Вам телеграмма, Георгий Александрович. – Лиза, почтальон с почты, чем-то явно смущена.

– Откуда, что еще за телеграмма, – Георгий аж вспотел от предчувствия – «неужели с отцом что-то»...
«Выезжай срочно отец при смерти Мама». В дом тяжело ввалился Петро.

– Знаем, что у тебя случилось, переполох уже по всему поселку. Спрашивают, не нужны ли тебе деньги на поездку? Все-таки, недавно ты у нас работаешь, еще не успел, наверное, запасы денежные создать.

– Да ведь вот, только пришла телеграмма, я ее только читаю, распечатал вот, на, сам прочитай.

– Да знаю я уже всё, не будь ты наивным, все уже знают. Тебя спрашивают – деньги нужны?

– Да, нужны, наверное, я тут поиздержался с новосельем, да с какой ни на есть мебелью, нужны, наверное, будут. Но я выпишу в бухгалтерии, возьму авансом, рассчитаюсь, когда приеду. Петя, машину надо, в аэропорт мне срочно... – Георгий нетерпеливо заходил по комнате, еще плохо соображая о происшедшем, растерян, не успел еще осознать, еще не понимал – что же произошло?..

– Успокойся, Георгий, главное успокойся. В бухгалтерии ты ничего не выпишешь, сегодня суббота, выходной. Вот пятьсот рублей, возьми, я думаю, тебе на дорогу хватит. Не хватит, сообщишь телеграммой, вышлем еще. Машина сейчас подойдет, Буслаев уже в гараже, готовит машину. Хорошо, зимник пробили, машины идут. Часа за четыре доберетесь. До самолёта. Зафесову Владимир Захарович позвонил, рассказал обо всем, попросил, нельзя ли самолет задержать до утра, чтобы успел ты к Иркутскому рейсу. А там уж как повезет, там уж ничем тебе помочь не сможем.

– Да откуда все это, вы откуда все узнали? Я ж только-только получил телеграмму эту, распечатал вот...

– Слушай, ты же на Севере, здесь в таких ситуациях время терять нельзя. Татьяна Васильевна, начальник почты, это все отлично понимает. Вот она и зачитала твою телеграмму Литвякову, как только получила ее. Тебе еще ее и не доставили, а Литвяков уже раскрутил все. И мне поручил заняться твоей отправкой. Собирайся, время терять нельзя, скоро стемнеет, а по зимнику в темноте не разгонишься. Вон, Буслаев уже подъехал.

А что собираться, легкая дорожная сумка, документы, деньги. Не забыть бросить туда туалетные принадлежности, полотенце – через пять минут Георгий готов. «Так, деньги, – заставил Георгий себя подумать про дорогу, не забыть бы чего, важного, с дороги уже не вернешься. – Так, у меня наличных триста, да, Петро же дал пятьсот, все, хватит, конечно. Билет до Свердловска стоит, если считать отсюда, от нашего аэропорта, где-то около ста рублей. У меня – восемьсот. Но там ведь, если что, на похороны надо будет, еще, наверное, какие-то затраты. Предусмотри теперь... Ладно, восемьсот должно хватить. Не хватит, запрошу телеграммой».

В дверь без стука вошла Лена, бухгалтер.

– Собрался? Давай, торопись, времени мало. Вот, возьми, знаю, что Петя принес тебе деньги, но мало ли, в дороге все может случиться, вот возьми еще, здесь триста, бери, бери, что еще, какие раздумья, езжай, машина уже здесь, у дома. Мы здесь закроем все, в доме присмотрим без тебя, не волнуйся. Давай, легкой тебе дороги.

Зазвонил телефон. Георгий снял трубку.

– Это Зафесов. Прими мои соболезнования. Не суетись, не волнуйся, веди себя спокойно, в дороге не рискуйте с Буслаевым, не гоните, с самолетом я договорился, он до утра тебя ждет. С Бодайбо тоже договорился. Билет возьмешь у администратора, в самолет тебя посадят. До Иркутска. И в Иркутске для тебя «бронь» на Свердловск. Там четыре рейса, так что улетишь. В Иркутске тебя тоже отправят. Ну, а уж в Свердловске, там ты дома, там уж сам выкрутишься. Давай, мягкой тебе посадки.

У машины стоял Володя Литвяков.

– Ну, вроде все предусмотрели. Должен ты проскочить до Свердловска без задержек. Может, еще застанешь живым отца. Давай, поспешай, да только без суеты. Спокойно. Держи себя в руках. В дороге надо быть собранным. Давай. Если сможешь, позвони. Что и как. Если понадобится задержаться – задержись. Приедешь, все оформим, как положено. А сейчас некогда, поезжай, успеть бы.

– Спасибо вам за все, люди добрые. Тебе, Владимир Захарович, спасибо. Всем спасибо. Вася, поехали.

Только в Иркутске, уже в самолете, немного успокоившись, Георгий осознал, наконец, что он летит домой, что там что-то случилось, отец при смерти, а жив ли еще, неизвестно, что все хлопоты по билетам, переезду, перелету позади, что он в самолете и следующая посадка уже его, ему надо будет только успеть на поезд, успеть к восьми вечера, когда поезд уходит на Уфалей, надо успеть, это последний поезд. Но теперь-то он уже в самолете, в Свердловск прилетаем где-то в четырнадцать, теперь он успеет обязательно, даже если и случится какая задержка.

Самолет летел высоко, внизу сплошное море облаков, Георгий задремал. Еще бы, со вчерашнего дня, с вечера, как выехал из Балаганаха, еще не разу не сомкнул глаз. Да еще эта болтанка по зимнику – свежему, не наезженному, как следует не расчищенному, не дорога, а сплошные ямы, так, бульдозером разгребли замерзшую целину, вот они с Буслаевым и пробивались на «газончике», чуть ли не первыми. Напрыгались, натряслись, еле к утру успели. Взлетели на «АН-ушке» сразу же, как только заснеженная машина вырулила к самолету. В Бодайбо – там никаких проблем, Георгия ждали, выписали билет и почти сразу на посадку. Так же и в Иркутске. Здесь представительство «Лензолото», своя товарная база. Свои люди. И вот он уже в воздухе, летит и следующая посадка в Свердловске. Георгий успокоился и уснул.

Его разбудил сосед. «Проснись, прилетели». По проходу бегала бортпроводник.

– Прошу пристегнуть ремни. Идем на посадку. Садимся в Новосибирске. Свердловск не принимает!

«Господи, этого еще не хватало!»

Аэропорт в Новосибирске переполнен. Не то, что сесть, стать как следует негде. Георгий к «справке», к администратору, объясняет свою ситуацию, показывает телеграмму, билет, удостоверение. Все это смотрится бегло, никак не смотрится – «обратитесь к дежурному диспетчеру». У диспетчера толкотня, толпа чего-то узнающего, чего-то требующего народа. Наконец растолкался, протиснулся к узенькому окошку.

– Я лечу на похороны. Мне обязательно улететь надо.

– У вас же всё есть, билет есть, посадочный есть, ждите, объявят посадку, полетите.

– Но здесь сидят пять свердловских рейсов, улетать будут первыми те, что до нас прилетели. А я там, в Свердловске, не попадаю на поезд. Нельзя ли с первым объявленным рейсом улететь.

– У меня ничего нет, это же не наши, это же иркутские рейсы. Мы по ним не работаем. Они же у нас случайно. Я бы и хотела, но никак не могу вам помочь.

– Что же делать? – А сзади уже толкают, кричат, возмущаются.

– Вот что, я дам вам пропуск к самолету. Вы проходите через служебный выход. Прямо к самолету. А там уж как повезет. Если места у них будут, посадят. Я девочкам скажу.

– Ну, спасибо вам, не знаю, как и отблагодарить.

– Торопитесь, вам сейчас не до благодарностей. Там в Свердловске «окно» намечается, один-два рейса улетят. Так что, поспешите.

Господи, неужели это наш диспетчер, от них, этих диспетчеров, Георгий за все свои многочисленные полеты и доброго слова никогда не слышал. Когда билеты выпрашивал.

«Есть все же отзывчивые люди! Верно говорят – в беде и недруг помощник. Спасибо тебе добрая женщина!»

А по трансляции уже объявляют о посадке на самолет до Свердловска. Но рейс, нет, не тот, конечно, не его рейс, не Георгия. Их тут пять рейсов свердловских скопилось, со вчерашней ночи еще.

Георгий быстро прошел на полосу, к самолету. Автобус с пассажирами только подрулил. Георгий «засветился» у провожающего диспетчера.

– Да, да я знаю. Не уходите никуда, закончим посадку, если хоть одно место будет, я вас посажу.

«Не уходите... Куда бы я ушел?»

Ту-104. Чуть больше сотни пассажиров, посадка проходит довольно быстро, а может, это Георгию так кажется, он уже сам мысленно в самолете, сам весь уже в этой посадке.

«Подождите, я сейчас проверю, пересчитаю, что-то не похоже, что есть свободные, побудьте у трапа».

«Да, конечно нет, конечно, не будет, первый после задержки рейс, да тут «блатников» десяток набилось!» Трап пустой. Никого. Дежурные внутри, в салоне, разбираются там, считают.

«Нет! Ждать нельзя ...»

Георгий много раз летал на этих «тушках». Он знал, сразу, как входишь в самолет, прямо с трапа, там раздевалка. Верхней одежды. Пальто там разные, плащи, куртки. Георгий быстро прошел по трапу, нырнул в раздевалку, зарылся в дальние шубы. Услышал шаги, разговор.

– Да нет тут никого! Ушел, наверное. Ну, да и слава богу, мест все равно нет.

– Давай, давай, закрывай, и так сидим уже сколько! Торопись, Надя, двери закрывай давай!

Георгий слышит характерный щелчок закрывающейся двери самолета, шум отъезжающего трапа. «Нет, выходить еще нельзя. Еще выгонят». Он не просто слышит, он чувствует все движения самолета, как часть своего организма, он весь напряжен, насторожен. «Вот, вырливаем на полосу, ага, «тягач» отцепился, так, сейчас «загудим», вот, заревели двигатели, пошел! Разгон, сейчас взлетим, так, добро, взлетели! Нет, надо еще подождать, пусть взлетит, как следует. Пусть заходят люди. Туда-сюда. Кому куда надо. Рано еще выходить. А после – что? не выбросят! Ну, сдадут в милицию. Но это уже в Свердловске! Там долго не продержат. Ну, оштрафуют, может, так что с того? Переживем!»

Самолет гудит ровно, без натуги, прекратилась мелкая дрожь, вибрация стенок. Ага, вот и заходили.

Георгий вышел прямо на стюардессу. В шапке, в меховой куртке, с сумкой через плечо. Она так и остолбенела. Спросила – ни с того, ни с чего – как это вы там разместились? Вдруг вскрикнула – и бегом, через весь самолет – вперед. К кабине. «К командиру побежала» – равнодушно подумал Георгий. Теперь ему было все равно. Он стоял там же, куда и вышел, в узком проходе, у двери. Никто не обращал на него внимания, люди готовились к обеду, выставляли столики, ходили в туалет, читали газеты. Все шло обычно, как в любом полете. И только он один был исключением, инородным телом, человеком «нон-грата». К нему уже спешит командир, сзади, что-то на ходу объясняя, та же стюардесса. Вид командира разгневанный, глаза пышут унижением.

– Что, открыть дверь, выбросить тебя? Сейчас организуем! Георгий протянул ему приготовленные заранее документы – билет, телеграмма, свой паспорт.

– Что ты мне суешь, что ты суешь, на кой мне все это? Ты террорист, бандит, мы тебя сдадим в

органы! Не в милицию, нет, не надейся, в КГБ!

– Но это же будет в Свердловске! Поймите вы меня, я не мог не лететь.

– А мы тут при чем? Нет у нас мест, ты это понять можешь? Нет у нас мест, а стоять в самолете нельзя! Не только не положено – нельзя! Куда мне тебя теперь? Куда?

– Вы успокойтесь. Посмотрите, все же документы. А вот мое удостоверение. Посмотрите, мы ведь тоже КГБ. – Георгий «темнил». Да, когда-то «Главзолото» было в составе КГБ, это было давно. Но кто об этом знает, кто помнит, что это было давно? Потом разберутся, главное сейчас успокоится. Командир забрал все документы и ушел в кабину. Георгий стоял, стюардесса не отходила, караулила его, как бы чего не случилось. Стюардессу вызвал командир, она убежала. Бегом. «И как разбежалась в этом узком салонном проходе? Ага, пошуту еще. Тебе сейчас самое время».

Далеко впереди, в кресле, кто-то сидел в форме Гражданской авиации. Георгий засек его боковым зрением, еще ничего не соображая.

Стюардесса вернулась от командира и подошла именно к этому летчику. Они о чем-то поговорили, летчик оглянулся на Георгия, снова что-то сказал стюардессе, поднялся с кресла и ушел вперед, к кабине. Стюардесса пошла к Георгию. «Неужели решили? Господи...» Георгий все понял.

Его усадили в кресло ушедшего в кабину летчика, стюардесса вернула ему все документы и тут же поставила поднос с обедом, как раз тележка подъехала.

– Да не хочу я, вы что?..

– Есть надо, – строго сказала стюардесса, – когда-то вы еще доберетесь!

И все! Ни обвинений, ни упреков.

– Вам приказано есть, и спать. Успеете еще часа полтора вздремнуть. В Свердловске выйдете вместе с командиром.

В те времена существовало правило – после посадки из самолета первым выходил командир. Проходя мимо Георгия, он бросил коротко:

– За мной!

У самолета стоял дежурный узик. Георгий сел вместе с командиром. Подъехали к зданию аэропорта.

– Выходи, быстро!

– А... а... Как же?..

– Я сказал, быстро. Тебе еще успеть надо. Да добираться сколько! Давай, быстро, выскакивай, не до разборок сейчас. На площади такси, постарайся уехать.

– Спасибо вам. А меня простите. Сами понимаете...

– Все-все, мы поехали! – машина резко сорвалась с места. Уже в такси Георгий начал соображать. Он сказал – на вокзал.

А зачем на вокзал? Поезд его ушел, следующий – завтра вечером, и что, сидеть на вокзале до завтрашнего вечера?

– Слушай, – сказал он таксисту, – давай на Свердловск-Сортировочную!

«Вдруг там товарняк какой пойдет? До Уфалея. Или через Уфалей. Отца там знают – все же председатель у них профсоюза. Может, помогут. Что мне, целый день на вокзале сидеть? Да я же умру от напряжения. Сердце не выдержит!».

На «Сортировке» Георгий сразу прошел к дежурному диспетчеру.

– Что, Александр Петрович? А ты его сын? Тот, что с Севера? А что умер отец, не знаешь еще? Умер, сердечный, нам уже объявили. Сейчас я запрошу по селектору, подожди, – пожилая уже женщина, ночь, как же это она управляется со всеми здесь поездами, паровозами, всем этим тасканием-перетаскиванием вагонов? Женщины пятидесятих-шестидесятых, послевоенные вдовы, когда же преклонимся мы все перед вами в великой благодарности за ваш труд, заботы ваши, за то, что мужиков заменили на целые десятилетия, на целую жизнь!

– Ты не заснул здесь? Иди. Сейчас паровоз подойдет. Садись, поезжай с ним. Он «резервом» идет до Уфалея. Не испачкайся, осторожно там. Машинист все знает. По дороге «зеленый» вам дадим. За час добежите. Крепись, отец-то умер. Наши уже знают. Готовятся к похоронам. Мы с Уфалеем переговорили. Тебя там встретят. Ничего, ничего, держись, не надо плакать. Все там будем. Поезжай давай, вон, паровоз подходит.

– Спасибо вам, – нервы у Георгия, наконец, сдали, он не мог сдержаться, слезы, они сами катились – по щекам, по подбородку – руки у Георгия грязные, он эти слезы и не вытирал.

Как промчались по перегону Свердловск – Уфалей Георгий помнил плохо. Приехали в шесть утра. Ровно сутки прошло с тех пор, как вылетел Георгий из Тайгинска. Ровно сутки добирался он до своего дома на Урале. Обычно, на такой переезд тратится почти неделя. Ах, какие у нас все же люди! Разве смог бы он долететь, доехать без их помощи?

На станции встретила старшая сестра Зоя, еще родственники, с машиной.

– Ты уже знаешь, да? Получил нашу телеграмму? Нет, не первую, а что уже умер?

– Нет, я узнал час назад. В Свердловске.

По похоронам ни Георгию, ни родственникам ничего, практически, организовывать не пришлось. Тратиться тоже – все заботы по похоронам взяла на себя организация, станция Уфалей, где отец работал все последние годы. Георгий с Лёней, мужем сестры, только сходили на кладбище, выбрали место для могилы.

После похорон Георгий пожил с матерью до девяти дней, оставил ей какие-то деньги, договорился с соседями, что присмотрят тут за матерью – с соседями жили давно, все хорошо знали друг-друга – и уехал обратно. На свой Север. Мать оставалась одна, чтобы ехать ей на Север – нечего было и думать. Думать надо было о другом.

Мать надолго оставлять одну нельзя.

15

Не любят северяне ездить зимой на материк. Вечные проблемы с погодой. С летной погодой. На севере в середине зимы лютые морозы, на юге теплее градусов на тридцать-сорок. На стыке этих зон образуются устойчивые, затяжные туманы. Туманы такие, что порой в метре ничего не видно. Взлет еще туда-сюда, огни там сигнальные, небольшой ветерок, на взлет пилоты всегда окно находят. А посадка совершенно невозможна – сверху земли не видно, сплошной туман.

Неделю просидел Георгий в Иркутске, ожидая приема в Бодайбинском аэропорту. В Иркутске скопилось столько северных бортов, что оттуда рады были вытолкнуть в любой открывшийся порт. Вот через неделю их самолет и отправили – вначале в открывшийся Киренск, затем на Маму, и наконец в Бодайбо. Прямого лету от Иркутска около трех часов, а добирались – две недели. Вот они зимние поездки.

Но теперь уже все позади. Георгий сидит в небольшом кабинете Главного инженера, только вчера прилетел в Тайгинск, сутки отсыпался в приисковой гостинице, вот, пришел представиться, рассказать о своих приключениях в дороге, посоветоваться с Зафесовым, как жить дальше. Зафесов ушел к директору, что-то у них там возникло срочное, советуются. Георгий листал журнал «Колыма», обязательный и нужный журнал всем, кто работал на приисках, на золоте. Золотая промышленность в последнее десятилетие перестраивалась, механизировалась, электрифицировалась и автоматизировалась. Уходил в прошлое тяжелый ручной труд. Мощные драги и гидравлические установки вытесняли подземку, глубокую вскрышу выполняли шагающие экскаваторы, внедрялись новые технологии обогащения, улавливания и съемки золота. К середине шестидесятых годов более семидесяти процентов добытого золота в стране получали открытым способом. В научно-исследовательских и проектных институтах разрабатывались новые технологии, новые экономичные схемы отработки золотых месторождений. Планируемые цифры поражали воображение – перед золотой промышленностью поставлена задача в ближайшие десять лет довести добычу золота до четырехсот тонн в год, а это почти третья часть всего добываемого в мире золота. И это реально – по материалам докладов производителей золотарей, что собрались на Всесоюзное совещание в Магадане. Уже сейчас золотодобытчики выдают стране более трехсот тонн! Добавить сто тонн за десять лет – вполне реальная цифра.

Вошел Зафесов.

– Что, читаешь материалы магаданского совещания? Интересный журнал, возьми себе, там почитаете с Литвяковым. У меня еще есть, мы три номера выписываем.

– Так, Марат Ефимович, нам бы один экземпляр ежемесячно, а? Мы бы забирали в общем отделе.

– Никаких проблем. Принято, – и по внутренней связи, – Светонья, отныне один экземпляр «Колымы» оставляйте для Балаганаха. Они сами у тебя забирать будут. Ну, давай, рассказывай. Телеграмму о смерти отца мы тут без тебя получили. Что делать, пережить все это надо. Мы тут с директором выделили тебе помощь, получи сразу здесь, в центральной бухгалтерии. Рассчитываешься с долгами. И дорогу тебе профсоюз решил оплатить, так что, материально немного поправишься, долги хоть отдашь. Ну а что дальше, как мать? Я ведь, признаться, ждал от тебя телеграммы, боялся – не вернешься, останешься с матерью. Думал, засохнут на корню все наши с тобой начинания. Молодец, что вернулся, ты даже не представляешь себе, как я рад, что ты вернулся. Мы вот с директором подумали, может, в управление тебя перевести, в производственный отдел, квартиру дадим, привезешь мать. А?

– Нечего мне пока делать в производственном отделе, на участке еще работы много. А мать не поедет. И здоровья нет, да и куда она от отца. Нет, не поедет. Пока поживет одна, ничего, рядом в Челябинске дочь, родня. Год, Марат Ефимович проработаю, выполню все, что мы с вами задумали, денег подкоплю немного, а потом все же поеду на Урал. Долго одна мать не проживет. Один я у нее не обремененный ничем, ни семьей, ни положением, Казак, легкий на подъем. Поеду в «Уралзолото», там я думаю, работы не меньше. Что-нибудь подыщут для меня.

– Ну, смотри. Делай, как самому лучше. Литвяков послал за тобой машину, так что поезжай, осмотришь там, бригада на полигоне работает строго по твоему графику. Ты знаешь, они ведь, рабочие бригады, наряды за ноябрь закрывать отказались. Георгий, говорят, приедет, у него весь учет, он все нам объемы и закроет. Вот так-то. Бригада в тебя поверила, никого больше признавать не хочет. Ну, давай, раз так решил, поезжай на участок. До нового года не смогу, но сразу после праздников приеду. Посмотреть надо, как там у вас развиваются события.

Георгий из приемной позвонил Литвякову.

– Машина ушла давно. Подъедет к гостинице. Поглядывай, где-то уже на подходе. Дома у тебя все в

порядке, женщины тут поглядывают. Приезжай, ждем. – Литвяков немногословен, видимо кто-то есть у него в кабинете.

Георгий позвонил Наташе, извинился, что не может остаться, надо ехать домой, на участок, работа там ждет.

– А я не жду? Рассказал бы хоть, как съездил, как вообще все.

– Наташа, что рассказывать, не на праздник ездил, в следующий раз, ладно?

Когда подходил к гостинице, машина уже стояла. Буслаев ходил вокруг, что-то обметал, чистил.

– Привет. Отдохнуть хочешь? – обнялись.

– Да нет, поехали. Засветло бы добраться.

– Ну, тогда сейчас, заберу сумку, заедем, пообедаем в столовой и в путь.

Зимник стал похож на настоящую дорогу, расчищен, без ям и ухабов, гладкий зимник, лучше городских «асфальтов», катись да катись. И всего-то езды чуть больше полутора часов. Дорога накатана, значит ходят машины.

– Что, Коля, много машин идет на участок? Что-то дорога уж больно укатана.

– Да. Только что из Бодайбо завезли все дражные черпаки. Полностью. На всю цепь. Главный механик дал команду сменить цепь, новую поставить. Износ, говорит, большой. Вот «Кразы» и накатали дорогу.

– Повезло нам. А с новой цепью правильно решили. Проушины черпаков изношены изрядно. Повезло Пете, легче работать летом будет. А куда завезли, прямо к драге?

– Да, прямо на сборку. Они же обратным рейсом старые черпаки увозили, тоже в Бодайбо, в Центральные мастерские. Подчистились хорошо, с дражной площадки «металлолома» тоже увезли изрядно. И дорога до самой драги – закатись!

За легким разговором доехали быстро, незаметно.

«Вот моя деревня, вот мой дом родной!»

Дома Георгия ждали Петро вместе с Литвяковым. Горячий ужин. Обнялись, поздоровались. На столе бутылка водки.

– Не надо ничего рассказывать. Давайте выпьем, поешь, как следует и отдохни. И завтра отдыхай, Завтра ведь пятница. Выходи уж с понедельника. Наработаемся еще.

– Спасибо, Владимир Захарович, я действительно умотался до предела. Отлежусь за выходные. Спасибо. – Выпили. – А кто это напарил-нажарил, сами вы что ли кашеварили?

– Да есть тут у тебя, оказывается, помощница. – Петя подмигнул Литвякову. – Работница-кудесница, золотые руки.

– Неужели Люся хозяйничала?

– Это тебе виднее.

В сенях громко затопали, в дверь постучали, зашли Людмила, жена Литвякова, Лена и с ними Люся.

– А вот и мы! С приездом, Георгий Александрович. Пришли вам помочь маленько, мужики. Не прогоните?

Когда все собрались уходить, Люся задержалась.

– Идите, девчонки, я тут приберу немного.

– Да, да, прибири, давай, прибири!

«Прибирались» они с Георгием до позднего воскресного вечера. Два дня не выходили из дому, иногда подымались – чаю попить, поесть. Ненадолго. И снова в постель. Георгий наслаждался невинным женским телом, Люся вся светилась от счастья. Целыми днями валялись в постели, в объятиях друг у друга.

Зимой на прииске работа спокойная, как у всех нормальных людей, с двумя выходными днями. Драга стоит, все работают в одну смену, в выходные люди отдыхают, на полигоне остается одна охрана. Только-только ввели сорокачасовую рабочую неделю с двумя выходными днями.

«Жить стало легче, жить стало веселей»!

16

Георгий осматривал полигон со «своей» горки, со своей смотровой площадки. Да, прошло всего немного времени, месяц не был Георгий на полигоне, а как все изменилось, сколько уже сделано!

В границах промышленного контура «вальщики» с бензопилами, строго выдерживая границы по «контур» горного отвода, валят лес. Деревья с характерным шелестящим шумом падают в заданном направлении. Строго по направлению падают. Это ведь тоже искусство – «свалить» дерево в нужном направлении!

«Чокеровщики» ловко обвязывают три-четыре «комля» канатами и шестидесятисильные «трелевочники» натужно тянут лесины к площадке обработки. Туда подведена электролиния. На площадке рабочие по разделке леса, «распиловщики», работают электропилами. С каждой лесины получается не менее двух бревен делового леса, стандартного, по шесть с половиной метра длиной, вершинник идет на дрова. «Деловые» бревна укладываются в «штабель», на лежках, под «штабель» просовывается кусок отработанного дражного каната.

Бульдозер без ножа, это просто трактор, нож снят, он ждет своего часа, ждет земляных работ летом. Трактор подцепляет канат и волоком, по хорошо уже накатанной дороге, тащит «штабель» на погрузочную площадку. Там бревна укладываются в крупные штабеля. Отсюда легко погрузить лес на любую автомашину для вывозки в поселок, на пилораму. «Вершинник» перерабатывается на дрова на месте, на площадке разделки и там же складывается в длинные, параллельные, поленницы. Между поленницами выдерживается строгий интервал, чтобы осенью трелевочный трактор легко мог подойти, загрузится дровами и привезти их к работающей драге, для котла. Никакой на полигоне суеты, спешки, работа идет размеренно. Граница очищенного полигона удаляется вверх по россыпи быстро, за смену лес, по всей ширине полигона, отступает на 20–25 метров.

Вырубка леса – это главная работа на полигоне зимой. Очищена площадь отработки от леса и вся остальная подготовительная работа идет размеренно, по плану, в установленные сроки. Главное – вырубить лес. Это можно сделать только зимой. По сухому. Летом техника занята в основном на земляных работах. Вскрыша – уборка «торфов», пустой породы за борт россыпи, оттайка, строительство плотины для затопления талых песков – все это делает летом землеройная техника.

Люди летом работают на драге, обслуживают механизмы. Драга добывает и перерабатывает «золотые пески», вручную работают только на «сполоске шлюзов», снимают с ковриков золото. На шлюзах работают женщины, им встряхивать коврики сподручней. И на «доводке» – женщины. Именно женщины получают на драге чистое золото.

Золото на северных россыпях крупное, иные «жучки» размером в ноготь большого пальца. В «доводке» порой повернуться некуда, все заставлено медными тазиками с золотым песком. До пяти

килограмм в сутки дает иногда драга на летней промывке! Вот ради такой добычи и живут, и работают люди на Дальнем Севере. Да и на Крайнем Севере тоже. Все там подчинено добыче золота, все работы ради обеспечения бесперебойной работы драги летом, в течение семи месяцев. С апреля по октябрь.

Георгий обошел рабочие места, поздоровался с рабочими, остановился с бригадиром.

– Все рабочие довольны, Георгий Александрович, смотрите, как слаженно работа идет. Расставляем людей строго по графику, стараемся выдерживать очередность операций. Оттого и спокойно все, и работа идет размеренно, на полигоне ни крика, ни шума – каждый работник «знает свой маневр». За два месяца все отработано почти до автоматизма. Уже и по утрам порой не ведем никаких разговоров, не устраиваем «раскамандировок», никаких команд выдавать не надо. Люди знают свои места, свои операции, свою работу. Приехали, переоделись в вагончике и по местам. Знаешь, Георгий, работать стало не только легче, приятней работать стало. Раньше на работу, как на каторгу, а теперь нет, с охотой, с настроением. У тебя-то как, все ли в порядке?

– Да у меня что, по-другому у меня уже не будет.

– Опасались тут наши, вернешься ли.

– Куда я денусь. Да вам я уже не очень и нужен. Смотри, как все ловко получается.

– Не скажи, Георгий, все хорошо, когда налажено. А как разладится, снова хоть с нуля начинай. А разладиться легко. Вот вчера цепи для электропил не привезли, уже простой. Небольшой, каждый в резерве все же имеет что-то, но все же «сбой». Трактор порвал гусеницу, а «башмаков» в резерве не оказалось. Опять сбой. А тут как-то солярка кончилась. С вечера трактористы промолчали, а утром аврал! Два часа потеряно. Каждый свое выполняет. А кому-то ведь уследить и за всем вообще надо. Чтобы таких вот сбоев не было. Оно вроде мелочь, но это только вначале. А как укоренятся сбои эти, все, и график побоку, опять, как ты говоришь, «стой здесь, беги туда» начнется. Ну, а потом, не единым годом живем, наверное. Этот график выполним – дальше тоже полигон готовить надо.

– Этот график выполним – на три года работу драги обеспечим. Там уж не надо будет такие «авралы» устраивать, всех людей на полигон сгонять. Дальше подготовительная бригада и сама справится. Наряды в ноябре почему не закрыли? Без зарплаты живете?

– А кому закрывать было, Георгий? Ты уехал, а кто, кроме тебя, работы знает? Которые сделаны. Ну, замерил нам маркшейдер выполненное, так мы же, в первый то месяц, и «немереного» много сделали. А эти немереные работы только ты и знаешь. Вот и решила бригада – не обеднеем, не с последнего рубля живем, мастер приедет и закроет наряды.

– Ладно. Тогда давай договоримся так. Завтра и послезавтра я в конторе поработаю, закрою вам ноябрь. Ты тут командуй по привычке, если есть что-то срочное, говори. Я с поселка отправлю, что надо.

– Пока ничего не надо. Давай, закрывай нам наряды, надо перед Новым годом деньги хоть получить. К празднику. Добро. Поезжай, обсчитай нашу «зарплату»!

– Хорошо. Только вот что, смотрю, не многовато ли тракторов у тебя? Бульдозера беречь надо, к лету готовить. Ты посчитай тут, с ребятами посоветуйся, после праздников пересматривать будем. Больно уж в развалку трактора у нас работают. Привезет, смотрю, парнишка «штабелек» леса и длинный перекур устраивает. А трактор урчит, жрет «солярку». Пока не буду перестановки делать, но ты посмотри, Васильич, не нравится мне что-то толкотня эта.

– Я так и знал, что ты сразу увидишь. Я говорил начальнику, что – не многовато ли. Он велел без тебя ничего не перестраивать. Добро, Георгий, месяц уж доработаем, что тут осталось, меньше недели осталось, до Нового года, а после праздников и посмотрим, посчитаем все.

– Все давно посчитано! Вся необходимая техника в график заложена. Перестраховываетесь вы, боитесь – вдруг поломка какая, вот и бегают у вас лишние трактора. Хорошо, решили. После праздника, так после праздника. Ладно, работайте, вон машина за лесом идет, я с ней уеду в контору, командуй здесь.

– Счастливо!

Да! Георгию на полигоне скоро делать будет нечего!

17

Что-то случилось с медведями в эту зиму. «Наглеть» они начали еще осенью. Один медведь долго крутился вокруг поселка, мужики сходили в лес, постреляли, попугали, видимо, ушел медведь. Потом появился медведь в районе драги. Видели его неоднократно, ходил вдоль реки, по вырубам, видели его издали и на ягодных полянах. Особого внимания не обращали, ну ходит и ходит! Все в тайге знают, что летом медведь не опасен, на человека не пойдет. Но все же остерегались – поди, узнай, что у него на уме.

А тут еще совсем особый случай – медведь напугал самого начальника участка. Да не одного, а вместе с новым горным мастером. Георгий тогда только начинал работать на полигоне. Лазил по нему, исходил вдоль и поперек, изучал условия, составлял программу подготовки, набирал «исходные» для составления графика. Когда у него набралось достаточно материала, чтобы доложить по-начальству свои соображения, Георгий предложил Литвякову поехать на полигон, чтобы не только рассказать о своих замыслах, но и показать все на месте. Лазили они по полигону часа три-четыре, ушли вверх по речке от драги километра за три, за предполагаемую границу вырубки леса в эту зиму.

– Ну, откровенно говоря, три километра – это ты перегибаешь, Георгий. Это же почти на пять лет работы драги! Ладно, рисуй, на бумаге будет яснее. Потом решим. Ох, а голубики здесь сколько! Заросли. Давай-ка присядем, отдохнем. Замотал ты меня, пусть отдохнут ноги. Да и «подсохнуть» надо немного. Все внутри водой взялось. Снимай сапоги!

Они выбрали хороший сухой бугорок на широкой естественной террасе, с крутым склоном в долину, под крупными кустами голубики, разулись, вытянули ноги. Ягодные ветки прямо над головой, крупная и спелая голубика гроздьями свисает – протяни руку, и бери, сколько горсть примет. Сидят, жуют ягоду, неспешно обсуждают увиденное. Вдруг, как раз между ними, из-за кустов высунулась огромная лохматая морда.

– Ху-ху... Медведь!

Георгий как сидел, так боком и свалился по крутому склону вниз, метров на десять-пятнадцать улетел. Оглянулся, посмотрел вверх, медведь огромными прыжками скачет в гору, улепетывая от неожиданной встречи. А Литвяков как сидел, так и сидит на месте, не трогаясь.

Георгию даже неудобно стало за свой испуг. «Черт возьми, ничего я укатил...» Он поднялся на ноги, с трудом, скользя босыми ногами по траве, взобрался обратно на бугор.

– Извини, – смущенно сказал Литвякову, – перепугал он меня. Такую «морду» увидишь, не то еще может случиться. Что, пойдем, наверное, обратно. – Георгий быстро обулся и обернулся к Литвякову. Тот никак не реагировал.

– Володя, ты что, вставай!

Литвяков не реагировал. Взгляд его был неподвижный, какой-то стеклянный был у него взгляд. Георгий спустился по склону к воде, набрал воды в кепку, снова вскарабкался на вершину террасы, брызнул в лицо Володе водой, тот вздрогнул, повел мутными глазами по сторонам. Очнулся. Осмотрелся вокруг «замутнённым» своим взглядом, закрыл глаза, посидел молча.

– Слушай, Георгий, с ногами что-то неладно, не могу ногами пошевелить.

– Успокойся, Володя! Эта «морда» появилась так неожиданно, хоть у кого «родимчик» вскочит. Сейчас «отпустит», потерпи. Посиди немного. Давай ноги вытянем полностью. Ну-ка, вот так. Правильно. Теперь согни. Ну вот, всё, вроде, в порядке. Давай, подымайся.

Литвяков еле встал на ноги, но удержаться не смог, сел снова.

– Ничего, ничего, давай будем обуваться потихоньку. – Георгий помог с сапогами Литвякову, тот поднялся уже сам, без помощи, но идти ему еще трудно. Георгий поддерживал одну руку, в другую Литвяков взял тут же найденную толстую палку, так, в обнимку, они и пошли в сторону драги, к автомашине. Постепенно Володя разошелся, ноги окрепли, сначала он отпустил руку Георгия, затем отбросил и палку.

– Ты прав, так можно и «концы» отдать. Откуда он, собака, взялся!

– А он, как и мы, голубикой баловался. Но и здоровый же, черт. А как незаметно подкрался!

– Да он нас сам не видел. И испугался не меньше нашего. Давно я в тайге, но такого еще не случилось. Что бы вот так, морда к морде! А он куда подевался?

– Я снизу видел, куда скатился с бугра, «мешком» скатился, вон туда, вниз, по склону! Представляешь? Но я видел, как он тоже шарахнулся от нас. И прыжками, прыжками в гору, где-то у вершины горы исчез.

Еле добрались они тогда до машины.

– Куда? – спросил Буслаев, взглянув на их лица, – похоже, надо в магазин?

– Да, Коля, давай в магазин!

Но это было осенью, тогда медведи еще наедали свой жир, еще не ложились в свои берлоги. А вот в ноябре, Георгия не было в поселке, он ездил на Урал, в ноябре не «залегший» на зиму медведь вышел прямо на поселок. Что его будоражило, никто не понимал, но медведь сидел наверху, на горе, у леса, над поселком и ревел. Пацан, семиклассник, сын местного охотника, из лесхоза, сбегал домой за ружьем, подошел к медведю почти вплотную и выстрелил. Да так, что попал прямо в сердце. Медведь упал замертво, тут подоспели взрослые, проверили осторожно – да, мертвый медведь! Сходили на конный двор, запрягли лошадку в сани, привезли медведя прямо к дому лесника. Лесник потом предлагал шкуру Георгию, да больно шкура оказалась облезлая.

«Прелая» какая-то, с большими проплешинами. И запах от неё! Гнилью пахнет. Георгий отказался.

А в начале марта новое событие – медведь вышел прямо на драгу. Видит людей, много людей работает у драги, он и пошел к ним. Голодный, что ли. Но явно – «шатун». Федя Гарифулин, тракторист, быстро завел трактор и – на медведя. Тот и не уклоняется, «прет» прямо на трактор. Федя подмял было его между гусеницами, но трактор заглох. Надо отдать должное мужеству Гарифулина – он вылез из кабины, прошел по гусенице к двигателю, спокойно дернул раза два за шнур «пускателя», двигатель завелся. Медведь уже почти вылез из-под трактора. Гарифулин резко рванулся трактором и добавил медведя. Остановился, боится съезжать с него. Сбежались люди, прибежал охранник с револьвером, «шарахнул» прямо медведю в лоб. Тот затих. Федя съехал с него трактором – медведь был мертв.

Но, главное, и этот медведь был тоже каким-то обшарпанным, облезлым. И пахло от него тоже гнилью какой-то.

В марте пришло предупреждение из района – берегитесь медведей, по каким-то причинам в лесу этой зимой много «шатун»». Всем поселковым Советам, руководителям предприятий предписывалось

принять меры предосторожности, не допустить несчастных случаев на лесозаготовках, на охоте, вообще – в лесу, в лесных поселках.

Раз уж предупреждение, значит, где-то, что-то произошло. Серьезное что-то, раз в районе всполошились. Произошло, действительно нечто необычное. И страшное.

На севере района, где-то на берегу Большого Патомы, стояла усадьба лесника. Старый лесник жил в доме один, была у него рация, по которой раз в неделю он докладывал «лесному начальству» о своем житье-бытье, раз в месяц он на своей лошадке приезжал в магазин ближайшего приискового поселка, набирал продуктов, снова уезжал надолго. Никто о нем и не вспоминал – ну живет лесник на своем лесном участке, следит за порядком во вверенном лесном «королевстве», да и нездоровье, пусть себе живет.

Но – прекратились что-то его сеансы связи. Никто еще не взволновался – мало ли что может случиться с рацией, вот приедет за продуктами, все и расскажет. Но лесник не приехал и за продуктами. Посудачило начальство, да и тут еще не забеспокоилось – лесник в тайге без еды не останется! А вот когда лошадка лесника прибежала с оборванной уздечкой, в мыле вся – вот тут уж все спохватились. Не случилось ли беды с лесником? Снарядили комиссию – старший лесничий, рабочий и милиционер. Вооружились. У лесничего карабин, рабочий с ружьем, а у милиционера и вовсе – автомат «Калашникова»! Если, не приведи господи, встретится медведь, или же наведается на усадьбу, защититься комиссии будет чем.

Верхом, по бездорожью, ехать почти тридцать километров. Выехали рано утром, но на усадьбу прибыли уже в темноте, поздно вечером.

Дверь в дом открыта настежь, в доме все перевернуто, посреди большой комнаты «навалена» характерная медвежья «куча»

– его обязательная отметка при посещении любого, хоть жилого, хоть не жилого, помещения.

Покричали, посвистели, постреляли из ружья, чтобы погромче – лесника нигде нет. И не слышно, и не видно. Решили поиски отложить на утро, когда рассветает. Растопили печку, убрали «медвежью кучу», прибрались в доме, спать решили по очереди. Люди опытные, таежники, знали, если попробовал медведь «человечину», а они естественно подозревали, что на лесника медведь напал, он человека уже не боится. Сам нападает на человека. «Шатун» тем более.

И что ведь вытворяет, хитрющая зверина! «Шатун» этот. Если догонит незадачливого охотника, он хватает лапами ружье и прежде всего разбивает ружье это обо что-то – о дерево, о пень, или просто по мерзлой земле бьет всей своей немереной силой! Потом снова догоняет испуганного человека, сдирает с него «скальп» и только после всего этого добывает несчастного, отрывая ему голову. Добычу на месте не «сжирает» – разрывает одежду, «раздевает», как говорят охотники, если не удастся разорвать, снять обувь, валенки или сапоги, отгрызает ноги по голенищам «обуток» и утаскивает добычу в лес. Сразу всё не съедает – зарывает остатки в лесу, «про запас».

Вот такие «огрызки» в валенках и нашли члены прибывшей комиссии в снегу, утром, во дворе усадьбы. Посовещались охотники – надо искать. Здесь медведь где-то. Вон, вокруг дома, везде его следы, все вокруг дома истоптано. Нельзя оставлять такого зверя живым, много беды может он еще наделать.

Привязали покрепче во дворе лошадей, плотно закрыли и подперли ворота, пошли гуськом по звериной тропе. Первым идет рабочий, с ружьем, за ним милиция с автоматом, замыкает отряд лесничий. Правильно идут, хорошо распределились – автомат посередине, мало ли что с ружьем или с карабином, осечка ли, промахнется ли кто – автоматом хоть вперед, хоть назад можно будет «подстраховаться».

Только прошли забор усадьбы, чуть углубились в лес – сзади послышался «храп». Лесничий первым услышал, оглянулся – на него прыжками не бежит, скачет медведь. Господи, огромный-то какой! Лесничий

вскинул карабин и уже почти в упор – нажимает курок, а выстрела нет! Раздумывать некогда, зверь вот он, рядом, лесничий крикнул и прыгает в сторону, чтобы не мешать автоматной очереди. Но сзади нет выстрела, нет очереди! Лесничий успел еще увидеть лежащий в каких-то двух-трех от него метрах брошенный автомат, убегающего по звериной тропе милиционера и бегущего к нему, к лесничему, к медведю, с ружьем наперевес рабочего. В его сознании еще обозначились резкая боль на голове, тяжесть медвежьей туши и двойной ружейный выстрел. Медведь рухнул. Рабочий схватил автомат и полоснул по зверю очередь, чтобы добить, чтобы наверняка!

С трудом вытащил лесничего из-под мертвой туши, у лесничего голый череп, кожа с волосами болтается у затылка. Как смог, рабочий вернул «лохмотья» на место, туго перевязал голову своим шарфом, взвалил бездыханное тело себе на плечи, понес в дом. Там, в тепле, обработал йодом, перевязал туго найденными в аптечке бинтами, обмотал теплым полотенцем, нашел спальный мешок лесника, упаковал в него лесничего, вынес к лошадям, перекинул через седло, собрал оружие, привязал третью лошадь поводком уздечки к своему седлу, выехал за ворота.

Километра через два догнал милиционера. Скинул автомат с шеи, взвел затвор. Тот упал на колени.

– Не убивай! Прости, только не убивай. Прости. Довези до поселка, пусть люди судят. Не убивай. – Слезы, сопли, руки трясутся. – Испугался я. Прости.

– Ты, сволочь, человека убил. Что его детям скажешь?

– Работать буду. Всё им отдавать буду. Только не убивай.

– Давай сюда руки, – он крепко связал милиционеру руки, помог взобраться на коня и, не отвязывая уздечку от своего седла, погнал лошадей дальше.

В поселке – сразу к больнице. Врачи распаковали лесничего – поздно. Живым не довели. Вызвали милицию. Те увидели «своего» со связанными руками, всполошились.

– Ты что, гад... – на рабочего.

– Пусть сам все расскажет.

Связанный было оживился, глаза его загорелись – а что, свидетелей-то нет! Кто как первым расскажет, так и события восприняты будут! Но... посмотрел на своих товарищей – да, те уже все поняли, посмотрел на врачей, на людей, сбежавшихся на событие, и заплакал.

Следствие длилось не долго. Опытные следователи выехали на место, все осмотрели, все просчитали, все промеряли – рассказ рабочего полностью подтвердился. Суд был открытым, показательным, виновный понес наказание.

На прииска, в лесные поселки, на лесные участки полетели телеграммы районного начальства – всем, всем, всем, будьте бдительны, в лесу шатаются медведи!

На людей нападают!

18

Только расположились Георгий с Петром с кружками пива за буфетным столиком в бане, в буфет «заваливается» Литвяков. В середине апреля еще холодно, Литвяков в шубе – и в баню.

– Володя! Что ты так «налегке»? Одежда бы потеплее, а то ведь замерзнешь! Это же баня!

– Ты сейчас пошутить, посмеешься. Одевайся быстро. За тобой вертолет прилетел. Тебя искали по телефону, да не нашли. В баню вы же обычно вечером ходите! Что это пораньше выбрались?

– А что нам, суббота, выходной, решили пораньше «погреться», да пивком побаловаться. Петя завтра на драгу собирается, только запустились, посмотреть хочет, что и как, вот мы и пораньше. А что случилось?

– Давай, Георгий, одевайся быстро, приходи в контору. За тобой сам заместитель по Безопасности прилетел, забрать тебя хочет. Пошел я, жарко у вас, давай, не затягивай, мы ждем, в конторе.

Данилевский. Михаил Сергеевич. Заместитель Главного инженера по технике безопасности. Он так и не раздевался, ожидая Георгия, так и сидел в «конторе» в белом полушубке, в лохматой, волчьей шапке. «Цедил» что-то сквозь зубы, высокомерно, своему собеседнику, молодому парню, который Данилевского слушал с большим почтением. Собеседника этого Георгий не знал. А Данилевского он невзлюбил с первой встречи. Тот что-то начал им, только прибывшим на прииск молодым специалистам, наставительно, лекторским голосом, объяснять. Что-то внушительное. Георгий и не запомнил, что именно.

– А ты кто такой, – спросил он тогда резко.

– Я заместитель Главного инженера!

– Ну и замещай себе на здоровье. Не надо нам лекций. Мы от них в институте устали.

– Да ты как со мной...

– Да никак я с тобой. – Георгий развернулся и ушел.

А когда Данилевский приехал на участок и хотел что-то Георгию высказать, какие-то замечания, тот, глядя ему прямо в глаза, сказал строго:

– Товарищ Данилевский! Я подчиняюсь только начальнику участка. Пожалуйста, к нему. Со всеми вашими соображениями. А мне, извините, работать надо.

И сейчас Георгий, войдя в кабинет, обратился к Литвякову.

– Слушаю вас, Владимир Захарович.

– Да вот, Михаил Сергеевич, он по твою душу. Что-то там, на прииске, без тебя никак не получается. – Литвяков тоже недолюбливал «безопасника».

– Я за вами, Георгий Александрович, по поручению Главного. Приближается паводок, а оказалось, что на прииске только вы имеете «Право ведения взрывных работ». Горный инженер с «Единой книжкой взрывника». Мы, конечно, разберемся после паводка, с нашими кадрами, но сейчас надо провести взрывание льда на Жуге, обезопасить 69-ю драгу, вот я и прилетел за вами. Вертолет здесь, на площадке за поселком. Вам надо взять все документы, подтверждающие право работы со взрывчаткой, на прииске мы вам выпишем накладные, доверенность, и вы полетите на Артем за взрывчаткой. И за «взрывником».

– Ничего себе подарок! Да я лед-то и не рвал никогда. Нашли специалиста. Я и «Книжку взрывника» не найду сроду. Вы ведь тоже горный инженер, вот и организуйте свои взрывные работы. Для ведения взрывных работ «Единая книжка» не нужна.

– Ну, Красноперов, это не разговор. – Данилевский снял трубку телефона. – Пожалуйста, девочки, Зафесова, – сказал он на коммутатор.

– Марат Ефимович, это Данилевский. Не хочет Красноперов ехать на прииск. Да, сейчас, передаю. Вас, Красноперов.

– Слушаю, Марат Ефимович.

– Что случилось? «Бунт на корабле»?

– Марат Ефимович, мне же надо готовить проход драги через плотину. Тоже, кстати, взрывать надо будет, наверное. Хотел с вами посоветоваться. А Жугу взрывать, так Данилевский же горный инженер.

Зачем я ему?

– Вот что, Красноперов. Прекратите болтовню, немедленно вылетайте сюда, на прииск. И сразу ко мне. Я вам все разьясню по-русски. А если очень напросишься, то и по-осетински кое-что добавлю.

– Слушаюсь, Марат Ефимович! Через десять минут вылетаю. Соберусь только.

Зафесов отключился. Георгий заскочил домой, быстро собрался и – бегом к вертолету. Вся группа вылетела в Тайгинск.

– Никогда не был на Артеме? – Зафесов заговорил с Георгием так, как будто никакого телефонного разговора и не было.

– Нет, никогда.

– Ну вот, а еще горняк. Это ж знаменитое место! «Ленский расстрел» помнишь?

– Знаю, конечно, читал.

– Так это же на Артеме все и случилось. Постарайся выкроить часик-другой, у памятника шахтерам побывай обязательно. Ну, ладно. Давай о деле. Я там с «Артемом» обо всем договорился. Как прилетишь, сразу к начальнику участка взрывных работ, есть там такой Ефименко, Николай, вот, напрямик к нему. Он все знает. Тебя там будет ждать взрывник, Михаил, когда-то у меня в шахте работал. Опытный взрывник, сейчас на аварийных работах, тоже взрывником. Получите с ним взрывчатку, привезете сюда, разгрузите на «расходном складе». Изучи там все, по складам ВВ. Не все же время с Михаилом ездить туда. А ездить придется. Дальше. Производственники составляют тебе карту взрывных работ. Сегодня будет готова. Забери у них, в Производственном. Взорвете с Михаилом лед на Жуге, всего и работы. Вопросы есть?

– Марат Ефимович, так ведь...

– Прекрати, Георгий, не серьезно это. Что, не сошлись с Данилевским?

– Да что мне, сходиться – не сходиться. Я его знать не знаю.

– А вот это напрасно. Работать надо вместе. Он немного «зануда», что есть, то есть. Но в работе молодец. Ты его еще просто не знаешь. Он там приготовил тебе помощника, возьми его с собой – то погрузка, то охрана, присмотреть там, помочь в чем-то. Лишним не будет. Получишь взрывчатку, от нее же не отлучиться. Вертолет в твоём распоряжении. Ну и номер в нашей гостинице тоже за тобой закреплен. Дело не быстрое, в неделю еще и управитесь ли. Придётся здесь, в нашем городе, тебе пожить немного. Давай, Георгий, не теряй время, сегодня оформи все документы, а завтра с утра и вылетай. На Артем. Будешь у главного инженера – привет от меня передавай.

На Артем прилетели часов в десять. Утром. На вертолетной площадке их ждали. Грузовая автомашина и взрывник. Михаил. Здоровый детина. Легкая меховая куртка, на голове шлем-шапка, времен первых пятилеток.

– Долго что-то вы в своей «Тайге» спите. Поехали прямо на склад, все документы я уже подготовил и у кого надо – подписал. Только твоей подписи не хватает. Подпиши здесь, а то на складе еще придерутся – почему исполнитель подписывает после начальства? Есть там у нас одна баба, все ей не так, да не этак. Впрочем, со взрывчаткой работает, там строгость нужна. Со своими еще ладно, а вот как начнет отпускать на сторону, к запятым придирается! Строгая баба. Тебя как, Георгием, говорят, зовут?

– Георгий.

– А это кто с тобой? Помощник, что ли?

– Помощник, Павел.

– Взрывник?

– Я еще не взрывник, я еще только учусь.

– Ну, ясно. Только запомни, из взрывников плохие «ангелы». А уж «волшебники» совсем никудышные. Взорвать «забой», это тебе не на бал собратиться. «Золушка» ты наша. Ладно, Павел, ты нас будешь ждать в проходной. С охраной я договорюсь, посидеть пустят. На склад тебе не пройти, нет тебя в моем списке.

Подъехали к складам. Огромная территория. Ограждение – ряды колючей проволоки, за ними – сплошной деревянный забор, а за этим забором – снова колючая проволока. Вооруженная охрана. Строго следят за взрывчаткой! Георгий впервые на таком складе. Ему все интересно. Проходная и тут же контора склада. Небольшая комната, где все вместе и заведующий, и кладовщики.

«Строгая баба» чуть не обнялась с Михаилом.

– Куда это ты запропастился?

– Да вот, езжу по приискам, паводок «провожаю». Знаешь ведь, сейчас самый сезон. Маша, у нас тут помощник, я его не вписал. Ты уж пропусти, надо же загрузить взрывчатку. Все же больше тонны, пока мы управимся. Втроем-то повеселее будет. А? Пропустишь?

– Да пусть едет. Куда от вас денешься.

Сами склады – длинные, метров по сорок в длину и десять-двенадцать в ширину здания, из бруса рубленные, полууглубленные в землю. Внешне похожи на старые бараки. Внутри разделены на две половины, по середине широкий проход-проезд, вдоль стен – стеллажи. На стеллажах – взрывчатка.

– Вот эти ящики для вас приготовлены. Забирайте быстро, грузите в свою машину. – «строгая баба», она же Маша, что-то отметила в своем журнале. Дала расписаться Георгию.

– А тебе – обратилась она к Михаилу – вон та сумка, получи «средства взрывания». И распишись вот здесь.

К вертолету подъехали уже после обеда. Перетаскали в вертолет ящики.

– Ты, Паша, посиди в вертолете, посиди со взрывчаткой, а мы ходим пообедаем. Тебе принесем тоже, пожевать чего. – Миша такой весь «деловой», всем здесь распоряжается. Георгий подумал даже, что и на вертолетной площадке он тоже «командир».

Но пилоты возмутились.

– Михаил, нам не положено. Здесь ведь не мы одни, вертолетная площадка. Здесь нельзя со взрывчаткой.

– Да вы тоже пообедайте, ничего, время пока есть, ходите. В Тайгинске заночевать придется. Не успеете сегодня вернуться.

Ничего, Паша посмотрит. Первый раз что ли? Оставь помощника, если боишься чего.

– Нет, Миша, полетели. Обед – в Тайге.

– Да мне хоть сумку с вещами взять надо? Не на один же день еду!

– Не хитри, Миша. Сумка давно в машине. Миша, ты прав, не впервой все это, мы тебя давно знаем. Давай, на посадку, мы запускаемся. Лету – больше часа. Прилететь надо засветло. И разгрузится засветло. Не хочешь, как хочешь. Улетим без тебя.

Миша с ворчанием полез в вертолет. Его большая, спортивного типа, сумка, лежала на ящиках со

взрывчаткой. В вертолете.

– Ну, что, Георгий, лететь больше часа, замерзнем мы здесь, в этой продувной «бабочке», давай-ка «по-маленькой». – Миша достал из сумки бутылку водки, стаканы, хлеб, колбасу. Разложил все на подставленный ящик.

– Не бойся, здесь не взрывчатка, здесь «детонаторы».

– Миша, я не буду. Взрывчатку надо разгрузить. А это – Георгий показал на бутылку – это лучше в гостинице. Когда освободимся, ящики сдадим под охрану, вот тогда можно, с полным нашим удовольствием. А детонаторы, это ведь, Миша, хуже взрывчатки. Взрывчатка – то не взрывается! Без детонатора. А если с детонатором не осторожничать, все ящики ведь взорвутся. Что тогда будет с вертолетом? А с нами?

– Ладно, ладно, успокойся. Беда с вами. С молодыми. Тогда пожует. Да и чай у меня есть. Крепкий чай, жена готовила, она уж знает, что нам на морозе надо. Молодец, испытал я тебя. С водкой. Ничего, нормально – сработаемся!

– А вот этого больше не надо. Испытывать, говорю, не надо больше. И с водкой тоже. А то – «не сработаемся».

– Принято, Георгий!

На Жую вышли только утром. На второй день. Данилевский действительно оказался молодцом, время зря не терял, сделал всё основательно, надежно и для работы удобно. На берегу стояла палатка, куда перевезли взрывчатку. Палатку оформили как «передвижной расходный склад». Установили круглосуточную охрану. Да, очень для работы удобно, взрывчатка всегда будет под рукой. С этим паводком не всегда ведь все предусмотреть.

На положенном расстоянии установили вторую палатку. Утепленную. Там стол, стулья, печка железная, с выведенной наверх, через специальный металлический вырез, трубой. Чай, кое-какая еда. Для обслуживания приставлен рабочий – печку топить, чай согреть. На всякий случай, вдоль стены, две раскладушки – если понадобится, можно и отдохнуть. Как в воду глядел Данилевский – Георгий с Михаилом так больше в гостинице и не появились, работы оказалось столько, что не до отдыха. Так и дремали по очереди прямо в палатке.

Георгий с Михаилом осмотрели драгу. Ее начальник осенью, при доработке сезона, хотел спрятаться от паводка за свои же отвалы. В прошлом году это получилось. Валера Авлов, молодой начальник драги, разработал специальную схему и осенью ловко завел драгу за собственные отвалы, отвалом же отгородился и от основного русла, так что драге никакой паводок был не страшен, лед на поднявшейся весной речной стремнине пронесся мимо драги. Но весной, уже после паводка, Валеру забрали в армию. Молодой инженер, не отслужил в свое время, а военные кафедры тогда в институтах отменили, вот и забрал военкомат молодого специалиста отслужить положенный выпускнику год.

Новый начальник хотел повторить тот же маневр, да что-то не досчитал, замерзла драга осенью, не дойдя до отведенного места, да так неудобно, что корма могла принять на себя весь речной «ледоход». А канаты могут ведь и не выдержать весеннего водяного напора, драгу может сорвать, тогда беда, забросит драгу поднявшаяся вода или на отвал, или, что еще опаснее, на берег. Ковыряйся потом. Вот и вызвал Главный взрывников. Спасать надо драгу, не допустить аварию.

Опасность паводка заключалась в том, что Жую брала свое начало на юге, текла на север и впадала в Чару далеко на севере. На юге уже тепло, а на севере еще хоть и не лютые, но еще морозы. На юге ледоход начался, а на севере лед еще стоит прочно. Отсюда – нагромождение ледяных полей друг на друга,

километровые заторы, вода поднимается стремительно, в считанные часы.

На глазах у Георгия Жуя в течение часа поднималась несколько раз – сразу, почти мгновенно, на семь метров! Вот и повоюй с такой водой, с такой ледяной массой!

Драга стояла на правом, по течению, борту. Водяной проход нужно было прорубать у противоположного берега. Вдоль драги и дальше, вдоль отвала, нужно было изловчиться оставить широкий ледяной «припой», чтобы именно он «отбил» ледоход от драги. Ведь, что такое ледоход по сути своей? Это освобождение реки от «надоевшего» ей за длинную зиму ледяного панциря. Освобождение собственными силами. Конечно, если река течет на юг, все образуется само собой, тихо, спокойно. Внизу лед тает, спокойно ломается течением и растаскивается по реке. А если река напирает с юга на север? Реке надо набрать силу, мощь, достаточные собственные накопления воды, чтобы ударить по нижнему ледяному панцирю, еще крепко спаянному стоящими морозами. Вот и надо помочь немного реке. В нужном месте. Раздробить лед, ослабить его, река в этом подготовленном участке получит дополнительный разгон и ударит по держащемуся льду ниже подготовленного участка с двойной, тройной силой – тогда река и ломает все на своем пути. Заторы всё равно случаются – на перемерзших перекатах, в сужениях речной поверхности между берегами, но эти заторы ниже опасного места, там подъем воды ничем производству, людям не мешает.

– Миша, времени у нас нет, по сведениям, вверху уже началась подвижка льда. Забуриваем широкой полосой, метров в двадцать-двадцать пять, лед. Под лед, не в глубину – прямо под лед! – взрывчатку, и «палим». Взрыв – одновременно, по всем скважинам. Тогда, может, что-то и получится.

– Черт возьми! А если лед «пойдет»? Мы что, на том берегу останемся?

– Не трусь, Миша, пробьемся! У нас же с тобой вертолет! Бурить надо было быстро. Запросили бригаду рабочих. Отказа им не было ни в чем. Рабочие прибыли, работа закипела.

Командовал подготовкой лунок, прорубей Паша. Деловой оказался малый. Решил «выучиться» на взрывника и где только возникала возможность «попрактиковаться», сам напрашивался – возьмите меня, я хочу научиться!

Ну, лунки пробурить просто. А вот выдолбить небольшого сечения прорубь – это «искусство». Надо убирать лед неглубокими слоями, не приведи господи пробьешь ледяную «крышку», вода затопит незаконченную прорубь, и все, продолжать работу нельзя, в воде не наработаешься. Тонкими слоями постепенно убирается лед, и когда остается два-три сантиметра, вот тогда с четырех сторон, одновременно ударяют по тонкой прослойке льда широкими «пешнями» и все, ледяная «крышка» всплыла, ее убирают лопаткой, прорубь готова и чиста. Паша за время работы на Жуге хорошо освоил эту «науку». А впоследствии стал классным взрывником.

– Георгий, нам ведь и рано нельзя рвануть. Надо рассчитать так, чтобы рвануть не раньше, как за день до начала ледохода! Сегодня рвем, а завтра чтобы ледоход!

– Да, Миша, ты прав. Иначе вся работа псу под хвост! Данилевский побывал на метеостанции, договорился с ними о взаимодействии. Сам слетал в верховья Жуи. Облетел и осмотрел речку досконально. Ждал ледоход сверху, высматривал его с вертолета.

И получилось! Данилевский вовремя заметил ледоход. Срочно передал по радио координаты и скорость подвижки льда. К тому времени у Миши уже была сплетена зарядная цепь, взрывчатка разложена у пробитых прорубей и лунок, вся цепь для надежности обвязана крепкой веревкой. Как только получили РД Данилевского, рабочие вышли на лед, спустили взрывчатку в воду, веревки привязали за вбитые рядом с прорубями деревянные кольца.

– Всем покинуть лед! Всем покинуть лед! Приехал Зафесов.

– Успеем?

– Мы, Марат Ефимович, боимся «выстрелить» раньше!

– По прогнозу метеостанции лед сюда, к нам, придет сегодня ночью.

– Вот мы и хотим взорвать к вечеру.

– Взрывчатки хватит?– Да навезли, слава богу. Зарядили, вроде хватило, и на «аварийку» себе оставили. Гладко всё не пройдет, заторы всё равно – возникнут!

– И что тогда?

– Вон, видите шесты длинные. А на их конце – двойные патроны. Крепко привязаны. Шнур с детонатором тоже приготовлен. Будем подползать к заторам с этими шестами и рвать.

– Опасно!

– А что делать! Опасно. К щелям в «заторах» опасно подползать. Ну да, куда деваться! Оно ведь, и весь паводок, тоже сплошная опасность.

К вечеру стало слышно, как стрелять, потрескивать стал лед на реке.

– Пора, Миша.

– Да, пора.

Снова проверили, не остался ли кто на льду. Широкая полоса подготовленного взрыва далеко уходила за драгу.

– Давай, Миша.

– Ну, с Богом!

Мощный взрыв потряс воздух. Далеко разнеслось эхо. Из поселка бежали люди. А к утру – берег людьми усеян. Всем интересно посмотреть на «ледоход». Льдины важно проплывали вдоль левого берега, уходили за драгу, кружились, вращались, но безобидно, безопасно, плавно уходили вниз по реке, по подготовленному руслу.

Ночью случились заторы. Но их тут же ликвидировали. Георгий никому не доверял опасную работу. Привязывался веревкой сам, конец ее привязывали к дереву на берегу, а слабинку держали люди. Георгий полз по спрессованному ледяному нагромождению, просовывал взрывчатку в какую-нибудь, заранее намеченную щель, быстро вставал и убегал к берегу. Миша взрывал и лед расплзался. В заторах важно найти точку наибольшего напряжения, пошевелить лед именно в этом месте. Пошевелил – и всё мгновенно расплзается. И снова плывут, покачиваясь льдины, река благодарно помахивает качающимися ледяными глыбами людям.«Спасибо, и вам хорошо, и мне полегче!» Паводок пропустили успешно.

19

Георгий стоял на выносном мостике драгерки, рассматривал полигон с двадцатиметровой высоты. Хорошо, далеко видно. Они сделали за зиму практически все, что наметили. Лес отступил вверх по долине более чем на три километра. На высоком борту, вне работы дражных канатов, ровно стояли длинные поленицы дров. По подсчету – хватит более чем на три дражных отопительных сезона. Можно работать без авралов, можно постоянно поддерживать хорошее давление в котле. А это ох как важно при «отпарках» – очистке драги при низких температурах, когда обмерзают все механизмы, особенно черпаковая рама. Можно расходовать пар не оглядываясь на запасы дров. А их всегда, во все времена, дражникам не

хватает. Прожорлив дражный котел!

На расчищенной от леса долине можно спокойно планировать работу бульдозеров – как на вскрыше «торфов», так и на строительстве плотин. Планировать по всем трем циклам подготовки полигона – участок текущей работы драги, полигон в оттайке и подготовительный участок, участок третьего года работы. С мостика хорошо смотрится слаженная работа бульдозеров. Да, хорошо все смотрится, когда слаженно. А сколько пришлось повозиться с этими бульдозерами. Вернее – с бульдозеристами.

Прежде всего, надо было навести порядок с ремонтными работами. Дело в том, что раз в месяц, при выработке определенного количества часов, машине полагался плановый ремонт. С выездом в мехмастерские. В поселок. Бульдозер увозили трейлером, в мастерских он простаивал на ремонте два-три дня. И снова на полигон. Ремонтные работы оплачивались бульдозеристу как слесарю 5-го, высшего для слесаря, разряда. Но это ниже, чем разряд бульдозериста. К тому же за ремонтные дни не выплачивалась премия. Потеря в зарплате получалась значительная. Бульдозеристы возмущались. Вот нормировщики и додумались – платить не ремонте «сдельно». Садится механик писать наряд, и что только не выдумывает, перебирает за эти три дня бульдозер не по одному разу, чтобы натянуть зарплату достойную, чтобы бульдозеристы не срывали график ремонта. И получалось, что эта «дугая» зарплата на ремонте сравнялась с зарплатой на земляных работах, на полигоне. Работа в тепле, в поселке живет человек, отдыхает, обедает машинист дома, куда ему торопиться? И стоят на ремонте неделями. И не по графику, а как заблагорассудится. Сломался и все! Нужен ремонт! Вызывай, мастер, тягач с трейлером.

Георгий изучил обстановку, побывал в мастерских, поучаствовал в ремонте, посоветовался с механиком.

– Послушай, Георгий, я ведь с этими приписками и под суд могу угодить. На кой мне это? Надо что-то думать. Платить разряд? Да это же три рубля в смену. Кто же пойдет на этот ремонт? Может, их, трактористов, «пилотами» сделать – сломался бульдозер, его в мастерскую, тут есть бригада слесарей, у них другая система оплаты, а машинисту другую, готовую машину, а?

– Нет, тогда начнется сплошной ремонт, машин не хватит. Кто же будет беречь чужую машину? Бульдозерист должен за свою машину отвечать, сам должен принимать участие в ремонте. Это и качество, и ответственность. И ему спокойнее, надежнее работать – знает, что ломалось, как сделали. Что-то другое придумать надо. Пошли к Литвякову.

– Ну, все вы мне рассказали, а что хотите услышать? Что вы, специалисты, предлагаете? – начальник участка с недоумением смотрел на пришедших к нему мастера с механиком.

– Давайте обдумаем вот что, вот такие условия. Сроки и время планового ремонта должны выдерживаться строго по нормативу. Не когда сломается машина, а когда сроки наступят. Нормативные сроки. И график ремонта нужно составить исходя из этого норматива. Текущие ремонты выполнять на полигоне, без переезда в мастерские. Это не долго, это не сутки, часы. Текущие ремонты можно учитывать в сменном табеле. На плановом же ремонте нужно сохранить тарифную ставку бульдозериста, а при выполнении плана земляных работ – премию начислять и на ремонтные дни тоже. Слесари же в мастерских премию получают! Почему мы эту премию не платим бульдозеристам? Они же и план выполняют при надежной работе машины. А надежно машина работает при качественном ремонте. Мы с нормировщиком составим новое положение оплаты на ремонтных работах для бульдозеристов, согласуем с профкомом, чтобы это стало законом. Предусмотрим и обратное – если плановый ремонт затягивается по времени дольше норматива, по всем операциям, то за дополнительные дни премия не положена начисляться. Конечно, дома лучше, чем на полигоне, но пора ведь и честь знать. У нас производство сезонное, нам летом каждый день на вес золота.

– А при сокращении ремонта к нормативу? Надо ведь тоже как-то поощрять!

– Да, это ты, Михаил Алексеевич, точно подметил. За сокращение срока ремонта, если не за счет качества, а это уж твоя ответственность, товарищ механик, за сокращение надо премировать дополнительно. Скажем, за норматив – пятьдесят процентов, как у слесарей, а за сокращение, как на земляных работах – семьдесят. Тогда появится интерес к сокращению этих сроков. Тогда и после смены могут задержаться, чтобы доделать машину, если немного осталось. Как ты считаешь, Владимир Захарович?

– Ну, вот видите, если вы посоображаете, поработаете головой, глядишь, что-то и получается дельное. Я согласен, разрабатывайте новое положение по оплате ремонтных работ.

С оплатой на ремонте решили. Хотя повоевать еще пришлось и с отделом труда и зарплаты, и с профсоюзом, но это уже, как считал Георгий, издержки системы планирования. Это надо просто доказать людям – докажешь, ты прав.

И еще «нарисовалась» проблема – ночная работа.

Замечать стал Георгий, что в ночную смену резко сократились объемы выполненных земляных работ.

– Ночь есть ночь, – твердили бульдозеристы, пряча, при этом, глаза.

– Да ночь то сейчас короткая. Май месяц. Давно уже «одна зря сменить другую спешит...»! Светлые ночи пошли, не в ночи дело, что-то не так у вас, господа хорошие.

– Не веришь, так проверяй! Что мы, спим, что ли? Промолчал Георгий.

А вечером взял лошадку на конном дворе, оседлал и тихонько, без огласки, выехал на полигон. Пятнадцать километров, это даже при такой каменистой дороге, полтора часа езды верхом. Казаку два часа в седле, что час в постели. Приехал Георгий на полигон в середине ночи. Самая темнота. Встал на горке, его снизу, из долины никто не видит. Да и в голову никому не могло прийти, что поедет мастер ночью на полигон, да еще верхом на лошади. Анекдот, да и только!

В работе должно быть восемь бульдозеров, четыре на вскрыше, четыре на строительстве плотины. Работают семь. На плотине все в работе, там работают парами, две машины подают грунт, две растаскивают по плотине. Там, если останавливаться, так всем, в работе машины зависимы друг от друга. А вот на вскрыше каждый работает на своем участке, там друг на друга бульдозеристы не оглядываются. Вот и видит Георгий – на вскрыше работает только три машины. Одна стоит в дальнем углу вскрышного участка, двигатель не работает, заглушен.

Георгий привязал лошадку к дереву – на полигоне ямы, не приведи господи, сломает лошадь ногу, беда, скандалу не оберешься, вот тогда уж точно сочинят анекдот про мастера. Подошел к неработающему бульдозеру. Так и есть, спит Лёня Корнилов. «Толстяк», как прозвали его бульдозеристы. Георгий залез в кабину, посидел минут пять рядом с Лёней, нет, не просыпается! Георгий дотянулся до педали сцепления и резко нажал кнопку стартера. Двигатель мгновенно завелся. Лёня вскочил, испуганно завертел головой – «а! что?» – и увидел Георгия.

– Ты что, мастер, ты что это, так ведь и разрыв сердца может случиться!

Георгий заглушил трактор.

– Вылазь!

Их заметили на полигоне. Машины на вскрыше остановились, бульдозеристы подошли.

– Передайте всем, завтра утром после «пересменки» не уезжать. Устроим собрание. Я договорюсь с Буслаевым, он за вами приедет вторым рейсом. А тебе, Корнилов, выговор, еще раз замечу, переведу в

слесаря. С самым низким разрядом! Сниму с машины! Все, работайте.

Утром, когда приехала первая смена, устроили собрание. Георгий рассказал о ночном происшествии с Корниловым. Вначале приняли рассказ с юмором, шутками, вроде – «спи, но не попадайся».

– Смешного тут мало, – возмутился Георгий. – Вы поймите, тот кто спит, он же спит за ваш счет. Объемы маркшейдер нам выдает общие, на все машины, всю вскрышу выдает за месяц одним документом, одной маркшейдерской справкой. Я закрываю наряд на всю бригаду, а деньги делю на всех, одинаково, поровну. По отработанным часам и сменам. И тот кто спит, получает так же, столько же, как и тот, кто работает. И премию выписываю всем одинаково. А это, при перевыполнении плановых объемов, это ведь семьдесят процентов заработка! Да районный коэффициент, да надбавки, посчитайте-ка, какая сумма получается. И Лёня, или еще кто-то, кто спит по ночам, ворует у вас за месяц сотни полторы-две рублей! А вы смеетесь. Только мне вот, почему-то, не смешно. Давайте договоримся так. Если я застаю кого-то спящим – премии лишаю. Лишаю полностью, на все сто процентов. Это на первый раз. Если еще раз застаю – будем решать вместе, снимать его с машины, или оставить еще раз, до следующей «спячки»! Ну, а уж если человек не понимает, если его застаю спящим и в третий раз – тут уж без всяких обсуждений, перевожу в слесаря самого низкого разряда!

– Не слишком ли сурово?

– Ребята, но это же наш «бич»! Его же ничем не сокрушить, никакими уговорами. Объемы с него не снимешь, не замеряем мы объемы по каждой машине, невозможно это измерить.

– А профком не отменит твое решение по лишению премии?

– Не отменит. Это же «производственное нарушение». А КЗОТ за такие нарушения даже увольнять разрешает. Нет, тут все законно, не отменит.

Съездил Георгий еще пару раз ночью на полигон. Порядок, вроде, установился. И однажды, утром, на «пересменке», ребята сказали Георгию – «хватит, не езди больше, не смехи людей, да и нас не надо позорить перед людьми. В поселке, вон, уже смеются над нами. Мы сами проследим, все уже поняли, что касса у нас общая. Не дадим больше спать, сами не дадим, не езди по ночам больше».

– Ты смотри, Георгий, так ведь, с такими-то хлопотами, холостяком навсегда останешься. Некогда, ведь, жениться будет. Да и не на ком будет – разберут невест, пока ты за нами по ночам присматриваешь! – пошутил кто-то из машинистов.

Так закончилась эта «ночная» история. Так наладилась и вся «бульдозерная эпопея»!

Смотрит Георгий на полигон с двадцатиметровой высоты. Любо-дорого посмотреть на слаженную работу бульдозеров. Хорошо, далеко смотрится полигон с выносного мостика драгерки.

20

– Георгий, ты сегодня не езди на полигон. Только что позвонила Светочка, тебя в управление вызывают. – Литвяков снял Георгия прямо с машины.

– И что там у них произошло?

– Не знаю, но догадываюсь.

– Что, Бульбухта?

– Думаю, что Бульбухта. Разговоры давно ведь идут.

– Но там же «каменный век», там же нет даже жилого!

– Вот и построишь «жилое». И драгу запустишь. Зафесов говорит, что монтажники строительство заканчивают, пора появится «хозяину».

Так, в разговоре, они дошли до конторы участка.

– Вас можно поздравить, Георгий Александрович? Лена уже все знает.

– Да все уже все знают, кроме тебя, конечно.

– Леночка, ты бы лучше соболезнование сочинила.

– Сочиним, когда устроишь «отвальную».

Литвяков позвонил на прииск. Зафесов уже на месте, сразу поднял трубку.

– Марат Ефимович, тут Красноперов, передаю трубку.

– Да, я слушаю.

– Марат Ефимович, здравствуйте, говорят, вызываете? Мне что, выезжать прямо сейчас?

– Да, Георгий, там наша лодка на подходе, выезжай на пристань, подожди на берегу немного, они уже где-то близко, выгрузятся, высадят главного механика, он к вам на участок поехал, а тебя заберут. Приезжай, тебя директор вызывает.

– А по какому вопросу? Надо же подготовиться!

– Ничего не надо. Никаких докладов не будет. Здесь сам все узнаешь.

Лодку прождал почти два часа. Потом еще столько же – пока разгрузились, пока заправились, залили на обратный путь бензином все баки, пока пообедали.

– Ну что, ты уже дал согласие? – главный механик смотрел на Георгия явно сочувственно.

– Геннадий Дмитриевич, я же ничего не знаю. Сплошные загадки сегодня. В конторе поздравляют с каким-то назначением. Уж не директором ли прииска?

– Нет, Георгий, пока не директором. Не торопись. Директором ты еще успеешь. Пока предложат тебе другое. Ну, не буду опережать события. В управлении сам всё узнаешь.

– Да догадываюсь я! Бульбухта, что ли?

– Бульбухта, Георгий.

– Загубить молодого решили?

– У нас там, в конторе, так считают, что кроме тебя Бульбухту эту никто не подымет. А ты, загубить. Доверие тебе большое оказывают! Драга же построена. Да какая! Новенькая, с иголки, лет пять работай и никуда не заглядывай!

– Да уж, не заглядывай... На этой Бульбухте и кроме драги насмотришься!

– А вот это точно. Потому тебя и назначают!

К Тайгинску подплыли только к вечеру. Георгий позвонил Зафесову.

– Марат Ефимович, я прибыл. Вот только что. Звоню из гостиницы. Теперь уж на завтра, наверное, перенесем все разговоры? Рабочий день то закончился!

– А ты не суетись. Спешить тебе некуда. – И этак панибратски, с усмешкой. – Наташи в поселке нет, она в отпуске, уехала на «материк». – А далее серьезно. – Давай приходи к нам, здесь и поговорим.

– Давайте на завтра, Марат Ефимович. Что-то устал я, на воде этой. Да еще у Змеинового Притока чуть

не опрокинулись, «забурились» в «топляк», да ветвистый! Еле выбрались, промокли все, сейчас полежу в ванне, до утра обсохну, а там уж и начнем, благословясь.

– Что, уже всё знаешь?

– Да все уже всё знают, Марат Ефимович, все уши обжужжали.

– Ну ладно, отдыхай, завтра приходи к десяти, после планерки.

– Принято, Марат Ефимович. До завтра.

Директор прииска, Бережной Алексей Степанович, старый уже человек, не просто пожилой, старый, седой, с хриплой одышкой, сидел в своем глубоком директорском кресле, за своим широким директорским столом как-то полубоком, чуть не спиной к входной двери. Еще не остыл от селекторной планерки, сидел, еще повернувшись к микрофону радиоустановки, по которой только что проводилась эта ежедневная утренняя планерка с цехами прииска. Весь вид его, вся его фигура за столом говорили о глубокой усталости. Человек на Витиме, на приисках, проработал более сорока лет. Да каких! Годы становления золотодобычи, годы лагерей, «эзков», голода, нехватки самого необходимого – еды, техники, людей. Годы тяжелого ручного труда, каторжных работ, скоротечной жизни, годы поголовной болезни, массовой смерти. И ни дорог, ни связи, ни пожаловаться некому, ни помощи попросить. Более сорока лет! Господи, когда же это началось? Это же двадцатые годы! У Георгия аж мороз по коже пошел. Это же не по приговору суда, это же добровольно! «Ладно. А сам-то ты как приехал, не добровольно? Вот, через сорок лет так же и содрогнешься». Но нет, это были уже другие годы, другая жизнь.

«Насмотришься еще в этой новой жизни, не торопись...»

– Ну что, Красноперов, говорили уже с тобой? Знаешь, зачем приехал?

– В общих чертах, Алексей Степанович.

– А другого пока и нет ничего, все только в общем! Назначаем тебя начальником Бульбухты. Показал ты себя на Балаганахе, молодец, но не век же ходить в мастерах! Вот, выдвигаем. Молодым везде у нас дорога. И не только в песнях, да в лозунгах. Наши «командиры» считают, что ты вполне зрелый начальник. На Балаганахе «наворочал» такого, что года три там и мастер не понадобится. На полигоне. Вот и Бульбухту откроешь, запустишь, построишь. Понимаешь, там ведь сегодня нет ничего. Ни людей, ни жилья, ни полигона. Одна драга стоит на горе, раскрашена, как петух, монтажники заканчивают свои работы и скоро разъедутся. Кто куда. А нам нужно сформировать дражную команду – это добрая сотня человек, строительную бригаду, по нашим предварительным подсчетам, это, примерно, триста строительных рабочих. А там, по мере строительства, пойдут работники коммунальных служб. Котельную запустим – нужны котельщики. Жилые дома введем, а это канализация, водоснабжение. Ну и пошло-поехало. Всё строить! И все на голом месте. Там сегодня и электроэнергии даже нет. Драгу строили на дизелях. На дизельных генераторах. Вот что мы тебе предлагаем. И все рассказываем, чтобы знал, там, куда тебя назначаем, ничего нет, и надеяться не на кого, все надо делать самим. Самому. Съезди на место, вот, с Марат Ефимовичем слетайте на вертолете, посмотри все, потом познакомишься с проектом строительства, а уж после всего этого поговорим снова. И после этого ознакомления скажешь нам – берешься или нет! Отказаться можешь. Но не советую. Где еще найдешь такое огромное дело! Но если возьмешься за все за это, за это дело, что мы тебе предлагаем, смотри – спуску не будет. Спрос будет крутой. Правда и отказа ни в чем знать не будешь. Всё лучшее – тебе, на кого укажешь, того к тебе и направим. Всё! Назначение будет с сегодняшнего числа.

Ну, а если откажешься, то и чисел никаких не понадобится. Но я на тебя очень надеюсь. Поезжайте. Осмотрись там, определись, с чего начинать. Неделю тебе на подготовку. Через неделю издадим приказ. Но с сегодняшнего числа. Так что, веди себя на Бульбухте как начальник. И присматривайся ко всему как

начальник. Хозяином становись! Удачи. – Бережной тяжело поднялся с кресла, вышел из-за стола, протянул руку, сначала Георгию, потом Зафесову. – Ты уж там проследи, Марат Ефимович.

Зафесов приказал пилотам посадить вертолет на правом, противоположном от драги, берегу речки. Бульбухта разлилась, затопила полдолины. Бурная, многоводная, несется вниз по долине, ворочая огромными камнями.

– Не пугайся. Летом здесь речку перейдет и ребенок. Это по весне она такая строптивая.

– А во время дождей? Тоже разливается? Не переехать, наверное. Если, скажем, машиной.

– Ну, дождей здесь не так и много. А до машины еще дожить надо.

Вертолет приземлился на обширной площадке, метров триста по ширине и, наверное, не меньше километра длиной. Ну, метров восемьсот уж точно.

– Смотри, готовая взлетная площадка. Дорог сюда нет. Единственный транспорт у тебя здесь будет – воздушный. Вертолетную площадку оборудуешь ближе к поселку. А самолеты будем принимать здесь. АН-2, других здесь не примешь. Работ по полосе, думаю, здесь будет немного. Поставишь пару бульдозеров, они тебе за неделю площадку вылижут, выгладят, зачистят, сделают, как зеркало. Наносов, вроде, немного. Внизу, под этими наносами, твердый щебень. Идеальная взлетная площадка. За рекой, правда, ну да к прилету первого самолета, думаю, ты обживешься, автомашину приличную получишь, грузы будет чем перевозить. Правда здесь, у полосы, временные склады, наверное, устроить тоже придется. На всякий случай.

– Раз склады, значит и охрану, сторожей, а там еще у всяких инспекций требования появятся. Посмотрим. Лучше бы обойтись без всего этого.

– Ну, тебе решать. Делай, как удобнее. Пойдем, постоим у берега, посмотрим на будущий «город» с высоты. С пустоты. Представляешь? Вот стоим мы здесь с тобой, и перед нами ничего! Пустая долина. А приедем лет через десять, здесь жизнь, люди, дети, город! Представляешь?

С высоты плоскогорья им открылась замечательная картина. Широкая долина поросла кустарником. Леса в долине не было и она, эта долина, просматривалась далеко по руслу и вверх, и вниз. На противоположном борту, высоко над долиной возвышалась драга. Мощная, одна из последних моделей Иркутского завода. Действительно, директор прав, раскрашена драга как петух, в яркие цвета – сам корпус серебристо-блестящий, драгерка выкрашена охрой, и светится на солнце ярко-красным блеском. В таком же цвете черпаковая рама, высоко поднятая, она видится отсюда, издали, как слоновый хобот, поднял слон свой хобот и трубит что-то свое, громко-торжественное. Обнаженный понтон, возвышаясь на стапелях, до «ватерлинии» светится желтым, а ниже – черный, как смола. И так, в разных цветах, передняя и задняя мачты, зависшие на высоте своих блоков сваи, краны – огромный мостовой и легкий «деррик». А над драгеркой, по перилам крыши, разноцветными лампочками светящаяся надпись – «НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ». Красиво издали смотрится вся эта конструкция, точно определил директор – «петух» да и только.

– А как же спустить эту махину, весом, наверное, в полторы тысячи тонн, в долину? Метров пятнадцать, наверное, разница в отметках?

– В этом и вся суть. Ты почти угадал. Разница в отметках четырнадцать с половиной метров. Для монтажа на горе удобно, «тепло и сухо», а запусти ее теперь, эту дуру, попробуй!

– Да запустим! Человек, он что хочешь сделает. Была бы техника. Да голова на плечах.

– Ну вот. Это уже по-нашему! Это мне и нравится в тебе, Георгий. Уверенность. Ладно, смотри дальше. Влево от драги, видишь обширную поляну? На склоне горы? Там думаем разместить поселок. По положому

склону горы, уступами. Красиво будет смотреться. И удобно. На самом верхнем уступе – котельная. Дизельная. На форсунках. Чтобы никакого ручного труда, никакого угля. Нам ведь все равно, что завозить, солярку ли, уголь. Дизельное топливо завезти даже легче, чем уголь. И чище. Конечно, лучше бы мазут, дешевле, но мазут мы не получаем, нет у нас на мазут разнарядки. Когда-то ее получишь в министерстве, разнарядку эту. А строить надо сейчас. Вот и выбрали проектировщики солярку. А что, хорошее топливо. И всегда под рукой. Вся техника на солярке работает. Так что, сбоев у тебя с топливом не будет. Дальше, справа от драги, видишь распадок? Там ключи. Чистейшая вода. Если облагородить срубом, поднять воду, получишь достаточные запасы питьевой воды. На весь поселок. А вверх, на самой горе – подстанция. Монтаж уже заканчиваем. Линию электропередачи ведем. Студенческий отряд работает на строительстве, из Ленинграда студенты. Бригадир постоянный, а ребята меняются. «По семестрам» – как они говорят. Но работают световой день, без выходных, без праздников. Опоры ставим деревянные, на месте готовим, лесу, слава богу, хватает. ЛЭП – 35 ведем. Бульбухте пока хватит.

– А это что, вон там, в долине, что за избушки.

– Остатки старого старательского поселка. Еще дореволюционного. Вон изба стоит, в стороне чуть. Она до половины навозом забита. Коровьим навозом. Скот, видать, держали старатели, молочко пили. Ты видишь, долина без леса? Всё старатели вывели. Пока не пророс лес, только кустарник, да мелколосье в долине. И то местами. Нам это использовать надо, расчистить остатки бульдозерами, чтобы на будущее не создавать забот.

– Марат Ефимович, а где границы запасов?

– Хороший вопрос. Границы почти к подножию горы подходят. Что здесь, у наших ног, что на том краю долины. За километр, а в иных местах и побольше, уходит ширина россыпи.

– Так на этом пятаке, что в пределах видимости, лет десять работать можно! Поперечными ходами! И практически на одной плотине! Почему вскрышу не делаем? Такую долину вскрыть, года три понадобится.

– В том то и вся проблема. А драгу запускать надо! Золото уже в плане года. Ладно, до этого мы с тобой еще доберемся.

– А все же, план как, большой?

– Георгий. Тут местами даже не граммовое содержание, а значительно выше. Если в июне с горы «слезем», килограммов триста-триста пятьдесят, думаю, в этом году дать сможем.

– С горы, как вы говорите, «слезем», в июле, Марат Ефимович. Плотину же надо построить. А на участке еще и бульдозеров нет.

– Бульдозера пришли по навигации. Уже разгружены на пристани. Через неделю будут здесь.

– Своим ходом?

– Да. По ЛЭП, напрямую, здесь восемьдесят километров. Успеем по мерзлоте проскочить. Команды уже все даны. Новые бульдозеры, мощные, последней модификации, Т-108. За месяц плотину должны насыпать. А драгой спускаться будем на «обваловках». Со взрывами, конечно.

– Да... Работа.

Вертолетом перелетели к драге.

На драге встретил Унжаков, Александр Петрович, главный инженер Усольского управления «Драгстроймонтаж».

– С горняцким вам приветом, Марат Ефимович. Давненько что-то не посещали нас. Уж не с «хозяином» ли приехали. А, Марат Ефимович? Давно, давно пора. Давно ждем, кому передать

металлическую красавицу.

– Знакомьтесь. Передавать не спеши, Георгий человек дотошный. Примет ли еще. На него ведь красота не действует.

– Что же это за мужик такой, к женской красоте безразличный? Подозрительно все это, Марат Ефимович! Уж из «наших» ли он? Может, он и водку не пьет?

– А вот побудешь с ним дня два-три, сам все поймешь.

– Да мне одного Подобреева за глаза хватило на все это время. Вот уж подарок, так подарок!

Подошел высокий, сухощавый, Георгию показалось юноша, да нет, в годах вроде, в замасленной спецовке человек. У человека во всех движениях неуверенность какая-то, застенчивость, а в глазах смешинки.

– Здравствуйте, Подобреев. – Он протянул руку Георгию.

– Здравствуй, Володя. Что так неуверенно? – Зафесов повернулся к Георгию. – Познакомьтесь. Это наш куратор на строительстве.

– Да боюсь, Марат Ефимович, встревожить начальство новое. Всё же, наверное, впервые в такой дикой тайге. Как бы не стухевался специалист. – И резко, нахально, уставился прямо в глаза Георгию. Стеклянным взглядом.

Георгий отвел глаза. Во-первых, непонятно – что это? сразу и не сообразишь. А во-вторых, неужели это выпад? Для чего?.. Проверка? Ну, это уж совсем неуместно. Ладно, посмотрим. А пока, обострять не надо.

– Давай, Володя, показывай, – видно, что Зафесову встреча эта стала неприятной, – рассказывай. Что, все механизмы перепустили, опробовали, где что неладно, какие остались недоделки? Показывай, Володя, только без «цирка».

Подобреев куратором был назначен трестом, драгу вроде бы, подчиняясь законам капстроительства, строил не прииск, а трест, Управление по Капитальному строительству. Поэтому, Подобреев чувствовал себя как бы над прииском. Вот и устраивал иногда «независимость». Зафесов называл это «цирком».

Когда поднялись в драгерку, Георгий остался там. Ему надоела эта «экскурсия». Он хотел все осмотреть сам. Без пояснений.

– Я посмотрю все отсюда.

Зафесов с Подобреевым пошли по драге. Унжаков остался с Георгием.

– Вы, Георгий Александрович, на Подобреева не обижайтесь. Парень он отличный. Но вы сами поймите, он же надеялся здесь остаться начальником. И вдруг, вчера нам сообщают, что едете вы. О вас мы слышаны. По вашим делам на Балаганахе. Подобреев даже как-то пошутил – «сюда бы его, этого молодого, да строптивного». И вдруг – вот это ваше назначение. Ясно, его это немного обидело. И сбilo с уверенности. Но заверяю вас, куратором он был жестким. На драге без его утверждения не делалось ничего.

– Что, «удобным» для вас был куратор?

– Конечно удобным. Он знал нас, мы знали его. Разве этого мало?

– Да разберемся мы с ним, Александр Петрович, что вы так волнуетесь.

– Да потому волнуюсь, что сдавать-то драгу теперь вам! Что от нас, монтажников, требовал Подобреев, мы знаем. А что начнете требовать вы? Поди, угонись за всеми сегодняшними инспекциями!

– Ну, во-первых, я не инспекция. Мне вот этот агрегат, что вы построили, красиво раскрасили, мне этот агрегат эксплуатировать. Вы завтра разъехались и «всем привет». А ну, как рама, скажем, упала. Кому претензия? На юристов рассчитывать, в судах встречаться? Не по-нашему это. А потому, смотреть буду тщательно, долго, без ваших подсказок. И не лезьте вы ко мне в советчики! Идите, сопровождайте Главного. В конце-концов, именно он ведь имеет право последней подписи.

– Напрасно ты так, Георгий Александрович. – Унжаков резко перешел «на ты». По-горняцки. – Наслышан я о тебе, о прямолинейности твоей, да зачем же ты нас сразу в «жулики» то записываешь? Согласен, осмотришь, да только не надо так с нами. Мы ведь не одну уже драгу построили. У меня все сварщики с «личным клеймом». После них даже инспекция «Котлонадзора» сварные швы не «просвечивает». А драгу эту мы строили «на совесть», без «туфты», сами со временем гордиться хотим драгой этой. Если, конечно, эксплуатировать будешь по-людски. Ты будешь эксплуатировать. И не угробишь ее в самом начале. На валунах этих.

– Ну, вот видишь, теперь ты меня записываешь в «безграмотные». С обидой какой-то. Еще не ты мне, ни я тебе претензий никаких не предъявили, а обиды уже появились. Ты мне лучше скажи вот что, если вы все здесь так за дело болели, если и Володя Подобреев рассчитывал остаться работать здесь, «хозяином»! – что ж вы драгу-то на гору затащили? Стаскивать-то ее отсюда, с горы этой, как собирались? В долину золотоносную?

– По больному бьешь. Да, говорено про это уже, переговорено. Мы ведь не горняки, мы монтажники. Нам отвели место, мы и строим!

– Не надо, Александр Петрович, не передергивай. Отвели бы вам место вон там, в русле реки, вы бы такой «тарарам» подняли, весь трест всполошился бы. А тут, на горе этой, вам благодать – тепло и сухо.

– Ладно, кончай, Георгий, успеем еще «насобачится». Вижу, сдача драги легкой не будет. Пошли смотреть, что там Главный увидел.

До поздней ночи ползал Георгий по металлоконструкциям драги. Задняя и передняя мачты, подкрановые пути, балки верхних роликов «бочки», крепления роликов «стокера», свинцовые заливки «вантов». На механизмы – насосы там, лебедки, двигатели – Георгий внимания не обращал. Все это исправимое, поправимое, ежедневно обслуживаемое, все это не ведет к тяжелым авариям. А вот структурные металлоконструкции – это основа, это корпус, это драга! Будет стоять «суперструктура», будет работать драга. Все остальное – легко ли, долго ли, но ремонтируется. Постоянно, ежегодно, по графику. И ежедневно.

– Вот, Марат Ефимович, на задней мачте – «непровар». «Вантовый» канат, правый, передней мачты – сдвинут. От контрольной «риски». А вдруг не затянут? Пусть сами смотрят. Это ведь до работы, до тяжелого черпанья, это выходит что, канат сдвинулся под собственным весом мачты? Ролик верхний, правой «сваи» – перекошен. Значит, посажен не по «отметке». А в «понтоне» – вода!

– Ну какая вода, Георгий? Понтон на стапелях, воды снаружи нет, драга на сухом, какая вода? Это швы, наверное, монтажники проверяли. Водой. Вот и налилось. К приезду комиссии воду они уберут. Сухой будет понтон. А швы проверят керосином. Мы это уже с Подобреевым обговорили. А вот об остальном, если при проверке подтвердится, это да, это серьезно. Это близкие «аварии». После запуска. И серьезные! Посиди, сейчас Унжаков придет, ну-ка, выскажи ему все свои находки!

Они сидели в кабинете начальника драги. Володя Подобреев поставил им здесь две раскладушки, застелил их чистым бельем, – «здесь жить будете»! Это Зафесову и Красноперову. А что, жить все равно где-то надо, на этой пустынной Бульбухте жить больше негде.

Унжаков, вместе с Подобреевым, внесли в кабинет узенький стол, весь заставленный закусками,

бутылками, хлебом.

– Хватит, Марат Ефимович, о производстве. Пора перекусить.

– Пора, не возражаю.

– И молодой «хозяин» здесь! Ах, как это кстати. Очень просим мы вас, мы с Володимиром, опробовать наши скромные кулинарные приготовления. Вот этот хариус – это Володин. Лично его добытая рыбка из местных источников. Водяных. А эти помидорчики и огурчики – уж не обессудьте, из подвала моей Машеньки, усольские разносолы!

– А водка чья, иркутская?

– Ну что вы, Марат Ефимович, самая что ни на есть – тайгинская. По личному заказу прибыла.

– Хватит вам, ребята, выламываться. Свои здесь все, свои. И Красноперов, он тоже свой. Перестаньте «ваньку валять», «кино» разыгрывать!

Георгий сразу понял, что Унжаков, специалист высокого, а главное – ответственного уровня. Как только он рассказал о своих результатах осмотра драги, еще не полного, еще первого, почти поверхностного осмотра, Унжаков встревожился, глаза его отвердели, о былом шутействе мгновенно забыто. Не сказал ни слова. Но, когда утром Георгий появился в драгерке, вышел на выносной мостик – везде, на всех участках, о которых он вчера говорил, где были найдены и указаны им дефекты, везде ползали, лазали монтажники. Унжаков пришел к Зафесову сразу после просмотра всех мест, на которые вчера указал Георгий.

– Марат Ефимович, все подтвердилось. Все, что Георгий увидел и нам рассказал. Я настаиваю, Марат Ефимович, на вызове спецгруппы по спектральному контролю всех сварных швов суперструктуры, мачт, всех ответственных конструкций. Дело в том, что мы и сами, тоже нашли кое-что. На заводских швах. Есть крепления конструкций, которые пришли готовыми с завода. Не мы их «варили», на заводе. Надо проверять всё. Раз нашли «непровар» – наш ли, заводской – проверять надо всё! Я уже послал телеграмму в Управление. По «дефектоскопии». Чтобы заявку дали. Но это по нашим каналам. А лабораторию вызвать можете только вы. По нашим заявкам не поедут.

– Не горячись, Александр, что это тебя так встревожило? Ты же понимаешь, вызов лаборатории – это как минимум на месяц отодвинет сроки приемки драги Госкомиссией? Это при условии, что мы еще сумеем договориться с «дефектоскопистами». О сроках. А как же государственный план, соцобязательства?

– Я понимаю. Но, Марат Ефимович, я готов отказаться от премии за внеплановый ввод. Не могу я оставить драгу здесь, на Бульбухте, здесь же до всего «цивилизованного» «семь лун с гаком»! – не могу я, Марат Ефимович, оставить здесь драгу в неопределенном состоянии. Да и рисковать качеством нашей работы, авторитетом «Драгстроймонтажа» тоже не могу. Даже ради досрочного ввода! А до планового ввода у нас с вами время еще есть.

– Позовите Подобреева, – сказал Зафесов заглянувшему в кабинет электрику.

– Марат Ефимович, мне надо печку вам здесь подрегулировать. Чтобы ночью не замерзли.

– Хорошо, хорошо, подрегулируешь. Только вначале Подобреева позови. Скажи – срочно!

Подобреев вошел быстро, стремительно, сразу энергично двинул стулом, сел, уставился прямо в глаза Зафесову.

– Володя, на сколько, в процентах от сметной суммы, ты подписал «проценточки» монтажникам?

Все что угодно – разноса, обвинений – ждал Подобреев, но о «проценточках» он не помышлял.

– Я закрывал строго по выполненным объемам, Марат Ефимович. Думаю, что процентов пятнадцать, а может, даже и двадцать, я уточню, у нас еще осталось. К выполненным объемам. Я всегда «закрывал» с резервом. Мало ли что.

– А сколько ты оставил на «послепусковую премию»?

– Это вне «процентовок».

– А как ты оценивал качество?

Вот оно! Так он и знал. Сейчас все эти красноперовские находки, весь брак, повесят на него. А как же? Он же КУРАТОР! Именно он ответственен за качество.

– Марат Ефимович, черт его знает, все проверял, так же тщательно. Но ведь столько швов этих. И все «архиответственные»!

– Не о том речь, Володя. Не о твоей безответственности. Знаю, что жил и спал здесь на драге. Но почему доверился, почему не привлек инструментальный контроль? Ладно, об этом позже. А сейчас так, пока монтажники не ликвидируют все недоделки, и обнаруженные, и еще возможные, притормози «процентовки». Не подписывай никакие объемы. Я вызываю спектроконтроль. Лабораторию из Иркутска. Уже договорился с главным инженером «Иргиредмета». Завтра они выезжают. Проверим все – и сварные швы, и все спецкрепления. Ответственные, я имею в виду. Лишним не будет. А ты обеспечь прием и обустройство людей. Палатку выдели им отдельную. Сейчас уже тепло, ничего, поживут на природе. Это им, «романтикам», только в «кайф», как они, институтские, теперь говорят. Ну, а за тобой, товарищ куратор, окончание работ по драге. И отчет по качеству! Приемка начинается! И торопиться, заметь это себе, нам, с этой приемкой, ни к чему.

– Как так?

– А ты сообрази. Что у тебя по полигону? Где выход драги? А ведь после подписания акта приемки начинается план! Ты готов начать золотодобычу?

– Я куратор по монтажу, по строительству. Раньше горного начальника назначать надо было.

– А, видишь, как ты заговорил. Да ведь строительство драги, это же и строительство её горнодобычных работ. Ты же хотел здесь остаться и горным начальником! Или нет? Вот потому и не устраивай здесь «цирковые» представления. Помощником становись Красноперову. Впрочем, тебя ведь трест назначал. Вот и решай свою судьбу с трестом. Если со мной не согласен. А я, запомни это, я разлад на Бульбухте не допущу. А с тебя спрошу. Если уж очень захочешь, спрошу и через трест.

– Да что вы, в самом деле. Не претендую я ни на что. Если предложите остаться здесь работать, подумаю, может, и останусь.

– Это решай с Красноперовым. Он уже назначен. Он подбирать будет кадры себе. А то, что ты допустил такие «просмотры» в качестве, плохо это тебя, Володя, характеризует. А Красноперов, ты, наверное, уже заметил, он такие ошибки видит. Какое у него сейчас мнение о твоём «кураторстве»?

– Я, Марат Ефимович, думал, ну если уж не орден, то хотя бы «спасибо» надеялся услышать о своей работе здесь. Ведь приехал сюда совсем уж на голое место. Кроме волков, здесь ведь ни одной души не было. А вы вон как со мной. – В голосе и обида, и недоумение...

– Да услышишь ты еще благодарности, услышишь. Мы же о другом с тобой говорим. Кто тебе еще все это скажет. После «Государственной комиссии» одни ведь восторги будут. Но признай, Володя, раз уж ты взялся за трудное дело, все ведь трудные дела и решать надо. Был тебе в чем-нибудь отказ? Признайся честно, одни мы здесь. Стеснял тебя кто-нибудь на прииске, мешал тебе принимать решения? Навязывал

свое мнение? Говори честно!

– Да что вы, Марат Ефимович, в самом деле, обвиняете что ли меня в чем-то?

– Зажировал ты здесь, Володя. Как же, «хан персидский». Все у тебя здесь на поклоне – закрываешь объемы, «процентовки» подписываешь. Всё здесь от тебя зависит. Сколько хочешь денег, столько и выпишешь! И все с поклоном к тебе. А приехал человек, только поглядел слегка, поверхностно, и сколько увидел! А если бы не увидел? За аварии кто бы ответил? Ты ведь, Володя, подставлял здесь кого-то. И крепко подставлял. Ладно. Завтра приедет Уфимцев, заместитель главного механика. Все твои «процентовки» поднимем, все проверим. И соответствие объемов тоже. И дай тебе господи, Володя, чтобы все сошлось! Свободен.

Никогда еще Подобреев не видел такого Зафесова. Резкого, разгневанного.

«Черт меня за язык дернул с благодарностями этими! Чем я его так разозлил? И Красноперов еще этот...».

На прииске Зафесова уважали все. За его справедливость. Никогда и никого он не отчитывал «понаслышке», по чьим-то докладам. Всегда и во всем он разбирался сам. И горе тому, кто наклеветал на человека.

Зафесов знал на прииске не только всех ИТР по имени, фамилии, он знал и всех основных рабочих – драгеров, бульдозеристов. И обратиться с чем-то к Зафесову – это было событие уж очень чрезвычайное. Все на прииске знали это. Знали – Зафесов не оставит такое обращение без внимания, разберется, и плохо будет тому, кто проявил невнимательность, пренебрежение, несправедливость. Редко к Зафесову обращались с жалобами. Знали на прииске – без наказания виновный не останется. Но, если жалобщик клеветает – наказание жалобщнику, да вдвойне. Если не больше. Вот, потому редко к нему и обращались. Сами старались между собой разобраться. Не дай бог, не правильно рассудит кто-то. Докажи потом всем, что ты не тот верблюд. Зафесов ведь всё рассматривал громогласно, без утайки, на весь прииск рассматривал.

По этой самой причине и Подобреева расстроил разговор с Главным. Он хорошо знал, что Зафесов напрасно не заговорит. Не предъявит претензий. Обидно стало Володе. Но понимал он, все сказанное – справедливо. Это производство. Здесь виновных не ищут. Здесь виновные сами у всех на виду.

21

На ЛЭП-35 случилась авария.

Мерзлота вытолкнула опору из земли. Просто взяла и «выплюнула». Двухарочная угловая опора, закопана была глубоко, надежно. И – на тебе. Свалилась. Но не оборвала провода. Мягко опустилась на этих проводах, как будто кто-то её, опору эту, над землёй приподнял и мягко опустил на заросшую диким кустарником «просеку».

Сработало аварийное отключение. Поселок, драга обесточены. Все встало. Хорошо лето, а зимой? Замерзло бы все в поселке! Правда, зимой мерзлота «не плюется». Зимой другие беды.

Георгий побывал на месте, посмотрел на аварию, все тихо, спокойно, просто опора свалилась и лежит, даже не рассыпалась на «элементы», так в сборе и лежит. Будто кто-то и в самом деле аккуратно положил ее «отдохнуть» на землю. Провода, видимо, спасли опору. От развала. Удержали и мягко, без рывка и без удара, положили.

От поселка километров восемь. Георгий по высокочастотной связи, что установлена на ответственных участках линий электропередач, связался с главным энергетиком, доложил обстановку – не пугайтесь, мол,

драга стоит на аварии, принимаем меры.

– Помощь нужна?

– Владимир Николаевич, до вас почти сто километров, какая помощь? Сами справимся. Отключи нас на районной подстанции. Сделаем, включение запросим.

Белоножка, его выездной жеребчик, смиренно дремал у привязи. Георгий легко сел в седло, дело привычное, здесь на Бульбухте другого транспорта у него не было. По наторенной, но узкой тропе верхом не разгонишься, поехал Георгий в поселок спокойно, размеренно.

«Черт, как специально, только приняли линию, проводили ленинградцев, «лэповцев», хорошо проводили, шумно, и вдруг эта авария. Но их вины здесь никакой нет. Виноват Север, с его извечными выкрутасами, с его непредсказуемой «вечной мерзлотой».

«Вот что, привлеку-ка я к этой работе своих «алкоголиков»!

Уж они-то точно все сделают. И быстро!»

Дело в том, что Бульбухта была объявлена «зоной 24». То есть, в 24 часа Георгий мог отправить любого опасного или просто неугодного ему человека с Бульбухты. Если не подчинялся – выдворяли силой. Но Георгий как-то сказал директору, что пусть, мол, живут у нас эти «бомжи» да «алкоголики», я их знаю, «бузить» они не будут, а мне не мешают. Да и мусор кому-то убирать надо же, вот и привлеку их, когда понадобится.

Знал Георгий, среди этих «алкоголиков» водились мастера самого высокого уровня! И по самым разным специальностям.

– Очень уж людей не хватает, Алексей Степанович. Пусть живут. А правом своим воспользоваться, если мне это понадобится, никто ведь мне не помешает!

Верхом, в седле, неспешным шагом, густым лесом, восемь километров долго ехать. Больше часа. Вот и размышляет Георгий о жизни своей, Бульбухтинской. Сколько воды утекло! Давно ли все это было!?

...Драгу запускали тяжело. Перемычки строили буквально каждые десять метров. И все по мерзлomu. Первую перемычку, что построили монтажники – взорвали. Тонну взрывчатки заложили прямо у драги! Георгий не доверил этот взрыв никому. Сам слетал вертолетом на Артем, нашел Михаила, уговорил его приехать, сделать взрыв. Рассказал, что прямо у драги, что не надо взрывать «на выброс», надо «взрыхлить».

– Да у вас же там Кудряшов! Кто же лучше его сделает!

– Улетел Кудряшов, дома что-то случилось у него, улетел. Но если бы и не улетел, не стал бы я взрывать, Миша, без тебя. Клянусь! Драга же рядом! А тебя я уже знаю. Знаю, на что ты способен. Ты же на месте, если понадобится, просто возьмешь и «перевернешь» грунт. А мне как раз это и надо сейчас.

– Как там у вас с хариусом?

– Миша, в прошлый раз я тебе пообещал щуку и что ты увез?

– Да уж, в прошлый раз получилось солидно.

Миша гордо тащил тогда, после ледохода, двухметровую щуку до самолета. Не прятал в сумку, сам здоровенный, он положил голову щуки на плечо, а хвост ее ударял по его пяткам. Так Миша и тащил ее гордо до самого самолета.

И с Бульбухты не улетел Миша «порожняком». Георгий специально отправил ночью бригаду Курдюмова «лучить» по речке. Они и добыли этого хариуса за ночь столько, что еле утащил Михаил. Но

все, что от него требовалось, все выполнил умелый взрывник, взорвал перед самой драгой – как вилкой разворошил перемычку.

Георгий вместе с Зафесовым наблюдали за взрывом прямо с драги. Они тогда вообще с полмесяца жили с Зафесовым на драге, спали урывками на своих раскладушках, не ушли с драги, пока не вышла она в подтопленный водоем, не сползла со своей горы, не разработала забой на полную глубину черпанья. И золота в тот первый месяц взяли они со шлюзов более пятидесяти килограммов. Довольный уезжал домой Зафесов – есть золото на Бульбухте, недаром они старались! Не жалко и этих пусковых потерь времени, и старенького бульдозера, что «похоронили» в теле плотины, спасая ее от размыва.

Вода тогда поднялась внезапно, за одну ночь – пошла «черная» вода с гор, начинался летний паводок. На Севере ведь два паводка – весенний, от таяния снегов, и летний, от таяния гор. Вода от таяния вечных снегов приходила в распадки горных рек в июле. Эта «черная», как ее зовут старатели, вода была посерьезней весеннего половодья. Весной уровень рек «пляшет» от ледохода, от заторов, с ними северяне давно уже научились справляться. А летний паводок – от большой воды, от ее количества. А сколько ее скатится с гор, никогда не предугадаешь.

В тот год, год пуска драги, воды пришло особенно много. Вода поднялась до гребня плотины, только что отсыпанной, еще неустоявшейся, еще свеженькой, а уровень воды все подымался. Новая партия бульдозеров уже была на подходе, уже слышен был шум работающих надрывно на бездорожье двигателей. Георгий отправил конного гонца – пусть отцепляют сани с грузами, ускоренным темпом идут прямо к плотине. В середине тела плотины, по самому руслу, Георгий с гребня увидел «капешь», пузыриться земля стала, вода давит. Георгий приказал бульдозеристу подпереть тело в этом месте.

– Не трогай, назад не откатывайся, воткнись ножом в землю, пусть так бульдозер и стоит, – а новые бульдозера уже на подходе, уже толкают ножом грунт на плотину.

– Засыпай! Вместе с бульдозером засыпай! Нельзя его отводить, прорвется вода! – Так и похоронили бульдозер в теле плотины. Но плотину спасли, не посадили драгу на мель!

«Да. Много чего за год произошло. Неужели всего год? А кажется, прошла целая вечность».

Да, много чего произошло.

Строителей привезли в утепленные палатки, оставшиеся от монтажников. Расселили. Первое, что они соорудили, это столовую, баню и котельную. Котельную смонтировали монтажники, быстро смонтировали, пока шла приемка драги, вся эта раскочка с запуском. Монтажники, по приказу Унжакова, смонтировали оборудование, подвели к фундаментам строящихся общежитий трубы теплотрассы. Строителям на котельной осталось только закрыть оборудование стенами да крышей. Построить само здание Котельной. Они его быстро и соорудили.

К осени котлы «разожгли». Пошло тепло по трубам!

К осени же собрали два общежития – по сто сорок мест каждое – и заселили строителей. Собрали два двенадцатиквартирных дома – и заселили дражников. «Жить стало веселей!».

Появились люди – появилась работа! Зимой заготовили деловой лес, завезли всю «заготовку» на участок, прямо к пилораме – ее соорудили в посёлке тоже быстро, за месяц. Все строительные материалы завезли за зиму. «Лендортранс» работал по зимним дорогам в тот год, считай, на одну Бульбухту. Зато, завезли все, что необходимо строителям на лето! В том числе завезли и приступили к монтажу десяти комплектов сборных двенадцатиквартирных домов. Появился поселок!

Михейкин, завхоз, «комендант поселка», как его звал-величал Георгий, собрал «алкоголиков» на конном дворе. Георгий объяснил задачу.

– Берем с собой тракторный «вагончик» на санях, возьмите, какие надо инструменты и – в путь. Работу надо сделать быстро, до темноты. Расчет – по двойному тарифу.

– Георгий, расчет нас мало интересует, что нам надо, ты сам знаешь. А инструменты – ты выдели нам второй бульдозер, там у нас в лесу припрятана «стрела», мы знаем, где она лежит, двумя тракторами опору эту мы тебе за пару часов поставим.

– Вас шесть человек, справитесь? Или еще людей звать?

– Поставить упавшую опору, если она, как ты говоришь, цела, не развалилась, и четверо могут. Но шесть еще лучше. Не будем терять время, поехали.

Через четыре часа Георгий запросил на прииске включение. Бригаде «алкоголиков» поставил ящик коньяка, еды всякой, Михейкин привез им даже две банки соленых огурцов и ведро квашеной капусты. С рассолом.

– Георгий, ну что ты как ребенок, право! Ну что за напиток ты нам привез? Какой же уважающий себя «лэповец» пьет в тайге коньяк? Ну как тебе не стыдно, Георгий? Почему ты о нас так плохо думаешь?

«Куражатся». Знают, что заслужили сегодня право на мелкое «панибратство», что доволен «начальник», не обидится!

– Ладно, начинайте не спеша. Пришлю я вам и водки.

– Георгий, сделай еще одно доброе дело, отцепи нам вагончик здесь в лесу до утра, а завтра пришлешь за ним трактор – «хозяйку». Мы до утра со своими делами справимся, порядок тебе обещаем. Ну, да ты нас знаешь.

К поселку Георгий подъезжал уже в сумерках.

С горки хорошо просматривался освещенный поселок, усердно работающая драга, разноцветно высвечивалась большими буквами надпись над драгеркой – «НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ!»

22

Проводили на пенсию Бережного. Алексей Степанович на Северных приисках проработал более сорока лет. Его биография – это биография Советской золотой промышленности, ее восстановление и становление после всех войн и революций, строительство и организация новых предприятий отрасли. На пенсию провожали целую «эпоху» золотодобычи. Провожал Алексея Степановича весь прииск, прибыли делегации от всех участков.

От Бульбухты на проводы директора уехал Володя Подобреев. Во-первых, это было справедливо – Подобреев с директором работал долго, плотно, много они с ним пережили вместе при завозе и строительстве драги на Бульбухте. А во-вторых, Георгий не мог ни на один день оставить Бульбухту. Период становления, приезд и обустройство новых людей, ежедневное распределение материалов для строительства, работа землеройной техники – да мало ли чего, все было на нем. Конечно, отъезд Подобреева даже ненадолго добавлял забот Георгию. На Володе лежали заботы по драге. Георгий в этот период создания поселка Бульбухты драгой практически не занимался. Все там по-хозяйски и грамотно делал Подобреев. Еще бы, Володя построил драгу «от колышка до флага», как тогда говорили дражники. Он знал ее едва ли не лучше, чем свои пять пальцев. Георгий при Подобрееве был с дражными заботами спокоен и не уделял драге никакого внимания. Кроме, конечно, горнодобычных параметров. За правильностью отработки забоя, параметрами «зашагивания», опробование забоя, за съемку золота, да, за всем этим Георгий следил лично. А вся механика, организация и проведение ремонтов, все инженерное обслуживание – это все было на Подобрееве. И лучшего механика Георгию трудно было представить. Но и

проводить заслуженного директора надо было. Володя улетел в Тайгинск.

Вскоре назначили нового директора – приехал Валентин Михайлович Сидоров. С Артема. Намечена была и дата приезда Сидорова на Бульбухту. Наметили «большой сбор», общее собрание рабочих, жителей Бульбухты.

Сидоров прилетел не один, полный вертолет загрузили «свитой» директора. Оба заместителя, начальник производства, главные механик и энергетик, помощник по общим вопросам, секретарь парткома, председатель профкома – в общем, все приисковое начальство приехало на Бульбухту.

После знакомства с драгой, поселком сели на лошадей и верхом объехали все лесные деляны, все места заготовки леса. Георгий взял с собой в лесную поездку Михейкина, завхоза участка и коменданта поселка, с запасом продуктов на всю экспедицию и лесника, Николая Уварова, дядю Колю, как все его звали на Бульбухте. Николай и стал главным проводником лесного объезда, он же все тропы знал в Бульбухтинской тайге.

Очень удивила директора на лесной деляне схема загрузки леса на автомобили. Местность заготовки леса гористая. Внизу, у подножья горы, лесники выстраивали эстакаду. На нее свозили лес. С эстакады делали с небольшим уклоном загрузочные площадки. Подходил лесовоз, открывали затвор эстакады, спускали по уклону бревно и оно легко, без разгона и удара плавно ложилось в «приемник» лесовоза. Ни техники никакой, ни кранов, ни людей. Один бункеровщик на затворе. Двадцать минут и лесовоз загружен.

Директор не поехал никуда, пока сам не увидел весь процесс загрузки. Но летом лес в тайге не возят, идет только заготовка. Участок держал на лесоделяне грузовик, для подвоза лесин к той же эстакаде. Подогнали машину, загрузили, чтобы показать директору, он восхитился. Только, после отъезда «делегации» рабочим вручную пришлось разгружать лес, а потом, зимой также вручную и загружать эти лесины на лесовоз. Но что делать! Начальство есть начальство. Все ему видеть надо.

После всех лесных делянок посетили «зимовье» на Ченче. Там было недалеко от якутских кочевий, побывали в гостях у кочующих поблизости якутов.

Две семьи с большими табунами оленей «кочевали» вблизи бурных северных речек Бульбухты и Ченчи. Очень помогали якуты строителям новой «Бульбухты». Георгий в первый же год, когда не было на участке холодильника, некуда было завозить мясо, договорился с якутскими семьями и они еженедельно продавали Георгию мясо оленей. Для всего участка. Якуты продавали только мясо, шкуры оставляли себе. И правильно, на кой те шкуры Георгию? Ему людей кормить надо было. Брала у якутов одну-две туши оленя, мясо сдавали в магазин, через который и распределяли «свеженину» работникам участка. Взамен якуты брали на участке соль, чай, сахар, крупу разную, муку. Зимой якуты привозили на участок рыбу, мясо добытых на охоте кабарги, изюбра. На Бульбухте все это скупалось с большой охотой и в любом количестве. В общем, установились между участком и «кочевниками» хорошие взаимоотношения, обоюдная заинтересованность.

Когда Георгий рассказал об этом Сидорову, он захотел посетить незнакомых ему друзей. Поехали к якутам. Георгий сразу предупредил директора, что если предложат хозяева что-то поесть, попить, отказываться нельзя, это для якута большая обида. Он сразу замкнется и разговаривать с тобой не будет. Уважь его, всех членов семьи, нет, не водкой, это все брехня про якутов, они ничего от тебя не возьмут, они сами угощают. Они возьмут подарки, только когда сами к тебе в гости приедут. А в своем доме никаких подарков они не берут. Ты уважь их вниманием, добрым словом, они тебе всегда друзьями будут. На века. Ну ладно, на десятилетия. В общем, пока жить будете рядом, они всегда придут к тебе на помощь.

– Понимаешь, Валентин Михайлович, якуты не умеют врать. И они не представляют, что кто-то, живой человек, да еще человек грамотный, может обмануть другого человека. Так что с ними хитрить нельзя.

Если якут обиделся, он тебя никогда своим другом, да каким другом – даже знакомым не признает.

Яков, хозяин первого кочевья, встречал их далеко от палатки, на поляне. Окруженный оленями, собаками, в своей легкой меховой накидке он показался Сидорову сказочным героем якутских «эпосов».

Спешились, привязали коней. Михайкин быстро организовал коням корм и питье. Гости пошли к палатке. Кочующие якуты летом не строят чумы, олени передвигаются за кормом быстро, поэтому кочевники ставят на летней стоянке палатки. Удобно и быстро – собрал-разобрал.

Встреча прошла торжественно. Георгий всегда удивлялся этой возвышенности якутских общений с гостями. Сидоров, когда все сели за стол, а стол установили прямо на поляне, недалеко от палатки, когда на столе появилась жареная оленина, директор просто, по-застольному, спросил у Якова:

– Может, к этой оленине да по стопке водочки? А, Яков?

– Можно. Только и у нас есть, вашей не надо. Я стеснялся предложить. – И что-то быстро по-якутски сказал женщине, обслуживающей стол.

Появилась водка. Георгий кивнул Михайкину, тот передал женщине ящик водки.

– Это не от директора, знаю, не возьмете. Это от начальника участка. Потом сочтемся.

Та кивнула – все, мол, понимаю. Сколько просидят за столом, кто знает.

Прощались с объятиями.

– Спасибо, что приехал, директор. Будет трудно, скажи, все сделаю.

– Спасибо и тебе, Яков. Знаю, много уже помог нашим, на строящейся Бульбухте.

Ночевали в избушке на Ченче. Устроили хорошую охоту, набили непуганых рябчиков, наварили их к вечеру и нажарили, устроили богатый ужин. Когда ушли к реке, когда начались непринужденные разговоры, Георгий спросил директора:

– Валентин Михайлович, можно спросить? Вы только не обижайтесь, вопрос для вас необидный, а у нас на слуху, все только об этом и говорят, только об этом и спрашивают.

– Ну, говори. Что за вопрос?

– Почему вас назначили директором? А что же Зафесов? Обычно преемником уходящего директора становится главный инженер. Зафесов, по-моему, был неплохим главным, что же, ему не доверили?

– Господи, сколько подготовки, нет чтобы сразу спросить, что с Зафесовым! Не волнуйся, Георгий, никто твоего, «нашего» Зафесова не обходит. Документы на его назначение Главным инженером нашего Треста уже в министерстве. Всё сейчас решается в ЦК партии. Думаю, утвердят Зафесова. Скоро приедет он к тебе уже в звании главного инженера треста. Перед отъездом в Москву он так и сказал мне – передай, говорит, Красноперову, что первая моя поездка по предприятиям в новой должности будет поездка на Бульбухту. Так что готовься к встрече.

– Молодец Зафесов. Это как раз и есть то, что нашему тресту надо. А за ответ ваш спасибо, Валентин Михайлович. Знаете, как гирю тяжелую с души вы нам всем сняли. Знаете что? Завтра на собрании свое выступление начните с этого сообщения. Другое настроение у рабочих будет. Очень у нас Зафесова уважали. И всех сейчас вот этот самый вопрос и мучает.

На Бульбухту вернулись на второй день, к вечеру. И сразу в клуб – там уже собрались практически все жители поселка. Как же, директор приехал!

Собрание началось спокойно. Георгий доложил об общих итогах работы драги, о строительстве участка за истекший год, остановился коротко на возникающих проблемах, которые требовали

вмешательства и помощи руководства прииска – это в основном новая техника, запасные части, а главное люди. Специалисты. Не было их пока на участке. Георгий вдвоем с Подобреевым крутились на Бульбухте. И в лесу, и на драге, и на строительстве.

Снабжение участка, зимние завозы, аэроплощадка, которую тоже соорудили в первый же год. Ну хотя бы диспетчера какого поставили принимать и провожать самолеты, а то ведь к каждому рейсу надо обязательно быть Георгию лично! Геологомаркшейдерское обеспечение организовано централизованно, с прииска. Но пора уже назначать и участковых геолога и маркшейдера. Нужен же постоянный, ежедневный контроль и за глубиной черпания, и за опробованием забоя. Следить за потерями при драгировании, брать пробы с каждого забоя. Теперь уже ясно, что золото на Бульбухте есть, хорошее золото. И брать его надо без потерь. Вот для этого и нужен геолого-маркшейдерский контроль. А специалистов нет.

– Нужно вмешательство руководства прииска – заключил свое выступление Георгий.

– Ты давай готовь жилье, квартиры, будут тебе специалисты, – парировал директор.

– Ничего, поживут в общежитии. Мы с палаток начинали. Гарантирую отдельную комнату. На двоих. Построим квартиры, конечно выделим. Для кого же мы и строим жилые дома. Заметьте – с полным благоустройством. У нас в домах и тепло, и вода, и канализация.

– А «канализацию» куда деваете.

– Пока выгребные ямы. Но зимой должны завезти комплект мини-очистных сооружений, летом следующего года смонтируем. А пока в ямах «слив» накапливается. Ничего, ямы большие, на год нам хватит, а там и в очистные заведем отходы свои.

Собрание явно клонилось к окончанию. Вялые выступления двух-трех рабочих драги, выступил мастер по строительству. Уже готовились все послушать директора. И вдруг самый неожиданный вопрос. Встал молодой парень, недавно приехал на Бульбухту, подзаработать приехал, дома семья, дети, приехал из Китая, Иркутской области. Георгий хорошо помнил все это, он с каждым приезжим долго и дотошно беседовал – зачем приехал, почему, что дома не жилось – в общем, знакомился с людьми. Звали парня Николай. Николай Першин. Приехал подзаработать, жить дома семье впроголодь надоело. Так сам заявил. Услышал – большие заработки, вот и приехал.

– Почему на участке «сухой закон»? Здесь что, другая страна? Не Советский Союз? Насколько я знаю, в нашей стране «сухого закона» нет! Почему я должен ходить выпрашивать у начальника бутылку водки в банный день? Вы что, нам не доверяете? Думаете все мы здесь сплошь «алкаши»?

В зале наступила тишина. Просто «звенящая тишина» нависла над головами притихших людей. Люди смотрели не на директора, смотрели на Георгия.

Сидоров тоже повернулся к Георгию.

– Объясните, Георгий Александрович, что это за причуда у вас, кто разрешил водкой торговать по бумажке?

– Ну, во-первых, Николай, при поступлении на работу условия проживания на Бульбухте, наши порядки тебе были подробно объяснены. И ты согласился жить и работать у нас именно при этих порядках. Во-вторых, решение ограничить продажу спиртного в рабочие дни и выдавать в выходные, праздничные и именинникам – это решение принято на общем собрании поселка в самом начале его зарождения, когда быстро, день и ночь строить поселок надо было. Здесь ничего не было, тайга, а посреди этой тайги красавица драга без единого человека обслуживания. Рабочие сами предложили не продавать ни вино, ни водку в рабочие дни. А у нас тогда выходных и не было. Решение это мы согласовали и с парткомом, и с приискомом. И получили поддержку. Что же тебе не нравится?

– Не по закону это.

– Ишь ты, какой законник выискался. Поезжай в свой Китай, там магазины без ограничений.

Выступил директор. Он коротко рассказал о работе прииска, о значении участка Бульбухта для выполнения плана золотодобычи, о перспективе Бульбухты.

– Мы планируем здесь построить еще одну драгу, на участке Богучаны построить и через два года запустить гидравлику, за три года завершить строительство жилого благоустроенного поселка. Ваш участок является уже сегодня ведущим по добыче золота на прииске. И все это вы здесь сотворили всего лишь за каких-то полтора года. Ну, а что касается «сухого закона», давайте, решайте сами. Вот сейчас на этом собрании и решите. Здесь у нас все собрались, всё руководство. И секретарь парткома, и председатель профсоюза. Любой вопрос мы здесь можем решить. Только прошу учесть, что на Бульбухте установлен «режим 24». По всем вопросам начальнику участка дано полное право единоличного решения. Нравится это кому-то или нет – это вопрос дисциплины. Статус Бульбухты установлен районными органами власти, согласованы они со всеми юридическими и надзорными органами. Не забывайте, вы здесь живете в тайге, без дорог, только с воздушным сообщением, а в дожди на вашу площадку и приема самолетов нет. А здесь ведь золото. Продукт особого назначения. Так что решайте, не забывая своего особого положения в нашем районе. Давайте, Георгий Александрович, принимайте решение.

– Ну что, «братва», как дальше жить будем – по закону, или «по понятиям»?

Люди заулыбались. В зале наполовину сидели бывшие «зэки», прожившие всю свою вторую, после ареста, жизнь в тайге, на севере. Это, как правило, были отличные специалисты, народ уже пожилой, «перебродивший». Своей шуткой Георгий давал им понять, что нельзя такие вопросы решать «с кондачка», что они должны помнить о всех своих приключениях, случившихся из-за водки.

Люди серьезные, повидавшие на своем веку и резню, и расстрелы, и глупую смерть от «поножовщины». Георгий им доверял. Но только на стройке. На драгу он их не брал. Помнил Георгий те сто способов отбора золота, что показали ему «зэки» на Маршальском. Он очень боялся воровства, утечки золота. Потому на драгу брал только молодежь, собирал молодых ребят с участков, где они засиделись на своих рабочих местах из-за отсутствия вакансий роста. Например, проработал парень старшим машинистом пять-шесть лет, он уже отличный драгер, по ночам драгер отдыхает, а парень драгирует всю смену, вот таких ребят и подбирал себе Георгий на драгу. И был прав. Лучшим драгером на Бульбухте давно уже стал Володя Курдюмов, назначенный драгером из таких вот засидевшихся старших машинистов.

В зале стояла тишина. На задних рядах сидела молодежь, конечно, им скучновато было на Бульбухте. Кино да, кино привозили каждую неделю. Был и баянист хороший, но какие танцы без женщин? Холостых девушек на участке жило всего-то две-три. Женщины были, но это все замужние, те, которые приехали к мужу, получившему новую квартиру. Это в основном дражники. На стройке работали в большинстве своем сезонные рабочие. Приехали заработать, на зиму уезжали домой, а весной снова съезжались на строительство. Конечно, им хотелось бы выпить да побалагурить вечером после работы. Но закон на Бульбухте был строг: в рабочие дни алкоголь не продавался совсем, в банный день – по бутылке водки на взрослого человека, по праздникам то же, в дни рождения – по заявке, но не более чем по десять бутылок водки, вина и шампанского. И к этому привыкли, никаких недовольных ни разу не было. И вот, этот вопрос Николая.

– Ну, что молчим?

Выступил кто-то из дражников.

– Ничего не надо менять. Всех наш порядок устраивает. И деньги целы. Мы же здесь не на курорте, не на отдыхе. Нам зарабатывать надо. А отдохнем, и как следует, когда на море поедем. Во время отпусков

наших, северных. Наотдыхаемся там, и водки попьём, сколько кому надо! Я предлагаю ничего не менять.

Задние ряды зашумели. «Отменить все запреты надо!» Поднялся парторг, Володя Уваровский. На Севере тогда шло мощное омоложение кадров. Старики, построившие золотые предприятия, в массовом порядке уходили на пенсию. Конечно, в двадцатых годах пришли в отрасль молодые, здоровые, активные специалисты, пришли почти одновременно. И вот настало время, так же одновременно старики уходят. К руководству предприятиями пришли молодые, значительно моложе сорока лет, энергичные кадры. Вот и Владимир Николаевич Уваровский, молодой еще, а уже поработал главным энергетиком прииска, на последнем отчетно-выборном собрании коммунисты избрали его своим вожаком, секретарем парткома прииска.

– Давайте обсудим такой вариант. Конечно, устоявшаяся на участке схема торговли спиртными напитками – самая оптимальная. Но вот молодежь бунтует. Не нравится им наша схема. Я предлагаю провести эксперимент – разрешить свободную торговлю спиртными напитками в магазине участка. Но если на участке начнется «пьяный загул», прекратить свободную продажу алкоголя немедленно и больше уже не возобновлять никогда, как бы это кому-то не нравилось. Мы поможем с охраной объектов, договоримся с милицией и вневедомственной охраной усилить охрану драги, золотой кассы, сберегательной кассы и Управления участка. Вашей конторы и ее работников. Сразу предупреждаю – в случае нападения на перечисленные объекты охране будет дано право стрелять «на поражение». Вот пока все трезвые, я вам и говорю об этом. Чтобы потом рассудок не замутился и никого из вас не потянуло «на подвиги». Я понимаю, Георгий Александрович, на вас ляжет огромная дополнительная ответственность. Но думаю, если конечно вы согласитесь, что это нужно когда-то предпринять, иначе разговоры об этом «сухом законе» никогда не прекратятся. Как, Валентин Михайлович, считаете вы.

– Если люди так решат, я возражать не буду. Мы тут пошептались с председателем прииска, с нашим Вершининым, профсоюз тоже возражать не будет. Так, Лев Никитыч?

– Да, Валентин Михайлович, профсоюз согласен, чтобы попробовали жить без запрета.

– Но помните, – продолжал директор, – начальник участка на период этого эксперимента будет наделен чрезвычайными полномочиями, о чем мы издадим специальный приказ. Ну, а если все будет спокойно, организовано, будем трезво и без срывов продолжать работу, мы можем и отменить «сухой закон», хотя какой же он сухой, если вы каждую неделю, по выходным да праздникам, да еще и в дни рождения получаете водку. Да еще, оказывается, и не только водку. Решай, Георгий Александрович.

– Я думаю, голосовать мы здесь не будем. Давайте попробуем. Но только договоримся, я прекращаю наш с вами «эксперимент» в любое время, когда сочту нужным, когда пойму, что «свобода» эта приносит вред. Не забывайте, через два месяца зима, холода у нас уже в ноябре «за сорок». Нам нужно к зиме готовиться, а не ребусы водочные решать.

23

Уже в субботу на работе появились люди под хмельком. Георгий жестко отправил всех по домам. Даже с легким запахом не допустил никого к работе.

А в понедельник – обвал. На стройку не вышел ни один рабочий. Георгий хотел пойти по общежитиям, но одумался. Какой прок? Как говорить с пьяным человеком? Нет, пусть пьют, раз уж решили. С Подобреевым распределились – Володя безвыездно жил на драге. Ночевал в кабинете, питался в дражной столовой. Георгий взял на себя поселок. Проинструктировал охрану, закрыл транспорт и лошадей, Михейкину поручил так же безвыездно жить на конном дворе, следить за хоздвором. Везде усилили охрану. Договорился с заведующей сберкассой – если начнут в массовом порядке снимать деньги,

не выдавать! Закрыть сберкассу!

– Слушай, Татьяна Васильевна, может, вам уехать на эти дни. Ну, куда? Куда-нибудь! В гости поезжайте в Тайгинск, на Витим поезжайте, навестите дочь. Ну, сами придумайте, куда можно поехать.

– Да вы что, Георгий Александрович, а вдруг нападение какое, разграбят же все, сожгут еще, чего доброго сберкассу. Нет, никуда мы с мужем не поедem. Мы и так с ним всю ночь не спим, сидим, с ружьем наизготовку. Нет, уехать нам сейчас никак нельзя.

– Чего вы так опасаетесь? Охрану же усилили.

– Да, усилили. Я сегодня говорила с одним, так от него припахивает.

– Как припахивает, почему молчишь? Ну-ка, давай проверим охранников.

В караульной комнате сидели два молодых парня, о чем-то оживленно спорили. Когда зашли начальники – смолкли.

– Ну-ка, молодцы, подойдите сюда. – Георгий достал обычную милицейскую трубку, что пользуют «гаишники» при проверке водителей на алкоголь. – Дышите.

Ребята энергично подышали. Никаких следов.

– Здесь все нормально, Татьяна, давай вечернюю смену тоже проверим.

– Какая вечерняя смена, мы же дежуриим сутки через двое. Никакой вечерней смены не будет.

– Да вот, ребята, появились сведения, что один из сдавших вам смену был под хмельком. Не заметили?

– Нет, ничего такого не видели.

– Дайте-ка ваш журнал дежурства. Запись проверки сделаю. Да и замечание небольшое запишу.

Георгий написал в журнале предупреждение, что в случае появления на дежурстве кого-либо из охранников «под хмельком», виновный немедленно будет отправлен с Бульбухты, с соответствующим представлением по начальству.

«Записываю это только потому, что есть сведения – подобный случай уже у охранников был». И расписался.

– Татьяна, ты давай не играй в благородство. Тут только один раз пропусти, потом горя не оберешься – сказал Георгий заведующей, когда они вышли из караулки. – Ладно, не хочешь уезжать, не надо. Только не молчи, чуть что – звони немедленно. Деньги же! Разве перед деньгами кто-то остановится? Черт-те что могут наворотить! И мы с тобой, Татьяна, за все здесь в ответе. Так что не молчи, сообщай.

Но с этого дня Георгий сам, каждое утро звонил, все ли в порядке.

Позвонил директор.

– Как там у тебя обстановка?

– Да все в порядке, Валентин Михайлович, «пьют»!

– Как пьют? А работа?

– Драга работает. У дражников никаких ЧП. На драге постоянно сидит Подобреев. В поселке все тихо, но строители не работают уже третий день. В субботу немногие пришли под «градусом», к работе мы их не допустили. А с понедельника встала вся стройка.

– Так, может, хватит, может, прекратим этот «запой»?

– Нет, Валентин Михайлович, рано. Снова бунтовать будут. Вот пусть «попьют» как следует, да денег своих потратят изрядно, вот тогда и рассмотрим. Но денег из сберкассы мы им выдавать не будем.

– Как так? На каком основании?

– На основании, Валентин Михайлович, «закона джунглей». Я запретил лично. Если что, лично и отвечу. Вы об этом ничего не знаете. О сберкассе я имею ввиду.

– Ты там брось Робин Гуда из себя строить. Все я знаю и прятаться за тебя не собираюсь. Я вот что говорю, может, распоряжение по управлению сберкасс организовать? Ну, там – временно, в связи с недостатком денег?

– Да что вы, Валентин Михайлович, вы же должны это распоряжение обосновать, значит рассказать, что тут у нас происходит. Это же такая тема для районной, да и областной прессы, тут столько газетчиков понаедет! Испортим все. Не надо. Мы уж тут с Татьяной обо всем договорились. Нет, Валентин Михайлович, не надо. Справимся сами.

К концу недели первый, но серьезный звонок.

– Георгий Александрович, люди пришли за деньгами. Требуют, кричат. Что мне делать!

– Не выдавать! Скажи, нет денег, не привезла спецсвязь. Если что – ссылайся на меня. Не послал, мол, вертолет за деньгами начальник, обращайтесь к нему. Охрана в порядке?

– Да, все в порядке.

– Ты вот что, Татьяна, объяснила раз и больше к людям не выходи. Общайся через охрану. А ребята пусть предупредят – не разойдетесь, вызываю наряд милиции. На взлетной полосе Тайгинска дежурит готовый к вылету вертолет. Вот так пусть и объяснят ребята особо настойчивым. Ничего, успокоятся. В общем, смотри там. И будь потверже. Ничего они с тобой не сделают.

– Да, не сделают. Они же знают, что я нарушаю закон. Что деньги я должна выдать по первому требованию.

– Крепись, Татьяна, крепись я тебе говорю! И ссылайся на меня. Я на месте, в конторе. Если что, посылай их ко мне.

Георгий приказал охране – если люди придут, всех не пускать, пусть пошлют одного кого-то, пусть пошлют выборного. Со всеми говорить не буду, на собрании наговорились. Так и скажите, если придет кто-то сюда.

Пришли. В кабинет вразвалочку вошел все тот же Николай.

– Что, начальник, совсем у тебя мозги помутнели? Какое ты право имеешь на сберкассу? Она что, в твоём подчинении? Почему запретил деньги выдавать? Это же наши деньги, нами заработанные. И на книжку мы их положили. Тебе то – что до наших денег?

– Во-первых, ты не ори. Успокойся. А то я прикажу сейчас тебя арестовать, и посажу в каталажку. Есть тут у нас одна холодная кладовочка на конном дворе. Могу устроить на временное проживание. Ты же знаешь, что меня наделили особыми полномочиями. Вот и притихни, поубавь тон.

Ну, а во-вторых, что это ты, Николай, народ мутишь? Хочешь, чтобы я тебе «24 часа» организовал? Без тебя мы жили спокойно и всем были довольны, а ты приехал и давай воду мутить. Ты же денег заработать приехал! Дети же в Китое ждут! Пропить все хочешь?

– А это уже начальник мои проблемы. Ты выполняй, что тебе закон предписывает. А то ведь и на тебя управа найдется.

– Ну, вот что, Першин, передай всем, кто тебя послал – денег выдавать не будем! А с тобой я разберусь после этой всеобщей «пьянки». Если не одумаешься. Вообще-то, проверить, пожалуй, надо будет, зачем ты к нам сюда приехал?

– Это твое последнее слово, начальник?

– Нет, Першин, это мое первое слово. Последнее я еще успею сказать. И тогда посмотрим, на чьей стороне будут люди. Свободен! Охрана! Проводите товарища!

Прошла неделя. Пьянка не прекращалась. Георгий сел на своего Белоножку и уехал в лес, на ближнюю лесосеку. Как это не удивительно, в лесу люди работали. Правда, решили сделать работу полегче – зачищали лесосеку, убрали «подруб», гнилье, собирали в кучи оставшиеся от пожара сучья. Готовили к зиме пилы и другой лесной инструмент.

– Здравствуйте, здравствуйте. Вот уж где не ожидал увидеть работу, так это у вас, в лесу.

– Плохо же ты о нас думаешь, Александрыч. Да мы уже «напились» досыта, надоело. Вот, решили подготовить лесосеку к сдаче лесникам. Скоро приедут. Прибираем все, чтобы тебе не краснеть, а нам не платить штрафы.

– Что ж, молодцы. Вот и доказал ты мне, Устюжанин, что зря я в тебе сомневался, назначая бригадиром. Поехали, посмотрим деляну, что к вырубке готовите.

– Обедать у нас будешь, Георгий? – выглянул из вагончика Петя Новиков.

– А ты что, на дежурстве сегодня?

– Ну, кому-то ведь надо.

– Пообедаю, Петя, и с удовольствием. Вот прокатимся по «делянкам» с бригадиром и пообедаю.

Хорошо в лесу! Воздух пахнет хвоей, небо голубое и прозрачное, ни тучки на небе. Лес в этих краях хорош. Лесины по десять-пятнадцать метров высотой, крепкий лес, молодой, но созревший. На склонах повыше – сосна. Ниже долина заросла лиственницей. Хороший лес. На таком лесе и «кубики» выдашь, и заработок приличный. Достойный заработок.

Остановились на обширной по площади возвышенности, широкий увал у подножия большой сопки.

«Вот бы где погрузочную эстакаду построить! И подъезды хорошие зимой можно подготовить, и лес заготовленный есть где разместить, площадка широкая». А вслух спросил:

– Где, бригадир, эстакаду ставить будешь? Уже выбрал место?

– А вот здесь и будет эстакада. Как раз вот здесь, где стоим.

– Да, молодец, хорошее место.

– Мы, Георгий, решили эстакаду построить летом, до зимы. А то, как похолодает, когда заготовка должна идти полным ходом – мы занимаемся этой эстакадой. Сколько теряем времени. Сколько не выдаем заготовки!

– А как же здесь техника-то пройдет? Утонут же трактора на оттаявшем грунте.

– У меня, Александрыч, десять лошадей. Будем резать подходящие бревно, чтобы под силу одной лошади. Ну, можно, конечно, и спарить, можно по две лошади запрячь в упряжку. Но хочу бревен для эстакады лошадьми натаскать. А там уж, когда бревно будет на месте, ничего, нас шесть человек, накачаем вручную. В общем, к началу заготовки хочу эстакаду построить.

– А почему шесть человек? Остальные где?

– Так ведь летом работы в лесу немного. Отправил людей на стройку. Строителям передал. До зимы. А зимой ведь наоборот, стройка почти стоит, людей обратно в лес переводим. Ничего, не беспокойся, людей построить эстакаду и к зиме деляны подготовить нам людей хватит.

– Что ж, если получится с эстакадой, это было бы здорово! Это, считай, месяц выиграешь для заготовки. Давайте, действуйте. Чем надо помочь говори, поможем.

– Да ничего, Георгий, не надо, все у нас есть. «Цепей» нынче хорошо подбросили, хватит, думаю цепей на всю зиму. Главное бульдозер. Надо, чтобы к октябрю хотя бы один трактор был на деляне. Дороги надо строить, когда подмерзает. Чтобы вскрытая полоса быстрее промерзла. Тогда и дороги будут надежней.

– Будет тебе бульдозер к первому октября, обещаю. Ну что, бригадир, молодец, порадовал ты меня. Хоть один «светлый луч» в сегодняшней жизни. Поехали, бригадир, обедать.

Петя молодец, нажарил харюзов, да еще и вяленых приготовил Георгию с собой целую сумку.

– Бери, бери, что отнекиваешься. Скоро у вас там пивко пойдет, так вот к пиву и приготовили. На ближнем ручье, что в Бульбухту впадает, не думали и не гадали, что там рыба живая есть. А попробовали, боже ж ты наш, там чуть не полный ручей харюзов этих. Знали бы, что приедешь, мы бы тебе свеженьких наловили, живых бы еще увез.

– Да вроде без рыбы не живем.

– Ничего, ничего, это от нас, от лесовиков. Закусывай там на здоровье пиво свое. А что, Александрыч, может, по стопке? С хариусом то жареным, а? Теперь ведь у нас с этим делом свободно, а? Не побрезгуй, от души угощаем.

– Так с серьезными людьми почему и не выпить!

Пообедали, отдохнули немного, Георгий собрался в обратный путь.

– Приезжай, Александрыч, рыбачить. Богатый ручей мы здесь открыли. Пустым не уедешь.

– Так вы же, наверное, на сети рыбу берете? Какая же это рыбалка.

– На сети, конечно. Но для баловства здесь и с удочкой не соскучишься! Приезжай, все покажем. И удочки есть, не надо с собой возить. Приезжай в конце августа, начале сентября. Он попрут вниз, на зимовку, тут его хоть лопатой гребь. На голый крючок хватает, без всякой «насадки». Приезжай, славную устроим рыбалку. И на удочку, и на сети.

Вмешался бригадир.

– А что, Георгий, действительно, приезжай. К тому времени у нас и эстакада будет готова. Надо же тебе на эстакаду посмотреть. Вот и совместишь – и полезное, и приятное.

Георгий пообещал приехать.

24

Вторую неделю тишина на стройках Бульбухты. Не визжит натужно пилорама, не слышен стук молотков в столярке, замерли неподвижно деррик-краны на стенах недостроенных домов. Только драга поскрипывает черпаками, шуршит падающая в отвалы со стакара промытая галька, вздрагивает, наткнувшись на валуны, черпаковая рама. Дрожники на посту. Золота в доводке накопилось уже прилично, сдать бы золото в участковую кассу, сколько можно на драге его держать! Но нет, запретил Георгий вывозить золото с драги. Здесь охрана надежная, да и бригады дражные работают посменно, постоянно на

драге люди, круглосуточно. Кто осмелится посягнуть на драгу? В конторе не то. Там один охранник. Мало ли что может произойти в этом крошечном запове! Разные люди приезжают с «материка». За всеми не углядишь. Нет, нельзя пока вывозить золото с драги. Оно надежно опечатано в металлических банках, опломбировано, никто здесь на золото это не посягнет, никто на него на драге не позарится.

Георгий с утра ушел на драгу – посоветоваться с Володей Подобреевым надо. Пора, наверное, прекращать эту «пьянку», вся же работа стоит. Все, вводим снова наш «полусухой закон»!

– Конечно! Давно пора. Не знаю, что ты с ними играешь в эту «демократию». Давно надо было прекратить продажу спиртного! Все же работы остановлены. Где жить зимой будем? Заигрались вы, начальники, с народом. Да ты сейчас прекрати эту продажу, завтра они отоспятся, а послезавтра спасибо тебе скажут, что остановил беспредел этот.

– Не все так просто, Володя. Останови их раньше, опять бы бузу подняли. Надо чтобы сами убедились – не остановятся они, пока все свои сбережения не пропьют. Я вообще хотел так сделать, чтобы сами ко мне пришли. Не за талончиками на водку, а сами бы попросили – останови!

– А что, помногу денег снимают?

– Да не выдаем мы им денег. Закрыли мы сберкассу. Уже приходила делегация, шумели, даже угрожали. Но денег мы им так и не выдали.

– Да, представляю вашу «беседу». Но ты молодец, на это ведь тоже – решиться надо.

– Ладно, Володя. Ты тоже молодец. Драга работает, а это для нас с тобой главное. А достроить все дома нынешнего задела мы их заставим. Пойду я, пройду по поселку, в дома загляну, закрою магазин, столовую. Да, ты ничего не слышал? Говорят, новая повариха в столовой втихаря давно водкой подторговывает. По ночам. Большие, говорят, деньги уже заработала на этом. Слышал что-нибудь?

– Да когда мне сплетни эти слушать, Георгий. Мне бы с драгой управиться. Нет, ничего такого не слышал. Давай потрясем ее. Хочешь, я засаду организую – придет кто ночью, получит свое, а мы их тут как тут. Накроем. Давай?

– Да нет, не надо ничего такого. Сам все разужнаю. Если что, я ей «24 часа», а милиция привлечет за спекуляцию. Разберемся. Всё же здесь, на участке. Сами покупаем, сами и за руку схватим. Ладно, давай, работай, пойду по общежитиям. Ох и картинка там сейчас!

– Георгий! Вид у тебя уж больно усталый. Отдохнуть бы тебе надо. Съездил бы ты в отпуск!

– Наотдыхаемся еще.

Георгий обошел все три общежития, посетил некоторые квартиры, все было сонно, везде спали. Все двери настежь, заходи, бери что хочешь, никто не увидит, никто не заметит. Но ходить было некому и следить было некому. Бульбухта спала. На улице шумно играла в свои игры детвора, да жалобно повизгивали при виде человека голодные собаки.

Георгий поймал за руку пробегающую девчушку.

– Ну-ка, скажи мне, ты что сегодня ела?

– А я сегодня не ела. Мамка еще спит, и папка спит, а мы играем. Пусти, мне бежать надо. А то Светка ругать будет.

«Растут пацаны. Скоро ведь и школа понадобится. Да, не опоздать бы. Надо на следующий год строительство школы планировать. Вот летит время!»

Георгий зашел в магазин.

– Ну что, Надежда, много распродала водки?

– Ой, да что вы, Георгий Александрович, за год столько мы не продавали, как за эти две недели.

– Запасы-то еще остались?

– Да запасов у нас хватит. На год еще хватит, можно и не получать.

– Когда брать перестали.

– Последние дни брали уже понемногу, а вчера вообще никто не появился, ни одной бутылки не продала вчера.

– Значит «наелись». Что ж, Надежда, всё, прекращаем наш неудачный эксперимент. Закрываем «лавочку». Переходим на прежний порядок продажи спиртного. Магазин закрывай. И чтобы до четверга я тебя здесь не видел. Хлеб будем продавать в столовой. С остальным пока обойдутся. Детей в столовой покормим. Ничего, потратимся немного, но детей надо кормить. Родителям, думаю, дня три не до еды будет. Им бы успеть проспаться за эти дни. В среду проведем собрание, ну и начнем, наверное, работать нормально, в прежнем режиме. – Сел в кресло. Помолчал.

– Ты вот что, поезжай-ка ты в Тайгинск. До четверга. За продуктами там, еще за чем. Съезди, узнай, что там такого интересного на базе есть. Из дефицитов. Что отберешь, закажем вертолет, привезем тебя со всеми твоими «потрохами», что выберешь на базе.

– Да все у нас вроде есть, Георгий Александрович. Вот если только за зимней одеждой съездить. Там меховые изделия сейчас распределять по участкам будут. Шубы там, полушубки, меховая обувь. Да, точно, поеду, а то поделят, ищи потом свою долю. А так, из продуктов, все у нас есть. Это когда холодильника не было, вот тогда часто летали. За мясом, за колбасой, маслом. Ну, за всем, что испортиться может. А сейчас что, сейчас холодильник, сейчас запасов достаточно!

История с этим холодильником. Прибывают на Бульбухту люди, рабочие, строители, дражники, бульдозеристы. Все больше и больше людей. Кормить надо. А продуктов можно брать только дня на три-четыре – негде хранить продукты. Портится все летом, при северной сорокаградусной жаре, мгновенно. Много продавец не берет, боится сгноить, платить-то ей придется. Георгий договорился с якутами, мясо стали брать у кочевников раз в неделю и быстро распродавать людям, чтобы тоже не испортить в магазине – в магазинные холодильники много не спрячешь.

Георгий позвонил Зафесову, рассказал о своих бедах.

– Что хочешь предложить?

– Нам бы хранилище какое вырыть в земле. Вон у нас на той стороне гора удобная, прямо к реке плавно спускается склоном своим. Пробить бы в горе «камеру» приличную. В виде штольни. А зимой льда туда натаскаем – вот нам и холодильник. И с аэроплощадкой рядом, легко и быстро можно будет разгружать самолеты. Да и от реки не будем зависеть, как сейчас. Все у нас будет на той стороне. И складские, и холодильник.

– Идея отличная. Сам придумал?

– Нет, это Володя Подобреев – давай, говорит, самое «невероятное» предложу тебе. Давай пробьем «подземную камеру» и в ней устроим холодильник. – А я себе думаю, почему «невероятное»? Попрошу Марат Ефимыча, он мне с Артема проходчиков и организует. Ну, это как со взрывником и взрывчаткой. Как в тот, первый наш паводок. Когда лед взрывали. У вас там, на Артеме, хорошие связи. А мы бы за зиму «холодильник» этот освоили.

– Да, вы те еще выдумщики. С Подобреевым. Проект же нужен. Это же проходка и взрывные работы!

– Да что проект! Геология есть. Этот склон примыкает прямо к запасам, значит у геологов наверняка есть разрез этого контура. А проектный отдел проект этот за неделю сделают. Или опять же в Артем геологию передать, они же подземщики, им этот проект легче семечек.

Зафесов конечно все организовал. С Артема приехали проходчики, строители навезли им крепёжного леса, толстой доски напилили на пилораме. Мощная штольня, с отдельными камерами, с хорошей изоляцией, стеллажами и различными анкерными подвесками к зиме была готова. Зимой нарежали в водоеме паровыми резаками от дражного котла чистых ледяных блоков, уложили их в двойные простенки подземных камер, получился идеальный холодильник. Лед там лежал даже без малейшего подтаивания. Температура держалась в дальних камерах минусовая, ниже десяти градусов в самые жаркие дни. Вопрос хранения продуктов на Бульбухте был решен.

– Так что, Георгий Александрович, можно и сегодня улететь?

– Да, да, чем скорее, тем лучше. Поезжай, Надежда. Мы здесь управимся без тебя.

Зашел в столовую. Новая на Бульбухте повариха. Дородная. Видная из себя. Трудно с поварами на Севере. Да еще на таких вот отдаленных участках. Хочется, чтобы повкуснее людей кормили. Да не каждая ведь баба и наварить на триста человек вкусно сможет. Вот и ищет Георгий поваров этих. Был однажды на Витиме и там приглашал желающих профессионалов. Одна вот приехала, очень на неё надеялся Георгий. Но какая-то она уж больно «алчная». Говоришь ей – почему вдруг цены на обеды подскочили?

– Да как же подскочили, Георгий Александрович? У нас обеды почти вдвое дешевле, чем в городской столовой!

– Да ты что, Маруся, сравниваешь? В городской столовой и работникам зарплату платить надо, и за электроэнергию платить, да затраты по эксплуатации здания, на транспорт – да там же все эти затраты на обеды ложатся! А у нас как? Мы же все затраты по столовой на себестоимость берем. У тебя в стоимость любого блюда только стоимость продуктов должна входить. Чистая стоимость, без всяких наценок. Как же можно с городской столовой сравнивать? Ты вот где зарплату получаешь?

– Как где, в бухгалтерии.

– Вот видишь, в бухгалтерии, а точнее, в кассе участка. Так почему твоя зарплата должна входить в стоимость обеда? Нам твоя прибыль не нужна. Это одно из условий работы на Бульбухте – обеды по льготной стоимости. Основные затраты участок берет на себя, на свою себестоимость. Только стоимость продуктов должна входить в стоимость обеда. Понятно тебе это?

– Ну, я не знаю, у меня дешевле не получается.

– А тебе, Маруся, и знать ничего не надо. В бухгалтерии должны сделать тебе калькуляцию, вот и определятся все цены по твоей столовой!

Когда калькуляцию сделали, оказалось цены завышены более чем в два раза. Сделали сверку по полученным столовой продуктам, сверили с выручкой. Получилась подозрительная разница. Часть денег не была показана в отчетах. Георгий издал распоряжение и всю разницу вычли у поварихи из зарплаты. А теперь вот новые сведения, о подпольной продаже водки. Но это надо проверить. А проверить легко – сверимся с магазином, узнаем, почему столовой отпускали водку, сделаем ревизию – найдем концы. Не найдем – вызовем инспектора. Тот найдет. Но это после того, как начнем снова ритмично работать. Сейчас не до этого.

– Ну что, Маруся, как столовая пережила грозные дни «общепития»?

– Да не работала столовая почти. Некому обедать было. Так, брали кое-что женщины домой, а мужики вообще почти не приходили. Но драгу кормили без перебоев. В дражной столовой кормили, бачки

с варевом увозили постоянно. График не был нарушен ни разу.

– Хорошо. Драгу кормить продолжай, а в обед кормить детей будем. Родителям, я посмотрел, не до детей теперь. Здесь кормить будем, в столовой.

– А как с оплатой, Георгий Александрович?

– Кормить будешь под запись. Все оплатит наша бухгалтерия. Потом с родителей вычтем из зарплаты. Частично. Половину затрат может быть даже возьмем на себя.

– Заботливый вы начальник Георгий Александрович, ох заботливый...

– Ладно, ты, Маруся, не подлизывайся, а то еще подумаю про тебя, что виновата в чем-то. Устрою вот внеочередную ревизию, узнаешь тогда про мою заботу.

– С вами уж и пошутить нельзя – обиделась Маруся.

– Не до шуток мне теперь, кормилица ты наша. Пошли кого из женщин, пусть оповестят матерей о решении нашем по детям, да пусть и приведут детей в столовую. Покорми их, а то кто знает, сколько дней они уже без горячей пищи. Раньше нам спохватиться-то надо было. Ну да, лучше уж поздно, да спохватиться.

Георгий жил в небольшом отдельном домике, прямо на берегу реки. Домик стоял в пределах дражного полигона и со временем это место драга сработает. Но еще не скоро.

Отработку полигона спланировали так, что первые три года драга шла продольным ходом вдоль русла реки, уходила на самый верх подтопленного полигона, а затем спускалась поперечными ходами вниз до самой плотины и снова уходила вверх продольным ходом уже вдоль противоположного борта россыпи. Долина здесь была настолько широкой, что всех запасов по такой схеме отработки хватало аж на двенадцать лет. Так что домик Георгия попадал под отработку только через два года, когда вода затопит это место.

Хороший домик, старый, выдержанный, еще со старательских времен, скатанный из толстых бревен листовницы, он простоит еще сто лет, если не трогать его понапрасну. Перед затоплением домик этот можно перенести в новый поселок, подключить к благоустройству, шикарный будет домик. И не на одного человека. Георгий так и задумал – перенесу, если все у матери будет благополучно, этот домик в поселок, пристрою еще пару комнат, может, и мать сюда перевезу.

Нравились ему места здешние – тайга нехоженная, охота, рыбалка. И люди. Люди на Севере становятся какими-то другими, более домашними, что ли. Приезжают с «материка» злыми, придирчивыми, подозрительными, но проходит какое-то время и люди меняются совершенно. Дружелюбие, доверчивость, доброта, все, что в человеке заложено изначально, при рождении, на Севере это очень быстро проявляется. Удивительные отношения у людей складываются на Севере. Суровый климат видимо смягчает человека, делает его коллективным, общественным. Стадным? Возможно.

На Севере в одиночку не выживешь, не проживешь.

У домика, окруженный забором разработан небольшой огородик, и даже маленький парничок. Раньше в домике этом располагался медпункт. Огород этот и разработала Татьяна, фельдшер. Молодая, очень приятная женщина. Что-то у них там произошло с мужем, разошлись они, вот она и приехала на Бульбухту. Георгий предложил ей оставить за собой огород. Георгию он ни к чему, заниматься посадками он не собирался. А Татьяне очень нравилось вести свой огород, свое хозяйство. Она даже не хотела переезжать в новую двухкомнатную квартиру, куда перевели медпункт. В одной комнате и кухне жила фельдшер, а в другой, изолированной, отдельная дверь, она принимала редких больных. Но при острой нехватке жилья Георгий не мог позволить себе выделить квартиру фельдшеру, а отдельное помещение

занять еще и под медпункт. Пришлось Татьяне переезжать в новый дом. А освободившийся домик Георгий занял сам.

Новые квартиры он отдавал дражникам и бульдозеристам. Татьяна каждый вечер приходила обрабатывать оставленный за ней огород. А вскоре сама предложила уход за холостяцким домиком Георгия – прибрать там, сварить что-нибудь на ужин, постирать в стиральной машинке. Зимой – протопить печку. Естественно, что очень скоро она осталась у Георгия и ночевать. С тех пор частенько снимал Георгий дневной стресс рядом с ласковым, бархатистым женским телом. Бульбухтинская молва давно уже их поженила. Но между ними разговора о женитьбе никогда не заводилось. Их устраивали сложившиеся отношения.

У домика, вдоль забора, от самой калитки начиналась широкая, зеленая лужайка. Георгий выглянул рано утром в понедельник в окно. Вся поляна была занята собравшимися людьми. Сонные, опухшие, они с утра решили подкараулить Георгия у дома и выпросить хотя бы бутылку на похмелье.

Георгий позвонил на конный двор.

– Михайкин? Ты вот что. Оседлай мне Белоножку и подгони к дому. Во двор въезжай не останавливаясь. Тут меня осадили любители «свободной выпивки». Так ты с ними не разговаривай, въезжай во двор не останавливаясь. Понял меня? Давай, подъезжай.

Верхом на коне Георгий и выехал на лужайку.

– Ну что, молодежь, отоспались? Всем по домам. Отсыпайтесь еще два дня. В среду общее собрание, там все и обсудим. Сейчас не будем устраивать собрание. Я в лес уехал. Так что, отдыхайте.

– Александрыч, имей же совесть, ну дай еще раз по бутылке. И все на этом. Опохмелимся и все. Закрываем лавочку пьяную. Ну, еще один раз, Георгий! Последний.

– Ребята, да где же я возьму-то вам? Магазин же закрыт. Надя в Тайгинске. Там что-то распределяют. Что-то ценное для вас. Так что, не обессудьте. Я бы вам и свое отдал, но у меня нету. Я и не брал ни разу, ни одной бутылки. Так что отсыпайтесь, выздоравливайте. А в среду всех прошу на собрание. – И ускакал.

В среду с утра люди дружно вышли на работу. Но мастера и распорядители работ сообщили им, что к работе никто допущен пока не будет. К двенадцати часам надо всем быть в поселковом клубе, на собрании. Там начальство будет определяться с дальнейшей работой каждого.

Прозвучало довольно тревожно, люди притихли, насторожились. Ждали оргвыводов, наказаний. Еще бы, две недели сплошного «прогула»!

«Вот и допились, черт нас всех побери! Сейчас повыгонят половину, или вообще с Бульбухты отправят. Куда подаваться? Деньги пропиты, сберкасса не работает. Вот ведь влипли так влипли».

К назначенному времени в клуб люди набились битком, сидеть уже негде, вдоль всех стен люди стоят, да и вокруг клуба полно народу, женщины пришли с детьми – так «пожалобней» будет. Всем известно – любит начальник детей.

Георгий еле пробрался к столу на сцене. Сидел, молча вглядывался в людей. И вдруг неожиданно, без всякого предисловия спросил зал резко:

– Ну что, господа хорошие, дальше что делать будем? В зале тишина.

– Ну, что молчите. На прошлом собрании громко кричали. Чего молчите? Ждёте, когда я вам доклад сделаю? О текущем моменте?

– Георгий Александрович! – Кто-то поднялся в глубине зала.

– Ну, ты не томи, скажи сам. Что нам за эту пьянку полагается? Выгонять что ли будешь?

– Ага, счас. А дома кто достраивать будет? Снова везти людей из Иркутска? А они, думаете, лучше вас будут? К нам вон из Китоа один приехал. Так что, под него «плясать» будем?

– Александрыч, да ты нам разреши, мы ему сами морду набьем. Инициатору этому. Столько денег пропито! А сколько потеряно, не заработано за эти дни, за две-то недели!

Встал молодой парень, из тех, что кричали на прошлом собрании против «запретов», за «свободную» продажу алкоголя на участке.

– Георгий Александрович. Наша бригада, что обслуживает пилораму и столярку, мы тут посоветовались и предлагаем – давайте оставим все как было. Как было до этой дурацкой пьянки. Хорошо же было! Все знали, что после баньки, в субботу, можно немного выпить, отдохнуть. И все с легкой головой шли по утрам на работу. Мы же все тут друга-друга знаем. Мы же здесь как одна семья. И всем нравились наши порядки. Не поверите, я, как зимой домой приехал, рассказал, как мы здесь живем, какой у нас здесь «устав», какие порядки, так мне никто не поверил. Что у вас там, «коммунизм» что ли уже построен, спрашивают. И мы гордились, хвастались нашим здесь порядком. А тут, поверь, Георгий Александрович, никто ведь толком и не понимает, что с нами со всеми случилось, с ума все посходили, что ли. Прямо «гипноз» какой-то. Провели, называется, «эксперимент».

Мы предлагаем, сейчас не надо торопиться, не надо никого наказывать. А вот если еще кто «бузить» начнет, мы сами его выгоним метлой поганой. И не в 24 часа, а сразу, как только бузу эту начнет устраивать. Отправим пешком по тайге. Да еще и навешаем на шею «гостинцев» подходящих. На дорогу. Чтобы надольше ему хватило!

Соглашайтесь, Георгий Александрович, это мудрое будет решение. И мы все теперь вам будем хорошими помощниками. В этом «пивном» деле.

И прорвалось. Заговорили все. Шум стоит, гам. Уже и с улицы кричат что-то. В зал пробрались женщины.

– А от нас, от всех бульбухтинских женщин, мы скажем так – спасибо, товарищ начальник, что деньги наши сберегли, пропить мужикам не дали! Спасибо, что сберкасса вовремя закрыли.

– Ну, уважаемые женщины, пропить-то деньги не только мужикам не дали. Вы от них, по-моему, нисколько не отставали!

В зале сначала засмеялись. А потом поднялся хохот. Всеобщий, дружный. До слез.

Но это уже были слезы облегчения. Вроде все разрешилось по-людски, по-хорошему!

– А еще особое спасибо, Георгий Александрович, – это уже другая женщина, – что о детях наших позаботились. За это двойное, ну, я даже не знаю как сказать, ну очень большая вам благодарность! От всех наших и женщин, и мужиков. От всех нас, бульбухтинцев!

Георгий поднялся.

– Ладно. Давайте, так и порешим. Не будем делать никаких оргвыводов. Кому они нужны. Мне нет, а вам? – снова смеются в зале. – Но у меня условие. На Руси всегда так было, что – «делу время, а потехе час». Мы с вами все перевернули. Но «дело» то сделать надо! Раз уж этот «час» и забрал всё наше свободное время! Так что теперь работаем без выходных. Отпуска все задерживаем. Или вообще отменяем. Потом, после завершения стройки, отгуляете. Надо запланированные дома к зиме в эксплуатацию сдать. Сутками будем работать, но дома надо сдать! Всем понятно? Все согласны? Есть по этому поводу какие-то вопросы? Давайте сейчас все обсудим и порешим, чтобы потом недовольных не

было!

– А дражникам как?

– Дражники работали, золото добывали, причем здесь дражники? Дражники работают в своем режиме.

– А строители согласны! Надо же деньги пропитые возвращать. – И снова смех. Смех довольный, радостный. Наконец-то этот кошмар закончился!

На том и разошлись.

25

В стране развернулась предпраздничная подготовка к юбилею. Приближалась знаменательная дата – пятидесятая годовщина Советской власти. На всех радиоканалах звучали приветственные поздравления трудовых коллективов, радостные рапорта великих достижений.

На Севере телевидения не было, обходились радионовостями. Слушали радиорапорта.

Пятьдесят лет. Если исходить из скоротечности исторических периодов, то пятьдесят лет – какой же это период. Советская власть со времени ее образования прожила один только миг, одно мгновение. Пятьдесят лет для нового государственного строя, для невиданного еще в истории человечества общества – это еще даже не детство. Это младенчество. От племенной Руси до имперской России государство строилось более двух тысяч лет. Да ещё и неизвестно – сколько до этого. А тут всего-то пятьдесят. Что можно успеть за пятьдесят лет?

Жил на Бульбухте в заброшенной старательской избушке старый-престарый еврей. Откуда он приехал никто не знал. Не знал даже Георгий, хотя он его принял, дал возможность поселиться в поселке, отвел ему готовую к сносу подгнивавшую полуразвалившуюся баньку, что служила верой и правдой старателям лет пятьдесят назад, выделил материалы для ремонта и дядя Миша, так все звали его в поселке, сам, без чьей либо помощи отремонтировал домик, привел его в жилое состояние, и жил там, никому не мешая, никого не трогая, ни с кем не общаясь.

А принял старика Георгий за мастерство его, за его золотые руки.

– Я столяр-краснодеревщик. Можно даже так сказать, что я мебельщик. Но очень высокого уровня. Дай мне нетрудное по времени задание, начальник, и я докажу тебе, что не хвастаюсь.

– Так он отрекомендовался при встрече.

Георгий посмеялся, но согласился. Дал ему задание сделать небольшую книжную этажерку, на четыре-пять маленьких полочек, чтобы установить её можно было в любом свободном уголке небольшой, ну, скажем, однокомнатной квартиры. Или в небольшом служебном кабинете.

Каково же было его удивление, когда на второй день старый еврей принёс ему в кабинет настоящий «шедевр». Небольшая, полтора метра высотой и шестьдесят сантиметров шириной легкая этажерочка, пахнущая свежим бесцветным лаком, вся была сложена из точеных, словно на токарном специальном станке ножек, стоек и изящных вверху башенок, легкие полочки обрамлены ажурными деревянными кружевами, словно их кто-то сплел на волшебном станочке.

– У тебя что, Миша, есть специальные инструменты для таких вырезок?

– Ножички, ножички, Георгий Александрович, все это сделано ножичком, вручную. Я же тебе сказал, мастер я. Высокого класса. Любую мебель сделать могу. По заказу.

– Вот и делай! Много у нас теперь «новоселий» будет. Принимай заказы, делай. Давай заключим с тобой договор, условимся по оплате и выполняй заказы бульбухтинцев. А будет кто доплачивать за качество – то твоё.

– Нет уж, товарищ начальник, никакой «доплаты». Давай оговорим всё в нашем контракте. Я согласен. Делать людям добро – мое предназначение в этой жизни.

– Знаешь, Михаил Моисеевич, впервые вижу такого мастерового еврея. Я понимаю – еврей торгует мебелью. Но чтобы самому делать, да еще с таким мастерством, с такой выдумкой – такое встречаю впервые. Может, ты и не еврей вовсе?

– Много вы о нас, о евреях знаете. А кто жизнь создавал на земле-планете нашей, кто начинал всё вершить-строить? Не мы, не евреи? Вы ведь о нас и не знаете ничего толком. Как и о себе самих, впрочем, тоже ведь толком ничего не знаете!

– Обиделся?

– Нет, Георгий, не обиделся. Расстроился. Разочаровался.

И делал дядя Миша мебель по заказам новоселов. Родовались люди – разве такое в магазинах найдешь, разве такое купишь!

Очень дядю Мишу любили дети, вечно вокруг него роем кружилась поселковая детвора. Рассказывал он им бесконечные сказки. Сам ли придумывал, знал ли столько, только пацаны восторженно рассказывали родителям по вечерам об услышанных от дяди Миши чудесных историях.

Приближались «ноябрьские» праздники. Промысловый сезон закончился, драгу остановили, в субботу истопили славно баню, новую, только запустили, «парная» там была всем на загляденье.

Так совпало, что дядя Миша сошлись с Георгием вместе в свежей парной. Веники свои, своей июньской заготовки, хорошие веники, «выносливые», напарят-нахлещут любо-дорого. Был бы напарник охоч до горячего пару, да вынослив. Старый еврей оказался на удивление и охоч, и вынослив. Напарили они друг друга, нахлестались вдоволь, еле выползли из парилки, остудились пивом, разговорились.

– Тебе ведь наш праздник, Моисей Моисеевич, наверное, и не праздник вовсе, а так, неприятные «большевистские» будни. Натерпелся, поди, от советской власти, насиделся по лагерям да тюрьмам. А?

Старик посмотрел на Георгия долгим немигающим взглядом, вздохнул глубоко и улыбнулся.

– Ну, зачем же так-то уж, снисходительно-то так зачем же. Не Моисей я, а Михаил. Теперь уж до кончины своей Михаилом останусь. А Моисеич – да, Моисеич я. Но ведь я никогда и не скрывал этого. А что до праздника, так я ведь как скажу, а что вы о «своих» праздниках знаете? Знаешь что, Георгий, пойдём ко мне, в избушку мою. Приглашаю тебя в гости, да-да, приглашаю. Посидим, пивка попьём после баньки. Здесь принародно неловко как-то говорить о таких «тонкостях». Об обиде, лагерях, тюрьмах. А одни будем, порасскажу я тебе о «ваших» праздниках. Такого порасскажу, чего ты никогда ни от кого не услышишь. Ни в какой «политэкономии» не прочитаешь. Если не побоишься ты послушать старого «троцкиста». Ты ведь прав, я «зэковец» заслуженный, со стажем!

– А чего мне бояться, не «тридцатые» годы. Пошли, послушаю тебя. Соглашусь не соглашусь, не знаю, а послушать, чего стесняться, послушаю.

И разговорился старик.

... Это только в столице на весь государственный переворот понадобились сутки.

Царь «отрекся» от власти. «Предал» вверенный ему самим господом Богом народ. Оставил его в «хаосе» и недоумении в самое трудное для народа время – а что же дальше? Царя вскоре этот самый

«хаос» и расстрелял – «предателей» на Руси всегда казнили. Если, конечно, действительно расстреляли. Тут, как говорят, тоже «есть варианты».

Временное правительство своим бездействием подготовило новый революционный переворот. На штурм и низвержение «бездействующего» правительства не понадобилось много времени новым революционерам. Революционерам, получившим нежданно-негаданно, с приездом в Россию Ильича, солидное финансовое довольствие. Что и позволило забытому уже в России Ленину возглавить революцию. Известно ведь, кто платит денежки ...

В провинции все было много сложнее. Там для захвата власти понадобились резня, разбой, уничтожение всех «предшественников». В провинции действительно – «совершалась революция». Затем становление, утверждение, подчинение всех и вся под новую начальственную руку, тоже не без насилия и крови, и как результат – гражданская война. Война, которую царские генералы проиграли нищему народу, несмотря на помощь богатейших стран мира. Бездарные были генералы. Сами не знали – чего хотели. Хотя ведь сами всю кашу и заварили! Семнадцатый-то с «февраля» начался, не с «октября». Столько людей загубили. А теперь их чуть ли не в «святых» защитников Руси выдвигают!

«Умом Россию не понять»... Особенно вашу, «прости меня Господи», новую Россию.

Ну да, жить-то надо. Где-то к двадцать пятому году разобрались между собой новые, победившие революционеры – «кто есть кто».

Но «в верхах», после смерти Ленина, возникла новая проблема – кто кого главнее. Кто самый главный, кто может руководить всеми заслуженными, боевыми революционерами. Все они были одинаково преданными идеалам новой революции, одинаково мудрыми, одинаково смелыми. Кто же из них самый, самый? Надо разобраться, надо определиться, надо им выдвинуть своего вождя – самого, самого...

На это «выдвижение» уходит еще добрых пять лет. Наконец и с этим определились. Оказалось – самый главный, самый «вождь» из всех вождей, всеми теперь любимый, самый теперь умный и самый теперь мудрый – это дорогой товарищ Сталин!

Но товарищ Сталин не мог «один» управлять страной, он, да в то время и не только он, никто тогда еще не знал – что надо делать с этой новой и никому непонятной Властью, каким «новое» Государство должно быть, что теперь надо строить, как надо строить?

Вождю нужна команда! Его команда, команда товарища Сталина. Ибо товарищ Сталин, получив доступ ко всем государственным и партийным секретам, неожиданно узнает, что товарищ Ленин никакой не вождь мирового пролетариата, никакой не организатор социалистической революции. Товарищ Сталин узнает, что товарища Ленина заслали в Россию «враги». И заслали не с целью сделать русский истрадавшийся народ счастливым, нет, это ещё успеется – с целью подчинить этот народ интересам Мировой Революции. Подчинить и Россию, и сам этот настырный и несговорчивый народ Мировому Пролетариату! А если не будет «подчиняться» – «опускать» и «опускать» его, до самоуничтожения! И так, постепенно – подчинить! Поставить на колени! Перед Мировой Революцией! Перед Мировым Пролетариатом.

А кто будет входить в этот Пролетариат, они уж как-нибудь сообразят!

И действительно, Сталин видит, что в ленинском пролетарском правительстве все ключевые посты заняли вчерашние дворяне, ставшие вдруг «пламенными» пролетариями (пройдет чуть больше шестидесяти лет, и эти «пламенные пролетарии», или их дети и внуки, на ступеньках московских подземных переходов будут доказывать свое «дворянское» происхождение!), а из всех «пролетариев» только он и есть самый, что ни на есть пролетарий.

Сталин не растерялся и не испугался, но резонно решил, что все, пришедшие с Лениным соратники-революционеры, они и есть сокровенные «враги». Враги России! Причем, враги скрытые, затаившиеся. И у них та же, одна единственная цель – уничтожение России. Россия им не нужна! Им нужна Мировая революция! Даёшь Мировую революцию! Даёшь «общевселенское» пролетарское государство!

Но самое главное, что понял товарищ Сталин, прежде всего прочего, что задумали его «соратники» – это уничтожение его, главного и единственного пролетария в новом руководстве! К тому же все они, эти вчерашние князья и дворяне, все они и сегодня в стране самые «главные», все они и в новой стране, в новом правительстве, в новой партии занимают «ключевые» руководящие посты.

Сталин принимает единственно правильное для защиты революционных завоеваний и для утверждения себя самым что ни на есть главным, единственно умное в его условиях, в его положении решение – власть мало захватить, власть надо уметь удержать! – всех ленинцев уничтожить немедленно, безоговорочно, беспощадно!

Что и выполнено в короткий исторический срок. Под разными предлогами и без проволочек. По завистливым доносам самих же испугавшихся «ленинцев». И их соратников. А раз есть сведения, что сосед ваш, или сослуживец ваш враг – чего уж тут рассуждать – враг, он и есть враг! Врагов надо уничтожать! Вместе с ленинцами уничтожили и всех «подручных» тех ленинцев. Много, тысячи? Ничего, все это во имя строительства новой социалистической России! Да, конечно, попали в «мясорубку» и порядочные люди, но уж очень доносы были убедительными.

«Мы вам сами откровенно сообщаем и пишем – вот он враг». Старый «заслуженный эзковец», как он сам отрекомендовался, замолчал на недолгое время. А Георгий, словно поддавшись «разоблачающему» рассуждению, вдруг задумался...

... «Странно всё-таки складывается жизнь человеческая – кто с пеной у рта кричал вчера «против», тот и с сегодня кричит против. «Позавчера» против царя, «вчера» против «большевиков», а «сегодня» и против новой власти. И тоже «с пеной». Но с уровня новых «пьедесталов». С тех пьедесталов, которых они и достигли-то именно благодаря раскритикованной ими Советской власти! Ну, никакая власть им не по нутру! Митингуют и митингуют. Куда уж больше? Вся страна уже перемешана, перемолота! Чего вам еще?

Снова, глядишь, «домитингуются» до чего-нибудь».

... – С ленинцами кое-как, наконец, разобрались. – Услышал Георгий, словно откуда-то со стороны, продолжение рассуждений старого еврея. – А как быть с Лениным? Ленин умер. Товарищ Сталин давал на похоронах «клятву» следовать заветам Ленина. И чему теперь следовать? Нет, конечно, Ленина теперь трогать нельзя. Вся революционная идея рухнет. Все же строилось на его имени! С его соратниками разобрались. Их хозяин и кормилец «хитрый» Парвус тоже «почил» к тому времени, чего уж теперь суетиться. Пусть «спит спокойно» в своем мавзолее великий «вождь» мирового пролетариата. Оставим за ним это звание. Никому он теперь не мешает.

«Спи спокойно дорогой товарищ».

И вот, только закончив все эти вынужденные административные операции, утвердившееся у власти новое руководство огромной страны смогло, наконец, приступить к разработке и строительству нового, только теперь вождями продуманного и сконструированного общества. Какого? Может быть – социалистического общества? Может быть. Посмотрим, что у нас получится. Главное сейчас – стать сильными! Непобедимыми!

Но... на разработку и внедрение этого грандиозного, общемирового значения проекта строительства нового, невиданного ещё в истории человечества общества, история отвела новым организаторам-руководителям чуть более десяти лет.

На пороге «стояла» война, все ее видели, все ее ощущали, а многие уже и попробовали на вкус – на Дальнем востоке, на Севере. Мировое капиталистическое сообщество боится потерять свои заработанные непосильным трудом мировые богатства, отдать все на съедение мировому пролетариату. «Младенца» нужно уничтожить в колыбели, не дай бог вырастет, оперится, наделает тогда делов в мировом масштабе, натворит черт те чего, уничтожит всех мировых богатых с их мировым богатством.

Что? Не станет нищих? А где же тогда брать дешевеньких рабочих? Да, в своей стране рабочих надо кормить и платить им достойно, чтобы тишина и покой в родной стране процветали.

Но нельзя допустить такого в мировом масштабе. Мировая «рабочая сила» выйдет тогда из подчинения, плати им тогда зарплату как и своим рабочим, что же с нашей тогда прибылью будет? Плакали тогда наши денежки? Нет, «капиталистическое сообщество» этого допустить не может.

Война! Война и блокада! И открытая, и тайная война этому непонятному строю, который почему-то называли ещё и «коммунистическим». По Марксу что ли? Маркс что? Маркс ладно, одним теоретиком-утопистом больше, одним меньше, что с того? Чем бы «дитё» не тешилось! А тут, на тебе, не утописты-теоретики, тут «практики»! Да какие! Один Сталин чего стоит. Руководители самых мощных в мире держав трепещут при его имени и не могут усидеть при его появлении – непонятная сила подымает их из мягких кресел и встают они по стойке «смирно» когда он входит!

Все уже давно поняли, что Сталин – это новое время, новый строй, новая эпоха. Называй это «ихнее» общество как хочешь, хоть социалистическим, хоть коммунистическим, но раз у них Сталин, значит – у них сила!

Нет! Здесь всем «пламенным капиталистам» надо объединяться. Забыть на время дележ территорий, местные «семейные» разборки. Здесь надо всем заодно!

Война!

И время. «Время работает на нас»!

Справились же, слава богу, когда-то с Кромвелем, потом, во Франции, с Робеспьером! Справимся и со Сталиным, и с его новой Россией. Что такое этот Сталин! Ему и сейчас-то за шестьдесят. Подождём! «Ничто не вечно! И никто не вечен!»

Терпение и время – вот наши сообщники! Наши «союзники»! Война! И блокада. Отгородить этот непонятный мир жестким «занавесом», не давать ничего – ни продуктов, ни техники. У них ничего же нет! Не создадут же, право, из ничего эти «голоштанники» и промышленность, и сельское хозяйство. Из чего?

Не давать. Не давать ничего. Никакой торговли. Никаких взаимоотношений. Никакой помощи. Пусть вымирают! Занавес! Железный занавес!

Русские «новые» революционеры понимали, чтобы защитить страну, новый, придуманный ими строй, нужна мощная, оснащенная армия! А значит – нужна «индустриализация всей страны».

Но «голодную» индустрию надо чем-то кормить, надо кому-то кормить, а деревни нет, деревня разрушена собственными войнами, деревня разграблена то «белыми», то «красными» боевыми отрядами, мужики в деревне или перебиты, или ушли в ту же индустрию, некому на деревне ни пахать, ни сеять.

И тогда приходит новое гениальное решение – «коллективизация». Собрать в деревне всех живых и мало-мальски способных к работе, имеющих хоть какую-то живность, хоть какой-то инвентарь, собрать всех крестьян в одну артель. Вместе они и выживут, и что-то вырастят для возникающей индустрии.

Но – как всегда на вашей «непредсказуемой» Руси, по извечно протяжной песне – «хотели как лучше, получилось как всегда». Вместо того, чтобы сберечь сохранившиеся после всех разбоев немногочисленные

хозяйства, помочь оставшимся после разрухи мало-мальски обеспеченными крестьянам, а потом получить от них максимальную отдачу, всемогущие комиссары объявляют этих крестьян «кулаками», кровопийцами (у кого там было пить-то?), грабят их и выгоняют из разоренной деревни. Высылают «в никуда» единственных, кто мог ещё хоть чем-то «город» кормить!

И ты думаешь – это случайность? «Недомыслие»? Нет! Всё здесь «продумано».

Кто всё начинал! Конечно, начинал Ленин!

Именно Ленин назвал зажиточных крестьян «кулаками». Ленин знал «что делать»! С Парвусом у них всё оговорено! Уж они-то точно знали – убьёшь русскую деревню, убьёшь Россию! А для комиссаров в той деревне какие могут быть рассуждения – раз уж сказал сам Ленин, нам-то что рассуждать! Всех этих зажиточных – «под корень»! Расстрелять, выселить, уничтожить!

Не спасает деревню даже статья-предостережение нового Вождя – «Головокружение от успехов» – куда там, «маховик» раскручен, «комиссары» в работе. И подручные «ленинцев» тоже.

Задуманная ради спасения деревни «коллективизация» умело повёрнута против той же деревни. «Коллективизация» сознательно обрекает эту деревню на голод!

Разгромлены лучшие производительные силы, осталась «нищета», безотцовщина, а нищета она и есть нищета. Хоть в деревне, хоть в городе. Много ли с нее возьмешь?

Да, наделано немало «ошибок». И одна из главных – удар по православной России, удар по религии.

Но ошибка ли это? Думается, нет, и это не ошибка! Парвус и его ставленники хорошо знали – православную Русь можно расколоть только развенчанным православием. И бьют по Русской Церкви. Это надежная гарантия того, что – как бы ни повернулись дела в новой России, мира там никогда не будет. Постоянная смута, вот чего добивались «враги» России. А что такое «смута» на Руси знала вся «цивилизованная» Европа.

И первые ленинские постановления, распоряжения, письма – «расстреляйте сотню-другую попов, и чем больше, тем лучше»!

Сталин, придя к власти, пытается спасти, смягчить ленинские распоряжения, проводит ряд встреч с церковными служителями, даже облетает с тысячелетней иконой Москву перед нашествием новых «варваров». В ноябре 1942 год, накануне грандиозной Сталинградской битвы, Сталин получает от Российских богослужителей благодарственную телеграмму, в которой Церковь называет Сталина «Богоизбранным Вождём», а уже через год, в сентябре 1943 года в России впервые после Петра 1, через двести сорок три года (!) после отмены – восстанавливается Патриаршество! Новым Патриархом Всея Руси Поместный Собор избирает Митрополита Сергия.

Да, да, не надо морщиться! Я понимаю, что ты имеешь в виду!

1917 год, ноябрь, избрание Патриарха Тихона! Но это случилось от необходимости, и на короткий срок. Священный Синод тогда практически «самоликвидировался» – после «отречения» Царя! А спасать Церковь как-то надо, вот, Русский Священный Собор и принял решения, без участия и согласия «светской» власти восстановили Патриаршество. Но – надолго ли? Со смертью Святого Тихона Патриаршество на Руси снова прекратилось!

Митрополита Петра, ставшего «Местоблюстителем», в тюрьму отправили, и, если бы ни Сталин, наверное вряд ли бы Патриаршество в России снова было восстановлено. По крайней мере, в ближайшие годы. А апрельское постановление 1945 года? Оно же практически восстанавливало Православие в Стране! Отменяло «антирелигиозное» постановление 1929 года! Думаю я, дорогой мой Георгий, что со смертью Сталина это восстановление Церкви надолго откладывается. Потому что, с «приходом» Хрущева, всё

положительное, что было при Сталине, «изничтожалось» и на Церковь Русскую опять «наехали» с притеснениями! Поэтому, поверь уж мне, истинное восстановление Патриаршества в России состоялось именно тогда, в 1943 году. И благодаря именно Сталину!

И именно тогда, после 43-го, кажется, лёд тронулся...

Хотя, дело, конечно же, уже было сделано – многие церкви к тому времени разгромлены, загажены, осквернены. А Церковь – не может простить и никогда не простит Сталину взрыв Великого храма!

На изменение государственного курса к православной церкви, которая, Сталин это понимает, есть душа, ум и честь русского народа, времени уже не остаётся.

Все шире и масштабнее развивается задуманная мировой денежной элитой война. Вот она уже не на пороге, уже гремит, стреляет, уничтожает все на своем огненном пути по всей неоперившейся социалистической земле. Революционеры объявляют соотечественникам новый лозунг – все силы на войну с нашествием!

Кто и как проморгал это нашествие? Разведка? Но если неизвестный вождю разведчик из далекой Японии завалил предупреждениями о готовящейся войне и даже указал точную дату нападения – да кто он такой! А если провокатор? – то родной брат могущественного министра и соратника вождя, находясь в самом логове врага, в Берлине! – общаясь с приближенными фюрера, имея куда уж достоверней информацию! – от офицеров Генерального штаба! – убеждает своих революционных начальников, что фюрер о войне с Россией не помышляет, куда ему до России, ему бы с Европой справиться! – кому больше доверия?

Думается, никто там ничего не проморгал. Информационные способности немецкой разведки, её аналитический центр, сумели придумать и исполнить величайшую дезинформацию! И этим переиграли разведку советскую. Трудно, конечно, военным в этом признаться, да ведь из песни слов не выкинешь...

Но Россия, под твердым руководством товарища Сталина, к тому времени уже крепкий орешек! Она в очередной раз удивляет, поражает, восхищает весь «перепуганный» мир. В жестокой борьбе с во всём превосходящим ее противником Россия выходит победителем и становится Великой Непобедимой Державой.

Вот только теперь, после всех этих испытаний, после всех этих нашествий, только «застолбив» свое истинное место в мировой иерархии, Россия вместе со всеми своими братскими народами в шестнадцати союзных республиках смогла, наконец, приступить к собственному строительству. Строительству новой, незнакомой миру экономики, государственности, незнакомому миру общества.

Но и на это, задуманное революционерами государственное строительство, история отводит Социализму менее десяти лет.

Умирает Сталин. Нарботки его команды так прочны, жизненны и необходимы новому обществу, что еще добрых два десятка лет развитие государства идет по их проектам, по их планам, по их задумке.

В стране к тому времени создана и продолжает развиваться мощная энергосистема, с крупнейшими в мире гидро-, тепло- и атомными электростанциями. Развилась и продолжает наращивать объемы золотая и алмазная промышленность, металлургия, станкостроение, авиация, флот, горнодобывающая индустрия, машиностроение, речное и морское пароходство. Идут к завершению поиски предсказанной революционными учеными мощных запасов нефти и газа. И уже бьют нефтяные фонтаны в Татарии, Башкирии, Западной Сибири! Создана и вызывает восхищение Армия, служить в которой каждый советский юноша считает для себя великой честью. (Ты-то должен помнить, Георгий, как в те годы пугали юношей – будешь плохо себя вести, не возьмем в армию!).

И новая экономика. Создаются новые экономические законы, по которым страна богатеет на глазах изумленного капиталиста. Крупнейшие мировые экономические фирмы перестраивают свою экономическую структуру под новые стандарты, под новые построения, под новые показатели, разработанные этими смелыми революционными экономистами!

И валюта, которую никто не хочет признавать! Еще бы, как же её признаешь, когда могучий американский доллар – мировая валюта! – на деле простая бумажка, стоимостью в пять центов. И предъяви весь экономический мир одновременно этот «бесценный» доллар американскому банку к оплате – да чем же его оплатишь? Сразу наступит Мировой Валютный Кризис!

А этот, пугающий весь капиталистический мир, Советский Рубль – подтверждён всеми государственными богатствами! На этом подозрительном рубле – на единственном денежном знаке в мире – так и написано, да, «подтверждён»!

И капиталисты действительно с каждым годом всё больше и больше убеждаются, что всё в этой новой России создается не для отдельных личностей, нет, все это для блага всего общества, всех людей, всего государства. Люди в этой новой, непонятной стране не богатеют, конечно, рано еще всем-то разом разбогатеть, но поднимаются, выходят из нищеты! И выходят все вместе, всем народом! И это-то капиталиста еще больше пугает.

...«До 1955 года вы были великой экономической системой. И мы под вас «подстраивались». Но вскоре вы скатились к мелкой слаборазвивающейся экономической структуре! И мы стали вас «избегать»» – выговаривал Георгию много лет позже, в конце горбачевской перестройки, один японский предприниматель.

Да, прав оказался старый еврей. Умница. И как ведь все спрогнозировал!..

...Новые люди, советские люди, за короткий срок становятся одними из самых культурных, грамотных, читаемых. Одними из самых физически развитых, сильных, спортивных. Советские ученые, писатели, советское кино, театр потрясли мир своими открытиями, своим реалистическим откровением. В стране создается авторитетнейшая во всем научном мире Академия Наук, лучший в мире театр, лучший в мире балет, самое светлое, не «развращающее», а «воспитывающее», кино, сильнейший в мире спорт. Удивительно, для самоуверенного капиталиста обескураживающие, но новая спортивная держава, вступив в олимпийское сообщество сразу, с первого же четырехлетия, не проигрывает ни одной Олимпиады – ни летней, ни зимней! Всегда первые! Всегда лучшие! Лучшие в мире бегуны, борцы, боксеры, стрелки, гимнасты, лыжники, фигуристы! Советские команды непобедимы в самых престижных видах мирового спорта – в футболе и хоккее.

И все это создается за каких-то десять-пятнадцать лет! Тех «коротких» спокойных лет, что отпускает История новому строю в промежутках между кровопролитными войнами!

Никто откуда-то, со стороны в этом строительстве новой жизни, нового общества Сталину и его команде не помогает. Нет, даже в собственном стане многие думали о другом, думали только о том – как бы навредить, как бы опорочить, как бы оклеветать. И вредили, клеветали. Свои промахи, свою трусость, свою недалекость списывали на зарождающуюся систему. Вчерашние противники царя, потом враги временного правительства – сегодня возмущались новым строем.

После Победы в великой войне, в войне, в которой никто не остался сторонним наблюдателем, в которой пришлось участвовать всем мировым державам, всем народам и нациям, в войне, тяжесть и опасность уничтожения в которой на себе почувствовал весь земной мир, вся Земная Цивилизация, только после такой победы этот мир поверил, наконец, Сталину, поверил новому обществу, поверил и восхитился им.

Но и испугался его!

Блокаду этому обществу капиталистический мир не снял. Он ее усилил!

Ну и плевать... Революционеры ни с кем не считались, ничего мнения не хотели слушать, весь остальной мир для них как будто не существовал. Конечно, они хотели бы дружить со всеми, торговать со всеми. Но для них поставлена «блокада», их решено задуть в младенчестве. И они жили только тем, что производили сами. А этого не хватало. Сами аскеты, пришедшие к неограниченной власти в стоптанных сапогах и солдатских «шинельках», революционеры считали – ничего, и мы потерпим, и люди потерпят. Это же всё для них, для людей, для их же лучшей и светлой жизни!

Но люди в это верили только при них, пока они были живы, пока они, властелины мира, делили эту нищету вместе со всеми.

После них все пошло как-то так же, но всё по-другому. Светлая жизнь все не наступала. Замучили людей восстановления страны после разрухи – то одна война, то вторая. Все восстанавливалось, все менялось, росло могущество страны. Но поесть раскрепостившемуся народу было нечего, одеться было не во что, карточки отменили, но все основное, необходимое для жизни – все так же распределялось. По предприятиям, по цехам, по бригадам, по учреждениям. Строили коммунизм, «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!!», значит – «каждому по потребности», – а потому делали все бесплатно – бесплатные квартиры, бесплатное лечение, бесплатное обучение, бесплатный проезд на всех видах транспорта. Бесплатная работа.

Деньги – это не главное! При коммунизме деньги не нужны! Но «распределение благ» порождало сватовство, «блат», мошенничество. Общество разлагалось на «распределителей» и «потребителей», общество все меньше верило в скорый коммунизм, все больше общественной собственности стали присваивать «великие, сильные мира сего». Начальники. «Руководители» (или хозяева?) этого «надуманного» Коммунизма!

О том, чтобы уйти в старой шинельке «из этой», становящейся все более и более «сладкой» жизни, никто «из этих» начальников, «руководителей-распределителей», «из этих» самых сильных мира сего, уже не помышлял.

Государственная должность становилась самой могущественной статьёй дохода!

Становилась богатством!

Новый, невиданный прежде по размаху внедрения эксперимент человечества, им, человечеством, так и не понятый, им, человечеством не поддержанный, проваливался на глазах этого самого человечества.

Кто знает, проживи организаторы нового строя еще десяток лет, все могло пойти по другому сценарию. Но они поумирали, в силу законов природы, они пришли к власти в солдатских шинельках и в них же ушли в небытие.

«Последователи» быстро их развенчали, начинания предали, путь развития повернули по-своему, но вскоре всем стало ясно, что повернули не туда.

Зарабатывая зарубежный авторитет, быстро нашлись опровергатели в собственном же стане новых революционеров, в команде самых приближенных.

А уж всякого уровня «писаки», падкие до «сенсаций», до «разоблачений» – те уж тут как тут. Как не покрасоваться на теме этих разоблачений! Обливали (и обливают!) грязью время, которое и сделало их значительными. Обливали (и обливают!) грязью родную, их породившую землю, сделавшую их хоть мало-мальски «стоящими». И на этой «грязи» зарабатывали (и зарабатывают!) деньги, звания, значительность. Известность.

Клевещут всегда ведь, во все времена, самые слабые, самые завистливые, самые бестолковые. Такие и оклеветали. И предшественников, и самих себя.

Человека, пусть, со всеми его недостатками, но создавшего в кратчайшие исторические сроки могучую, великую страну, обливают грязью, а людей, в одночасье разрушивших все до них созданное, разоривших целый народ – возвеличивают и выдвигают на пьедестал! Вместе с недостатками!

...После смерти вождя страна еще жила по его и его команды разработкам, планам, задумкам десять-пятнадцать лет. Но потихоньку, потеряв управление, выдохлась и медленно, но с каждым годом наращивая скорость, понеслась в «бездну». Система настолько удачно была «скомпонована», что «умирала» более тридцати лет! Но когда к власти пришли совсем уж «карикатурные» управители, система рухнула. Рухнула в одночасье. Свалилась. К разрухе, к бестолковой распродаже всего нажитого, построенного, созданного за тяжелые десятилетия. Свалилась к нищете, к бесправию, к надуманной новыми денежными воротилами, свободе.

К свободе грабить, убивать, воровать. К свободе править! Задумали хорошо, да «поводырей» не оказалось.

«Слепые вели слепых».

Снова Россия споткнулась о закон далеких предков: «хотели как лучше, а получилось...».

И понеслась Россия обратно, к прошлым, прожитым «смутным столетиям».

Хитрый Парвус, если не сразу, как было спланировано, если не через «троцкистов-ленинцев» и их подручных, так через десятилетия, через их детей, внуков, правнуков добился таки своей цели – унизил и разорил Россию.

Как и было задумано!

Управители мощного и независимого в самом недалеком прошлом государства и его действительно независимых республик снова, во многих местах и правительствах поставлены на откорм и содержание новых «парвусов», а твердо и нерушимо стоящая на своих позициях мировая денежная элита удовлетворенно потирает руки.

«Мы же сказали, сразу сказали – справимся и с Россией!»

– Знаешь, Георгий, я ведь убежденным «троцкистом» был. А вот сейчас, после всех пережитых лет, после всего мной увиденного, пережитого – отрекся. От всех своих убеждений отрекся. Это же только представить, что же было бы со страной, победи тогда Троцкий! Заболтали бы страну еще в двадцатых годах. И не было бы никакого государства – ни слабого, ни сильного. Ни социалистического, ни капиталистического! Царь от страны отказался! Предал родную страну, бросил на растерзание «безбожникам» вверенный ему самим Господом Богом народ! Сталин собрал страну. Создал, заново создал великую Россию. Уже под знаменем многонационального Союза. И вот, исчезает и это государство, нет этого государства, не стало его после смерти Сталина. Но Сталин дрался за созданную им страну, не отрекался от власти в тяжелое время!

Ты говоришь – праздник. Какой там праздник, это же «поминки»! Советской власти не стало в 56-м году. Кончилась. Если она вообще у вас была! Подожди, мне уже не дожить, а ты доживёшь, ты увидишь – то-то еще будет!

– Ты что, хочешь сказать, что у нас нет Советской власти?

– А ты что, действительно думаешь, что она у вас есть? Что она у вас была?

– Ну, Миша, ты даёшь! Теперь я понимаю, почему ты многие свои годы провел в тюрьме да в

«лагерях»! Ты же настоящая «контра»!

– Да, «контра», конечно, по вашим понятиям. А вот только ты сам рассуди, что оно такое, эта ваша «Советская» власть. Давай начнем с самого начала, откуда все взялось. Извини, Георгий, несу я для тебя «непутёвое», «крамолу» проповедую, но тебе я верю почему-то. Много повидал я «людишек» разных, более сорока лет провел в неволе из своих шестидесяти восьми, всяких людей видел, и всяких преданных начальству «стукачей» распознавал сразу, как только подходили они ко мне. А тебе верю! И не боюсь говорить с тобой так откровенно. Ты можешь меня выслушать без обид за страну родную, без патриотических взрывов и возмущений?

«Черт-те что, – думал Георгий, – не провокация ли? Что это старый «троцкист» так разболтался, что это он задумал? И почему со мной? Начальник участка, понятно, для «подставы» хорошая фигура! Но уж очень не похож он на «provokatora»... Безобидный какой-то. Может, действительно высказаться старику пришло время? Мысли свои боится унести в небытие?»

– Давай рассудим изначально, сразу после Октября. Да, семнадцатого. Революционное восстание организовал «Петросовет». Но уже в феврале восемнадцатого разразилась гражданская война. На формирование Советов историей революции отпущено было всего три месяца, после которых «все ушли на фронт» до ноября двадцатого. Новым революционерам было не до Советов. Советы на это «военное» время были ещё не нужны!

Затем послевоенная разруха, восстановление, повсеместно всем руководили «комиссары». К ним привыкли. У них была строгая дисциплина, они беспрекословно требовали выполнения своих решений. У них была власть, власть неограниченная и ненаказуемая. Советы уже не нужны!

Советы, которые практически организовали революционное восстание и захват власти в России, после гражданской войны новой власти стали не нужны. Они так никогда и не пришли к власти. Они появились, но как рядовые исполнители партийных решений. Не было и нет у вас Советской власти! Только партийная власть для вас ясна и понятна. Что, скажешь не так? Не прав я?

– Ничего я пока не скажу. Нагородил ты здесь. И про советскую власть, и о мудрости великого Сталина и его команды. А на Ленина, что же ты так на Ленина-то навалился? Вы же, «троцкисты», Ленина всегда уважали. И он вас не притеснял, вроде. И должности вашим людям доверял солидные. Что ж вы его теперь-то так поливаете грязью! Весь мир, всё человечество считает Ленина великим мыслителем, не только теоретиком социализма, но и великим практиком, сумевший победить такую глыбу, как Российский Царизм, а вы, троцкисты, которые при жизни Ленина хвостом перед ним виляли, а сейчас, после его смерти, когда он вам ответить не может, поливаете его грязью! Вот, все твердят о «большевистском» перевороте в семнадцатом. Но вы вдумайтесь – сколько тех «большевиков» тогда было? Да разве смогла бы кучка почти невооружённых людей, пусть даже и «большевиков», свалить могучую империю? Не хотите вы признать, что народ тогда пошёл за большевиками! Поверил большевикам и пошёл за ними! И именно народ и свалил Империю. И Царскую, и Временную!

– Ну, насчет того, что мы уважали Ленина при жизни, это слишком сказано. Троцкий, было бы тебе известно, никого, кроме самого себя, не уважал. Так, «считался» пока, терпел, не лез против власти, ждал, когда сам этой «властью» станет. И если бы он стал той властью, победил бы Сталина, да ни от кого, ни от Ленина, ни от Сталина, ни от кого бы живого места не оставил. Всё бы опроверг, что они внушали народу. И почище бы, посолиднее всё это обставил, чем ваш «недалёкий» Хрущев преподнёс. Уж в этом будь уверен. У него же, у Троцкого, по всей стране свои люди на самых ответственных местах расставлены были. И вредили они Сталину по всей России-матушке, немало. Уж он бы сумел «перевернуть» всю вашу власть вверх тормашками! Снизу доверху всё перевернул бы. А пока что ж, пока терпел и Ленина. Знал, надеялся, уверен был, что скоро сам придёт к власти. Сам станет «Лениным». И везде, в промышленности, в деревне,

в больших и малых городках, везде своих насаждал людей! И навредили они вам, вашей власти немало. А вы теперь, их же голосами кричите на весь мир – «репрессии», «репрессии»! А весь этот мир, он же и «помогал» Троцкому насаждать этих людей, и эти «репрессии» в ваших организациях, весь этот мир сейчас и хохочет над вами – они-то все знают истинную цену этим вашим «репрессиям»!

– Но, признай – репрессии все же были. Сколько переломали невинных людей!

– Это – смотря что и как называть. И насчет невинных. А знаешь ли ты, что в проектных институтах, даже в проектных отделах предприятий, заведомо проектировали аварийные ситуации? Скажем, доменные печи при запуске должны были взрываться, металлические конструкции перекрытий цехов планировали к обрушению, людские клетки шахтного подъема должны были лететь в «тартарары» вместе с людьми? Знаешь ты об этом? Нет, конечно, не можешь ты этого знать. А ведь всё это проектировали ваши рядовые «советские» инженеры. Но – троцкисты! И только ради одного – убедить народ, что всё, что делается в стране, всё не так, как вам Сталин преподносит! А вот представь, на секунду, что случится, если сегодня строго применить Уголовный кодекс ко всем, на равных, и осудить всех жуликов, мошенников, взяточников – самого высокого уровня! – если применить им всем обвинения и наказать по закону? Ты представляешь, сколько сегодня людей посадить пришлось бы? И как лет этак через тридцать-пятьдесят окрестили бы наши потомки это наше сегодняшнее время? Сегодня, если всех правильно, по заслугам наказать – новым «зэкам» никаких «гулагов» не хватит! А в сталинские времена ни жуликов, ни врагов, ни взяточников не жалели и не оправдывали. Иначе после Октября за десятилетия не навели бы порядок. Да и самого государства не смогли бы создать!

– Но, с войной ты все же перехватил малость. Не один же Сталин ту войну выиграл! Народ победил фашиста!

– Вот видишь, как у вас все ловко! Репрессии – это Сталин, а Победа – это народ. А по всей-то России-матушке, в разных там деревнях да районах репрессий тех меньше было? И без всякого ведома Сталина. А после смерти Сталина репрессий этих меньше стало? Совсем уж бессмысленных. Сталин хоть, как он считал, с врагами боролся. А Хрущев и его последователи с кем борются? А если о Победе, так вон как вы быстро всё переиначили! Да ведь предложить то любой план сражения можно, да только решиться на это сражение один только человек мог. Сталин! Только он принимал самые наиважнейшие решения. А награждал исполнителей! Победителей! Им присваивал всю славу сражений! Сам-то он, много ли наград по той войне «присвоил»? Если уж на то пошло, вспомни-ка, Кутузов, совсем в не неожиданной войне, полстраны сдал, да и самой Москвой пожертвовал, но победил, и этим славен в народе! А Сталин не только победил, он покорил пол-Европы! И, потом, Георгий, не надо рассуждать «примитивно». Война – это ведь не только сражения. Не только атаки да оборона. Война – это прежде всего Обеспечение! Всем! И накормить надо армию, одеть-обуть, да ещё и обеспечить всем, чем воюют! Каждая война сильна своим «тылом». А «тылами» ведь «полководцы» не занимались! Тот же Жуков, к каждой «компании», к каждому сражению – сколько требовал «обеспечения»? И им, полководцам, наплевать было, где это всё взять. Вынь да положи! А кто этим «обеспечением» занимался? Кто каждый день наращивал выпуск и танков, и самолётов, и всего остального вооружения? Вот о чём вы, «критиканы», не любите вспоминать в своих «разоблачениях»! У вас ведь вся война – это только сражения! Только победы, или только поражения.

Победил Сталин не только в войне великой, победил он и в дипломатических спорах по устройству послевоенного мира! И это тоже почему-то забывают его «злопыхатели»! А чего только не понавешивали на бедного Сталина за ту войну! И стараются забыть всё те же злопыхатели, заговорить, приуменьшить, что уже через четыре месяца после действительно невиданного в истории войн неожиданного нашествия, уже через четыре месяца! – Красная армия гнала фашистов, била и разгромила под Москвой! Так и не пустив их в эту Москву! А народ, да что народ! Ты съезди в деревню, поговори с людьми. Тебе за Сталина в иной

деревне и «морду» могут набить.

Если начнёшь поливать его грязью. Вот, это у нас могут!

А про то, что «народ» у нас всё решает, так вот подожди, доживешь ты до какого-нибудь важного для жизни всех народов нашей страны-матушки голосования-решения, общенародного, до «референдума» какого-нибудь, вот тогда и увидишь, как народ тот «проголосует», а что «решит» высшее начальство!

Я то до таких голосований уже не доживу, а ты еще доживёшь, увидишь всё, убедишься в нашей силе «народной»!

– Может, и доживу.

– Доживешь, доживешь. Теперь уж немного осталось...

– Что значит, немного осталось?

– Да, по всему видно, что власть-то у вас всё «худшеет», всё слабее становится.

– Ну, и что дальше? Дальше, ты что, действительно думаешь, что мы при какой-то другой власти жить будем?

– Дальше, Георгий, интересные будут события. Впереди вас ждут сплошные сюрпризы! Неприятные сюрпризы. Впрочем, для кого как...

... Впереди была – «Беловежская пуща».

И первый звонок-доклад о развале могучей страны был сделан новыми «начальниками» президенту США!

Еще народ, недавно на «референдуме» проголосовавший за сохранение страны, ничего не знал, еще «формальное» руководство огромной территории, шестая часть всего земного шара! – томно нежилось в своих мягких постелях, еще «гром не грянул!» – а президент США уже знал – Советского Союза больше не существует!

Стойкие «парвусы» победили!

26

Небо над Бульбухтой «разверзлось», как худое решето небо над Бульбухтой стало. Вторую неделю непрерывный дождь. Развезло несыпанные дороги. Болотина, что лежит между рекой и новым поселком, стала непроходимой. Георгий поставил плотников и они за три дня выстлали дощатый тротуар. А то уж и до драги стало невозможно пройти. Но это всё мелочи. Главное – развезло взлётную полосу. Ни сеть, ни взлететь самолётам. А тучи так низко плывут над лесом, что и вертолётам до Бульбухты не пробиться.

В общем-то, никакой беды в этом нет, всё, что нужно для работы и нормальной жизни на Бульбухте есть. Теперь вот своя пекарня, так что и хлеб перестали завозить из Тайгинска. Вертолётom возили. Раз в неделю. Бульбухтинскими хозяйками разработан даже специальный способ сохранения такого хлеба в свежем виде. Недели две сохраняли хлеб съедобным. А теперь что, теперь своя пекарня. Незачем хлеб завозить.

Одна беда у Георгия – золото! Пока золото не доставишь в кассу прииска, оно в план не засчитывается. А золота в участковой кассе скопилось немало, более семидесяти кило скопилось. В банках, конечно, всё опечатано, а спецсвязь забрать не может. Нет погоды, нет ни самолетов, ни вертолётom.

Позвонил директор.

– Георгий Александрович, тебе ведь надо через три дня быть в управлении на рассмотрении плана

добычи следующего года. Как думаешь добираться?

– Да мне то что, какие проблемы. Сел на коня и через восемь часов у вас.

– Вот-вот. На коня. Так возьми с собой охрану, приезжай сам и привези золото!

– Господи, Валентин Михайлович, да как же это, по тайге ведь!

– А что тайга. Такая же дорога. Ты не один вези, людей возьми, охрану, вооружи, ружья возьмите. Сейчас в тайге и глухаря по лесным тропам гуляют, собирают камушки. Может и мясом птичьим угостите нас. Что особенного? Впервые по тайге пойдёте?

– Но золото, Валентин Михайлович! Золото же! А вдруг что не так?

– Что-то не пойму я тебя, Георгий. То, как сам рассказывал, в мешке подмышкой таскал это золото по ночному посёлку и ничего, добирался до кассы, а то по тайге боишься провезти. Загрузи на Таёжника, он сам ваше золото на прииск привезёт. И без вашей помощи!

На Бульбухте был такой мерин, Таёжником его прозвали за то, что он знал все лесные тропы, его только направь, дай ему направление, дальше он сам, без всякого понукания куда хочешь приведет. На любую деляну, в любое зимовье приведет. А направь на прииск, он по электролинии приведет и в конюшню прииска.

Георгий посоветовался с дядей Колей. Старый лесник вызвался проводить Георгия.

– Возьмём с собой Петю, охранника, у него револьвер, да своего паренька возьму, Лёню, нам всё равно в лесничество надо. Ружья возьмём. Что с нами станется! Пройдём, не бойся. А везти всё равно надо. Конец же месяца. Не сдашь золота, чем зарплату будешь платить?

Выехали рано утром, еще по темноте. В серых плащах с капюшонами, конная «кавалькада» казалась в лесу, под морозящим дождичком, какой-то таинственной командой. К седлу дяди Коли привязан за уздечку Таёжник, на него загрузили банки, распределив по весу по бокам лошади. Банки в мешках. Поперечный ремень, удерживающий мешки, перекинут через седло. Таёжник оседлан. И не подумаешь – ну мешки и мешки. Мало ли что везут люди.

– Да, сегодня за восемь часов не пройдем. Вязкая дорога. А впереди, в распадках, наверное, и ручьи ожили. С такой-то водой. А, как думаешь, Георгий?

– Надо дойти до темноты, Николай Васильевич. Надо дойти. Но пообедать всё равно надо, так что давайте, вон за той сопкой у ручья и перекусим. Да и коней надо покормить. Мешок овса разделим им. На четверых хватит?

– Нет, мешок многовато. Да что тебе за забота? Распорядимся мы. Не бери в голову.

Ручеёк этот летом перешагнуть можно. А тут разлился! Чуть не рекой вода несётся. Уклон здесь большой. Ручей в ревущий поток превратился. Перебрались на ту сторону, вымокли немного. Быстро развели костёр. Обсушиться, обогреться, разогреть домашнее варево.

– Немного отдохнём и в путь. Задремали.

И вдруг – выстрел.

Вскочили все. Дремоты как не бывало.

– Охотники?

– Какие здесь охотники, Георгий! Ни жилого поблизости, ни зимовья. Баловство чьё-то.

Вы давайте-ка быстро на горку – и залечь! А я обогну бугор и посмотрю со стороны.

Петя, ты у лошадей. Если что, стреляй, не спрашивай ничего. Не забывай, что везём! Лёня, ты за мной!

Николай с помощником скрылись в зарослях. Георгий уже с горки другого берега осмотрелся вокруг. Никого. Но что-то таинственное в лесу было. Только что птицы перелетали с дерева на дерево, вон на той лиственнице белка по ветвям прыгала. И все вдруг затихло.

И снова выстрел. Уже сзади, от ручья. Петин крик и глухие выстрелы из револьвера. Георгий мигом скатился вниз, там, в кустах кто-то шевелится. Георгий сходу стреляет в колышущиеся ветки. Слышен треск вереска под убегающими. Георгий снова стреляет вслед.

Кто-то вскрикнул. И снова выстрелы – два подряд и один. Это, видимо, дядя Коля.

Он и появился из лесу.

– Георгий, быстро на лошадь. Давай сюда! Мы тут подстрелили кого-то. Давай, быстро, возьми еще с собой вторую лошадь. Не пришлось бы везти на прииск. – И скрылся.

Георгий вскочил в седло, отвязал уздечку Лёниной лошади и быстро в лес, где только что был Николай. Выехал прямо на них.

Леонид сидел, неестественно, боком упираясь на дерево, Николай сидел над ним, что-то мотал бинтом. Рядом – никого.

– А где подстреленный?

– Так вот. Думали подстреленный. Он завизжал и свалился набок. Я к тебе. А тот вскочил, да вот, запорол, считай, ножом Леонида. Вот, перевязываю. В живот. Довезём ли? Моя вина, поверил я паразиту. А он, вишь как нашелся!

Погрузили Леонида на его же лошадь. Привязали, закрепили, чтобы не свалился. Выехали к ручью.

– Петя, что у тебя.?

– Так коня угнали, Александрыч. Я вот держал Таёжника. За узду держал. Не случилось бы чего. Оглянулся, когда вас увидел, а коня-то и нет! Я и не видел, куда он подевался. За Таёжником смотрел. Он ведь у нас главный теперь.

Георгий буквально взлетел на бугор. Никого. Но в лесу треск – кто-то пробирается сквозь кустарник.

– Николай! Давайте быстро вперёд, на дорогу, к прииску. Леонида везите, и ты Петя с Таёжником за ними. А я проскочу в лес. Там хрустит что-то. Посмотрю, может, лошадь!

– Не смей! Назад! Ты что, взбеленился? Мы что везём? Ты за что, за коня отвечаешь?

Конь придёт. Его всё равно отпустят. С конём им только лишняя заморозка. А у нас груз! И ты за него в ответе! Не я, ни Петя. Ты! А в лесу и тебя подстрелить могут. Ты что, видишь их? Нет! А они тебя? Вот. И не знаешь. Давайте-ка, быстро, как только сможем, вперёд. Еще неизвестно, что впереди этом.

До Тайгинска добрались к вечеру. Больше никто их не тревожил и не пугал. Никто не нападал больше. Испугались? Или затаились? Тайга. Всё может быть.

– Как Лёня, живой?

– А куда он денется. Я ж его проспиртовал. И снаружи, да и изнутри тоже. Живой. Увезли в больницу.

Георгий рассказал директору о происшествии. В кабинет Валентина Михайловича быстро прибыли начальники и милиции, и особого отдела. Еще раз всё расспросили. О чем-то переговорили между собой. Отдали какие-то распоряжения по телефону в приёмной.

– Да, товарищ начальник Бульбухты, видать, ты в рубашке родился. Ты сегодня, считай, народился

заново.

– А что, что такое?

– Узнаешь. Когда узнать разрешат.

27

К пятидесятилетию Советской власти в стране объявили амнистию. Политических в тюрьмах и лагерях к тому времени оставалось мало, поэтому выпустили уголовников. Тех, кому нельзя было въезжать в областные и другие, поименованные в специальных списках, города на «большой» земле, тех направили трудоустроиваться и завершать свое исправление на северные предприятия. А что есть на Севере? В шестидесятых годах? В основном уголь да золотодобыча. К середине шестидесятых годов только они набрали хорошие темпы на Севере. Если не считать спецпредприятий и спецгородов типа Норильска, где и так работали или «зэки», или бывшие «зэки». А там, где работали «вольные», да, в середине шестидесятых на Севере это или уголь, или золото. Вот амнистированных уголовников и направили на уголь да золотодобычу. Это ж додумался кто-то – допустить уголовников к добыче золота! Даже в самые скверные «лагерные» времена там работали только «политические».

На Бульбухту прибыл в сопровождении охраны и каких-то важных уполномоченных отряд амнистированных «зэков» в пятьдесят человек.

Георгий позвонил директору.

– Валентин Михайлович, ну куда же мне столько? Я думал ну пять там, десять человек. А тут пятьдесят. Куда же я их дену?

– Распредели по бригадам, часть людей в лес отправь. Ну что мне тебя учить. Соображай! Это же не добровольный приезд, мы их не заказывали. Приказано принять! Куда же деваться. Распределяй! У меня их еще почти двести человек осталось. Тоже вот ломаю голову – куда?

У Георгия на участке к тому времени работало почти пятьсот человек. Пятьдесят к пятистам – это же десять процентов! Здесь не расслабишься, контингент еще тот.

Прежде всего надо было их расселить. И расселить так, чтобы прибывшие не группировались в одном месте. Рассредоточить их надо было. По общежитиям, по комнатам. Куда бы их не направили, хоть в лес, хоть на стройку, а постоянное место для проживания выделять им все равно надо.

Закон прописки! О том, чтобы допустить приезжих к золоту Георгий и не помышлял. Не допустит он их к золоту. Спокойней жизнь будет.

Георгий собрал бригадиров, объяснил ситуацию. Как раз и Устюжанин, лесной бригадир, в поселке оказался, приехал наряды закрывать.

– Сколько можешь принять в лес, Женя?

– А что их принимать? Давайте новую лесосеку откроем. На шестом участке. У меня там и зимовье срублено. Человек двадцать туда могу принять. Пару домиков до зимы еще срубим. Всех разместим. Человек двадцать. Больше нам не надо. С такой бригадой, товарищ начальник, мы тебя лесом завалим. Успевай вывози. Участок удобный, у реки. Выезд для машин сделаем прямо на лед. Вот и будешь вывозить по льду. Прямо к пилораме дорога будет!

– Тебя не волнует, что народ особый придет к тебе?

– «Зэки», что ли? Так, а мы сами кто? Мы ведь тоже «зэки». Бывшие, правда, так и они не конвойные, свободные теперь люди. Ничего, направляй, справимся. Ты, начальник, девчат теперь запроси. Переженим

их, вот и будет тогда полный с ними порядок. Оседлый народ будет!

– Ага, мне еще девчат сюда. Вот только девчат нам на Бульбухте и не хватает! Их-то я куда распределю? То же к тебе в лес что-ли?

– А что! Немного в лес. Сучья рубить. Поварить там, обстирывать. Да и к вам в поселок надо будет. Сам же говоришь – детский сад построим, школу. Что, мужики там работать будут?

– Ладно, об этом еще подумать успеем. А пока, в лес возьмешь двадцать пять человек. Половину прибывших заberi. Остальных я постараюсь на стройке занять.

– Ну что ж, двадцать пять, так двадцать пять. Распределю. Когда забирать?

– А вот когда в лес возвращаться будешь, тогда и заберешь.

– Значит завтра.

– Тогда, ты Женя, вот что. Я сегодня, как распишу всех кого куда, я их собрать хочу в клубе. Беседу проведу, познакомлю сам, познакомлю с бригадирами. Документы соберу на «пропуску». Ты приходи тоже. Там и познакомишься со своими.

– Ты мне, Георгий, только помоложе ребят направляй. Кто постарше, тех здесь оставь, тяжело им в лесу будет. Пусть обвыкаются, отъедаются в поселке.

Так все и устроилось – половину бульбухтинской «амнистии» Женя увез в лес, половину Георгий распределил по стройкам.

Георгий доложил директору.

– Ну, ты там все же поосторожней, Красноперов, поглядывай там, мало ли что.

– Ничего, Валентин Михайлович, управимся.

Недели через две Георгий уехал на лесосеки. Приближалась осень, нужно было проверить готовность лесосек, навестить бригады всех трех лесоучастков, выдать наряд-задания. В поселке остался Володя Подобреев за главного – Георгий рассчитывал провести работу за неделю.

Хорошо в осеннем лесу. Георгий любит лес, знает лес, наслаждается лесом.

Вон белки-летяги пошли своим коротким лесным переходом ближе к дому, к насиженным местам, к «зачкам» своим, «закопушкам». Летят «летяги», прыгают на крыльях-перемычках своих, да как далеко! От вершины к вершине могучих лиственниц считай метров на десять, если не больше, прыгают! Им торопиться надо к запасам своим. Не разграбили бы зимние склады «пришельцы». А вот и белочка-домушница, давно уже к зиме приготовилась, дупло себе облюбовала, обустроила, утеплила. Орешек на зиму заготовила достаточно, тоже, как и родственники дальние, тоже склады себе оборудовала, да и пометила исправно – не потерять бы зимой, не занесло бы снегом капризным приметы знакомые. А вон, по тропе, волками натопанной, важно шагает, высоко задирая голову, смоляно-черный глухарь. Этот все здесь знает, у него каждый кустик на примете, каждый листочек на учете. Вдруг насторожился, побежал нехотя, взлетает. Да, конечно, это она спугнула петуха важного, лисица-хитрица. Та о зайчатах заботится, что подросли за лето, окрепли, да и мяска нагуляли. Лиса строго следит за ними, чтобы никуда не затерялись, никуда не перебрались с застолбованного участка, чтобы здесь зимовали, а она уж за ними приглядит, распорядится ими. За долгую то зиму.

Георгий дремлет в седле, пробираясь лесными тропами к зимовью лесников. Сзади, чуть отстали Корепанов, нормировщик, да лесник, дядя Коля. Они хорошо поработали, осмотрели и оценили все лесосеки, разработали и оставили бригадам наряд-задания, отработали зимнюю схему вывоза леса, оценили кубатуру намеченных к разработке лесных делян. Сейчас приехать бы в лесную избушку,

выспаться как следует, а уж завтра с утра и домой можно возвращаться.

В зимовье Георгия ждал посыльный. Коля Чижов, матрос с драги.

– На прииске беда, Георгий Александрович, за вами послал директор, чтобы срочно возвращались. Бунт на прииске. Восстание. «Зэки» что-то всполошились. «Амнистия». Разбой учинили на прииске, взяли заложников, выставили какие-то требования, я не знаю какие. Директор послал за вами, срочно чтобы возвращались, чтобы на участке не случилось чего.

– Сам-то он где.

– Не знаю я ничего толком. Велено вам срочно вернуться на участок и переговорить с директором.

– Ну, вот и отоспались. А, Корепанов? – Корепанов на участке был еще и парторгом. Георгий пока беспартийный, но с парторгом считается.

– Какой уж теперь сон. Домой надо срочно. – Корепанов грузен, в седле целый день, а теперь еще и домой, а это более пятнадцати километров. Корепанов любил вечером, после работы пропустить рюмку-другую водочки. Вот и сегодня ждал он лесного ужина, ждал, а оно во как обернулось. Но ничего не поделаешь, директор просто так тревожных посыльных рассылать бы не стал, надо ехать.

К Бульбухте подъехали поздней ночью. Тихо на Бульбухте, драга работает, поселок щедро освещен, тишина, спит поселок. На конном дворе спешили, отдали лошадей конюху. Михейкин на месте, ждет начальника.

– Я вас к утру только ждал. Быстро вы.

– Рассказывай, что тут у нас?

– Да у нас вроде тихо. С вечера побузили маленько Ширшов с Митяем, с ружьем бегали по поселку. Но ребята из общежития их скрутили. Сидят вон в кладовке у меня здесь, на конном. Вас все ждут. Хотели ребята отряд вооруженный создать, дежурить ночью, да Подобреев отослал всех по домам. Не посмеют, – говорит. А если посмеют, им же дороже и выйдет. Ширшов кричал здесь, что они тут сейчас наведут свои порядки, начальника, кричал, по дороге из леса перехватим. Подобреев разозлился, дал ему по морде и велел закрыть в кладовке. С вечера тут пост был, да Володя и их домой, спать отправил.

– В конторе как?

– В конторе все тихо. Объявили по поселку, что если кто к конторе ночью приближаться будет, охрана будет стрелять без предупреждения. Пока тихо. Все же понимают – золото там. Считаться никто не будет. Кому охота подставлять шкуру.

– Ладно, пойдем к Подобрееву. Николай Васильевич, вы спать идите. Устали, небось.

– Да мне в лесу разве работа. Я в лесу отдыхаю. Ты вот что, Александрыч, если помощь нужна, посыльных там куда, еще что, скажи, не побрезгуй. Мои ребята помогут.

– Хорошо, хорошо, спасибо. Спи, не вздумай дежурить там в своей конторке и ребят не буди. Обойдется. Думаю, главные события завтра будут.

Подобреев не спал. Жена с дочерью закрылись где-то в комнатах, может, спят. Георгий с Корепановым прошли на кухню. Пришел Михейкин, достал бутылку.

– Давайте-ка по стопке, напряжение снимем. А то, как бы чего не наделать лишнего, не натворить чего.

– Подожди, Михейкин, давайте сначала в обстановке разберемся, да с прииском переговорим. Ну, что здесь у тебя, Володя, рассказывай.

– Только что директор звонил, тебя спрашивал. Может, позвонишь? Вот телефон.

– Подожди, Володя, дай, наконец, хоть как-то в этой дурацкой обстановке разобраться. Ты расскажи что, где, почем. Мы же из лесу, мы же ничегошеньки не знаем! А вы все затеяли – звони, звони. Что происходит-то, можешь сказать?

– На прииске буза. Чуть не захватили в заложники директора. Он в кабинете отстреливался, пока подросла милиция. Охранника в конторе убили, бухгалтерию взяли в заложники, телефон обрезали. Сидят в конторе, угрожают, требуют самолет. А директор им сказал, что если хоть одна женщина из бухгалтеров пострадает, он их сам в самолет посадит и выбросит над тайгой. Директор вызвал войска. Сам он сейчас на Главной подстанции, там ВЧ-связь, он со всеми на связи, и с районом, и с милицией, и с военкоматом. И со всеми участками.

– Сам что думаешь обо всем?

– Я тут с нашими «зэками» поговорил, ну, с теми, кто по амнистии, так они рассказывают, что у них там на прииске «пахан» вроде остался, по «зоне» пахан, так он еще когда ехали сюда, в Дальнюю Тайгу, собирался, вроде, золотишком поживится, да и сбежать – то ли в Китай, то ли в Монголию, в общем сбежать куда-то. По тайге, мол, проберемся. Но наши «зэки» сказали, что все это авантюра, «лажа» по ихнему, что они в эти игры играть с ним не будут. Ширшов вроде запетушился, но «зэки» ему прямо сказали – смолкни. Митяй полез Ширшову в поддержку, но он, сам понимаешь, так, пустое место, «шестерит». В общем, я их пока, до твоего приезда, закрыл на конном. Охрану было поставил, да потом опомнился, отпустил охрану домой.

– Михейкин, ты позвони дежурному конюху, пусть все же поглядывает за кладовкой. Мало ли что.

– Я что, совсем дурной? Я там охрану-то оставил. Володя, ты уж извини, я с ребятами договорился, они по одному ходили домой, поели и снова дежурят. Черт их знает, ночь есть ночь, а если случится что, потом ищи ветра в поле. Да как бы еще и не натворили чего. Все ведь у нас в дереве, все гореть может. Так что, под наблюдением кладовка, товарищи начальники.

Подобреев засмеялся.

– Ну и правильно, Аркаша, молодец. Ты дальше меня видишь! На то ты и комендант! Тогда наливай по стопке. Дрожь в руках снимем.

До директора дозвонились с трудом – все время занято. Наконец ответили. Ответил дежурный по подстанции.

– А кто спрашивает? Красноперов? Да, да, сейчас, он давно вас ждет. Передаю трубку.

Георгий коротко рассказал о событиях на участке.

– Ты, вот что, Красноперов. Есть у нас сведения, что по лесу к тебе по линии электропередач отправилась большая группа бежавших с прииска «зэков». Восемнадцать человек. Ушли давно, часов пять уже в пути. Идти до тебя восемьдесят километров, вот и прикинь, когда примерно они к тебе пожалуют. К утру, я думаю, будут. Ты работы приостанови, вооружи людей, чем сможешь. Ружей у тебя там, по сведениям милиции, много. Перекрой все тропы, дороги лесные, но особенно выставь посты у линии электропередач, что подходит к участковой подстанции. Только там они могут чем-то нам навредить. Чем банда вооружена, не знаем, нет у нас таких сведений. Если «попрут» на поселок, есть разрешение стрелять на поражение. Объяви там об этом по поселку, да предупреди, чтобы в лес никто не ходил. «Своих» бы не побить в суматохе. Да чтобы и «заложников» бандиты не захватили. Начнут тогда «изгаляться»! Как только рассветать станет, к тебе вылетит военный вертолет, с солдатами, конечно. Если в поселке появится кто чужой, задерживай и передавай военным. Старшим там будет капитан Харитонов. Все его команды для

тебя закон. Золота много у тебя?

– Что, говорить прямо по телефону?

– Да ладно, чего уж там. Если они идут целенаправленно, то они уже все это знают не хуже нас с тобой. Говори!

– Больше ста двадцати кг, Валентин Михайлович.

– Да, многовато. Что ж раньше-то не отправлял?

– С последней «фельдсвязью» все, что было отправил. Это новый намыв.

– Хорошо. Мне вот тут подсказывают, что с вертолетом подлетит к тебе и «спецсвязь», отправишь «металл» с ними. Ну, добро, давай там, не раскисай, крепись.

– Повоюем, Валентин Михайлович. А что на прииске, как заложники?

– Заложников освободили, бандитов было приказано живыми не брать. Все, Георгий, некогда мне, я тебе все рассказал, жду твоих донесений.

– Да, ребята, дела. Наливай-ка, Аркадий, еще по стопке.

«Воевать» Георгию не пришлось. Банду заметили с воздуха, посадили вертолет на просеке, перебили всех. Приказано было – живыми не брать.

В поселке вертолет приземлился на широкой поляне прямо у конторы. Капитан Харитонов велел двум солдатам привести закрытых на конном дворе Ширшова с Митяем.

Коротко допросив, Харитонов бросил сквозь зубы:

– Расстрелять. Все онемели.

– Капитан, – обратился Георгий, – оставь их мне под честное слово. Если хочешь, я дам тебе расписку. Поручусь за них. Мы же их так, для профилактики закрыли. Оставь их мне.

– Не могу, Георгий, приказ. Тут взъелся Подобреев.

– Какой приказ, ты что, капитан! Да если б я знал, да я бы их отлупил и отправил спать! Какой приказ, ты что здесь надумал? Мы тут в тайге всю свою жизнь, да мы тут...

– Молчать! – Глаза у капитана остекленели. – Молчать. А то ведь пойдешь в соучастники. Ишь ты, могли бы не закрыть. Ты здесь кто, командир, или так, «не пришей кобыле хвост»? А если б натворили чего? Ты что, одним днем живешь? Мы ведь сейчас улетим, а вам здесь не просто жить, вам здесь добывать золото. А вокруг – тайга, ни души. А все ты о них знаешь? А если у них еще где-то припрятались и ждут, а? Ты это понимаешь? Знаешь, что тут завтра, после нашего отбытия, может произойти? Они же не бунтуют, они же кого-то наводят! Расстрелять!

Ширшов окаменел. Митяй пал капитану в ноги.

– Пощади, начальник. Срок ведь отбыл. Ничего никогда не было такого. Пощади!

Капитан строго взглянул на сержанта. Солдаты подхватили обоих, уволокли.

– Но если расстреляешь, так ведь и не узнаешь, кого же они наводят.

– Ну что, забрали золото? Тогда – подъем. Работай, начальник, ничего не бойся. Мы за все в ответе. И все мы знаем. И кто наводит, и кого наводят, и куда наводят. Не ломай голову, не по тебе дела наши. Прощай – ушел к вертолету, руки не протянул.

Да Георгий и рад был, что не протянул капитан ему руку. Не по себе Георгию было. Сбит он был с

толку. Он-то думал – они здесь, в тайге, хозяева. Ан – нет.

Видно, зоркий здесь глаз за ними. Зоркий – и беспощадный!

28

Не заладился этот юбилейный год на Бульбухте с самого начала. С весны не заладился.

Весной на долину обрушился небывалый паводок. Тысячи кубометров талой воды скатились с гор буквально за сутки. Регулируемый водослив не справлялся со стремительно поднимающимся уровнем воды. К тому же створки водослива ни разу до своего максимума не подымались, что-то там у «водосливщиков» заело, пришлось на плотину выводить всех жителей поселка, чтобы всеми подручными способами укрепить гребень плотины. В дело пошли даже мешки с песком.

Но справились, слава тебе господи, с паводком.

Дальше – этот непонятный «эзковский» бунт, с его кровавой расправой.

А перед самым праздником и того хуже – убийство.

В Тайге тогда жили, и в немалом количестве, «неучтенные», как их называл директор, Валентин Михайлович, якуты. Молодые парни, они выросли в кочевье, нигде не прописывались, жили рыбалкой и охотой, а летом выходили иногда из тайги, приходили в поселок и «подрабатывали» на разных подсобных работах. Деньги молодым нужны были. Старики в кочевье жили без денег.

– Давайте я вас пропишу в поселке. Без прописки не могу я вас брать на работу.

– Нет, начальник. Прописка не нада. С прописка армия нада! Ну не будет же начальник участка перевоспитывать таежных парней, сами они себе на уме. Вот Георгий и принимал их на временные общие работы. Нарушение, конечно, но не столь уж и значительное. Да и кто до этого докопается! Ребята зарабатывали за лето приличные порой деньги, а с началом сезона осенней рыбалки и зимней охоты снова уходили в тайгу.

Но однажды пришел к Георгию якут, здоровенный красивый парень, умелец по дереву, да не просто умелец – «золотые руки»! Хоть плотничать, хоть столярить, на все умелец. Но особенно мастером был он по всяким национальным «поделкам». С резьбой по дереву. Мастерил прямо таки немислимые по красоте и изяществу изделия. В короткое время всех поселковых обеспечил красивыми якутскими сувенирами.

Он попросил Георгия дать ему любое, какое ни на есть жилье, и дать прописку.

– Как звать-то тебя?

– Николай.

– Что, надоела тайга?

– Нет, тайга не надоела. Жениться хочу. А жена не в тайге жить хочет. Работать хочет. На Бульбухте жить хочет.

– Где так хорошо научился по-русски говорить?

– В Якутске жил, своими сувенирами торговал, говорить учился. В Якутске тяжело жить, город. Поселок надо, небольшой поселок, в тайге. Здесь якуту жить легче. Рыба рядом, зверь рядом, люди рядом. Не люблю город.

– Сколько тебе лет?

– Отец говорит – двадцать четыре.

– И документа о рождении никакого нет?

– Какой документ. Нет в тайге документ. Отец в тайге документ.

– Как же я тебе паспорт выпишу? Хоть какой-то документ надо.

– Вот документ. Отец дал. Видишь, здесь написано, что я родился. И когда родился. В Якутске человек грамотный написал. Отец вот здесь расписался.

Георгий договорился с милицией – так и так, вышел человек из тайги, нужен паспорт, а метрики, кто их в тайге выдает?

– Ладно, везите, что у вас есть. Только фотографии нужны. Сделаем. Не первый раз из тайги ребята выходят, дело знакомое.

Корепанов как раз ехал в Тайгинск, по своим партийным делам, вот с ним Георгий все документы этого Николая и отправил. В общем, выправили парню паспорт. Выделили и жилье, старую старательскую избушку. Отремонтировали, утеплили, не дом – красота! Привез Николай жену. Маленькую, прямо таки миниатюрную якуточку. Бегала за Николаем повсюду, как веревочкой привязанная, он на работу, и она за ним, он в магазин, и она рядом. Не расставались ни на минуту. Весь поселок дивился дружной парочке, любовался, восхищался ею.

Но вот стали поступать Георгию жалобы – неладно что-то творится в якутском домике. По ночам слышен в избушке пьяный шум, драки, визг женский.

Вызвал Георгий Николая в контору, официально чтобы поговорить, не мимоходом.

– Что у вас там творится по ночам?

Якуты врать не умеют. Это их потом научили хитрить. Русские научили.

Николай прямодушно и отвечает.

– Брагу мы варим. Хорошая брага. Повар научила. Мужики выпить хотят. Вот ночью и приходят. Мы им наливаем в кружку. Они пьют, просят еще. А мы не даем. Мужики шибко ругаются. Я их бью, выгоняю.

– Николай! Да ты хоть понимаешь, что тебя посадить за это могут? В тюрьму посадить? А я тебя должен теперь за эту брагу выселить из поселка в двадцать четыре часа! Если я этого не сделаю, люди же возмутятся, загул же снова в поселке может начаться!

– Зачем тюрьма. Георгий? Скажи так. Я пойму. Не буду варить брагу. Если нельзя – скажи. Я не буду.

Георгий вызвал повариху.

– Да кто их знает, Георгий Александрович, попросили научить, я и показала, как делать. Кто ж их знал, что они на продажу.

– Вот что, Маруся. Предупреждаю я тебя в последний раз. Ты же здесь вредительством занимаешься! А у нас золото, особый режим. Хочешь, чтобы тебя под суд отдали? Изволь. Вот телефон, сейчас вызываю милицию, приезжают, делают обыск и дело в суде. Хочешь?

– Да что вы, Георгий Александрович, какой суд, я же ни духом, я же и не знала ничего. Какой суд. Клянусь, Георгий Александрович, всем, что у меня есть святого, всем клянусь, не услышите вы ничего такого больше.

Ну что с ней делать! А повариха нужна на поселке, нет другой поварихи.

И она, стерва, знает это!

– В последний раз, Маруся. Нет поварихи, и ты не повариха. Раз в ущерб нам все делаешь. Мы тут

воюем, чтобы люди заработали, чтобы дома их встречали с радостью, с благодарностью, а ты нам пакостишь исподтишка. Не потерплю я больше твоего творчества. Не только выгоню – посажу! Иди и запомни – в последний раз!

Но не уберег Георгий своих якутов. Угробил и талантливую Марию. Выгонять надо было повариху!

Однажды поздно вечером прибегает к нему испуганная повариха и сразу в слезы.

– Не виновата я, Георгий Александрович, сварили они брагу без моего участия. И поплатились за это...

– Что случилось-то?

– Убийство. Убийство, Георгий Александрович. Я пришла, хотела все у них забрать, что для самогона, приспособления все, а там у них мертвые!

Георгий, как был раздетым, выскочил из дому и – бегом к якутской избушке. На полу, у кровати, ноги даже под кроватью лежат, изрезанная Зоя, так звали маленькую жену Николая. На кровати – мужик, из «эзковцев», из «амнистии», с перерезанным горлом. В доме все разбросано, перебито, кровь, разлитая брага, в бутылках недопитый самогон. Николая нет, куда и когда ушел, никто не видел, никто не знает. К домику сбегались люди. Страшная весть быстро облетела поселок. Георгий поставил у домика охрану – «никого не пускать, ничего не трогать» – пошел звонить в милицию.

Ночь, прилететь в поселок никто не может, дежурить у домика пришлось всю ночь. Утром прилетел директор, милиция. Георгий все подробно описал в своем рапорте директору, в объяснении милиции.

Трупы увезли в больницу, вскрытие там, расследование. С милицией Георгий отправил и повариху.

Директор остался.

– Что происходит, Георгий? По-моему, ты потерял нить управления. В чем дело, что с тобой?

– Не знаю, Валентин Михайлович, что-то оборвалось у меня с этим восстанием заключенных. Боюсь я теперь жаловаться милиции. Боюсь, что посадят, что расстреляют, если я кого-то обвинять в чем-то буду. Давно эту повариху призвать к ответу надо было. А жалел. Не так жалел, как боялся, а вдруг посадят? Насмотрелся я на лагеря эти, врагу не пожелаешь. Пожалел! А хорошего человека угробил. Этот Николай, он же такой мастер! Умница. И наивный, доверчивый, как дитё малое. Мне бы помочь ему, а я навредил только! Не могу больше, Валентин Михайлович! Надо уходить в отпуск. Надо мне «отойти», оттаять от всего этого.

– Ну, до отпуска еще далеко, Георгий. Надо остановить на зиму драгу, надо закончить стройку, надо организовать лесозаготовки. Лес заготовить к следующему лету, иначе нечем достраивать поселок будет. Много чего нам с тобой закончить надо. Ты знаешь, что Подобреев подал заявление?

– Какое заявление?

– Просит отпустить в Витимск. И Генеральный пообещал ему перевод. Он в отпуске договорился обо всем. Сегодня возвращается. Вот и расскажет. Устал человек в тайге. Хочет пожить, поработать по человечески. Понять его можно. Придется отпускать.

– А я? С кем я останусь?

– От тебя теперь все и зависит. Горбунов так и сказал – если Красноперов будет согласен. Он мне звонил, спрашивал совета по Подобрееву, как, спрашивал, быть. Я Генеральному сказал, что не буду возражать, если ты согласишься. Так что решать тебе.

– Хорошо придумали, товарищи начальники. Я что же, враг Подобрееву? Силой мне, что ли, удерживать его здесь? В тайге я его должен удержать? А у него дочь должна в школу пойти. Кого же вы из

меня делаете?

– Успокойся ты! Никого мы из тебя не делаем. Как решишь, так и будет. Но я согласен, и в школу надо, да и засиделся он здесь. Это тоже нам понять надо. Давай отпустим.

Замолчал Георгий, голову положил на скрещенные на столе руки, чуть не завыл от злобы, тоски, разочарования. Господи, сколько труда, сил, здоровья, времени – а во имя чего? Для чего? Для кого?

Наконец, успокоился. Помолчали.

– Согласен, Валентин Михайлович, давайте отпустим. Вы меня извините, нервы у меня стали ни к черту. Теряю контроль над собой. Это пройдет. Это от сегодняшних переживаний.

– Да, понимаю, тяжело. Но что делать, Георгий? Мы с тобой инженеры, руководители, нас с тобой так учили, так воспитывали, мы с тобой себе не принадлежим, раз взвалили на себя этот прииск.

– Валентин Михайлович. Тела, ну сегодняшних убитых, обратно их на Бульбухту везти не надо. Похороните там, у Жуи. Никого у них здесь нет, ни родственников, ни друзей. Жили они, эта красивая парочка, как-то скрытно. Хорошо жили сначала, все ими восхищались. Но вот, не уберегли, не оградили. Похороните на берегу Жуи, она ведь им мать родная.

– Договорились, Георгий, похороним. Ну, прощай, полечу я. Дел много.

Директор улетел тем же самолетом, на котором вернулся из отпуска Подобреев.

Николая ни на Бульбухте, ни в Дальней Тайге больше никто и никогда не видел.

Подобреева проводили в Витимск. Тепло проводили, с хорошими напутствиями, с хорошими тостами, с хорошим настроением. Георгий вызвал вертолет и отправил семью со всем имуществом прямо до Витимска. С Володей тепло распрощался.

Вместо Подобреева прислали Васильева. Инженера из Красноярска. Толя Васильев. Хороший парень. Но, инженер никудышный.

С Подобреевым – небо и земля!

29

Концовка года тоже не получилась. Драгу на зимний отстой остановили не на месте, не смогли доработать, дойти до подготовленной ремонтной площадки. Площадку подготовили неплохо – расчистили достаточную по размерам площадь для подъезда, подвоза запчастей, материалов. Местность выбрали ровную, без бугров и канав. И черпаки для замены цепи завезли на площадку заранее. Одним словом, подготовили площадку по всем правилам дражного зимнего ремонта. Но не дошли, метров пятьдесят не дошли. Остановились, замерзли посреди реки. Хорошо еще к борту успели развернуться, не в русле встали – как бы и куда черпаковую цепь пришлось стаскивать?

Неудачно остановились из-за собственной беспечности. Конечно, годовой план выполнен, срок остановки прошел, решили продлить сезон, но начались морозы, а у людей ответственность уже притупилась, вот и замерзли.

Замерзла транспортерная лента стакера. Привод стакера хорошо был утеплен, и обогрев головки стакера тоже предусмотрели. Хороший калорифер с мощным вентилятором обдувал теплой воздушной струей верхний приводной барабан ленты транспортера. С таким обогревом драга может работать в самые лютые морозы. Лишь бы не стоять, не дать замерзнуть котловану.

Но что-то начальнику не понравилось, не эстетично, мол, и теплую струю направили не навстречу

холодному воздуху, как было смонтировано, а вдоль этой холодной струи. Ночью барабан замерз, лента проскальзывает, драга встала. Пока разбирались что к чему, котлован замерз. Утром пытались раскатать понтон драги носовыми лебедками, да куда там – «шугой» забило котлован почти на всю глубину разреза. Замерзли.

Хорошо Ваня Шастин, драгер, сообразил, понял, что до утра замерзнут – температура под сорок! – развернул драгу к берегу. Дал, таким образом, возможность и цепь снять, и ремонт провести, хоть и с издержками, с дополнительной работой, но провести.

Впрочем, времени на все это хватало. И это тоже расхолаживало. До запуска драги весной, в апреле еще целых пять месяцев. За это время драгу можно разобрать и снова собрать по винтикам. Вот это и расхолаживает – времени-то много, успеем!

Геоorgia на поселке не было. Они с лесником, дядей Колей, с Николаем Васильевичем, уехали на Ченчу – надо было наловить на зиму хариуса. Он в октябре уже последними стайками спускается. На зимний отстой. Вниз по Ченче, в Жую. На зимовку спускается – Ченча зимой во многих местах перемерзает полностью. Хариус и уходит на глубину, перед этим «промерзанием».

Ловить хариуса глубокой осенью – это искусство! Нужно точное время – и чтобы река не перемерзла, и чтобы температура отрицательная, не сгноить бы рыбу, и чтобы не мелочевку наловить, середнячок – самая рыба для соления. Первым, в сентябре, спускается хариус крупный. Его ловят для копчения. Ловят сетями. С крупным хариусом проблем никаких никогда не бывает. Спускается он в основном в сентябре, еще не холодно, работа любой снастью идет с легкостью. А вот со средним хариусом, что на засолку, с тем канитель. Потому и берут его сразу всем табуном, полностью, как пришел он «стаей», так всей «стаей» его и забирают.

Для этого на реке сооружается «заездок».

Это так. Река, по всей ширине перегораживается специально сплетенным из тонких гибких ветвей «плетнем». Плетеный забор как решето пропускает воду, но рыба пройти не может.

Вдоль такого «заборчика», тоже по всей ширине реки, прокладывается из толстых жердей «трап». В плетне оставляется, где-то близко к середине течения, «окно». Оно крепко «обвязывается» прочными жердями по периметру, и к этому «периметру» прикрепляется «морда». Или «мотня». Иногда эта «морда» (мотня) плетеная, иногда связана из прочных нитей. Емкая, крепкая, она способна принять в себя увесистую стаю рыбы. Вот, всё это сооружение рыбаки и называют – «заездок».

Георгий ложится на трап, сквозь чистую, прозрачную воду хорошо просматриваются события, развивающиеся под водой.

Вот осторожно подходит приличный «косяк» рыбы. Рыба крупная, для середнячка. Даже сквозь воду можно определить, что каждая рыбина в стае весит прилично. Для хариуса, конечно. Пятьсот-шестьсот грамм в каждой рыбине! И это по минимуму. А то и все восемьсот. В общем, «косяк» подошел приличный.

Стая у плетня останавливается. Долго стоит неподвижно, повиливая плавниками, хвостом. От стаи отделяется «вожак», самая крупная в стае рыбина. И начинает этот «вожак» толкаться носом вдоль плетня, перегородившего реку. «Вожак» не понимает, что за препятствие, откуда взялось, как пройти сквозь эту непонятную преграду. Вот он подходит к «окну». Мощное течение, усилившееся из-за преграды, тащит его в это «окно», в ловушку, что за плетнем установлена, в эту прочную деревянную корзину – тащит в хитрую «морду». Но хариус легко сопротивляется, стоит на стремнине, изучает что-то, выжидает. Потом медленно начинает перемещаться дальше, вдоль плетня, до самого берега. Уткнулся в берег, определил, что и здесь нет прохода, медленно возвращается обратно к «окну». Стоит. Выжидает. За ним, за его хвостом, в «фарватер», выстраивается вся стая. Хариус крупный, стая большая, выдержит ли корзина?

– Тихо! – Николай Васильевич осторожно шепчет одними губами. – Не спугни.

Так же медленно, толкаясь носом в плетень, «проверяет» «вожак» и другую сторону от «окна», до другого берега проходит «вожак», всё «проверяет», снова к окну возвращается. Останавливается, стоит перед единственным проходом через непонятную преграду, стоит, как бы раздумывая, как бы принимая ответственное решение! «Идти через этот единственный на реке «проход» или не идти? А тогда куда? Обратного дороги нет! Обратного – смерть, замерзнем!».

И вдруг, это чудо какое-то, Георгий такого еще не видывал. Слышать – слышал, но никогда не верил тому, что рассказывали. И вот оно, здесь, это чудо, смотри!

«Вожак» медленно разворачивается, ложится в воде плашмя и стремительно, хвостом вперед «ныряет» в этот единственный по ширине реки проход, в это загадочное «окно» и в ловушку, поставленную безжалостным Человеком за этим «окном». За ним, за своим «вожаком», также развернувшись хвостом вперед, ныряет в «плетенку» вся стая. И застревает там! Плещется, мечется испуганно, в панике. Но поздно. Ничего уже поделать нельзя, ничего уже изменить нельзя, вся стая в ловушке, в большой и прочной корзине, теперь плещись не плещись, а дело сделано – вся стая здесь, все вместе, но все бессильны что-либо изменить. Вожак задыхается где-то в глубине спрессованных тел сородичей, но и он бессилён – пойманы! И как глупо попались!

А дальше – дальше мужикам работа. Быстро выволакивают из реки наполненную рыбой «морду» и весь улов – в обработку. Если еще тепло – солить рыбу. Укладывать в привезенные с собой «бочата», обильно посыпать солью, упаковывать и «вьючно», лошаадьми, вывозить в поселок.

Если уже холодно – рыба укладывается специальным способом в те же бочонки, замораживается и так же вьючно вывозится.

Вывозить надо сразу, иначе придет «хозяин». «Косолапый» любит все осмотреть в своем хозяйстве перед «лежкой». Если найдет бочонки с рыбой в зимовье, не так съест, как попортит всё, раскидает. Да еще и в доказательство того, что да, это он здесь был и навел порядок, оставит посреди зимовья огромную «кучу». Чтобы знали, кто здесь, в лесу, на реке хозяин.

Бригада рыбаков как-то, года два назад, не смогла забрать все бочонки сразу, немного лишнего вытащили из реки рыбы, «жадность» попутала. Оставили несколько бочек в зимовье, приедем, мол, в поселок, разгрузимся, и вернемся за остальной рыбой. И вернулись-то через два-три дня! Но рыба уже была разбросана вокруг всего зимовья, бочонки разбиты, а посреди избушки, как и положено, красовалась подмерзшая медвежья «куча».

Так что, все рыбаки в тайге хорошо знали – ловить надо столько, сколько увезешь сразу, за один выезд. А вьючных лошадей много не возьмешь – их же кормить надо.

Вернулись Георгий с рыбаками, довольные собой, в поселок, а тут эта история с драгой.

Что ж, надо докладывать по начальству.

Директор, конечно, «всыпал» – «драгу променяли на рыбу, завалите теперь зимний ремонт!».

– Да не волнуйтесь так, Валентин Михайлович, все сделаем в лучшем виде. Котлован и сейчас уже промерз, так что ездить по нему безопасно. И с ремонтом справимся – за пять-то месяцев! Справимся, Валентин Михайлович, весной запустимся во время, в апреле, по графику. А схему льдоуборки разработаем так, как и стоит драга. Работы немного прибавится, но это не смертельно. Справимся.

А весной новая беда. Погиб в лесу Устюжанин.

Погиб славный бригадир лесной бригады. За ним Георгий был как за каменной стеной. На лесосеках у

него всегда порядок, план лесозаготовок не просто перевыполнялся – он выдавал леса столько, сколько заказывали строители. В бригадах на лесосеках у него крепкая дисциплина, хорошая дружба между людьми, надежная взаимовыручка. А люди в бригадах не простые – северные люди. К ним особый подход нужен. Здесь ведь у него работают и бродяги, и бомжи, и «зэки» бывшие. Разный народ на севере, а вот к нему, к Устюжанину, в лес, тянутся. Спокойно у него, без крика, без «матерщины» казарменной, без понуканий. И работают у него люди без излишней натуги, и отдыхать умеют в свое удовольствие. Мудрый бригадир был Женя Устюжанин. Сам на «казенном лесоповале» «отсидел» изрядно, сам познал унижения, и обиды тюремные, семью потерял где-то на материке из-за лагерей этих, понимал он душу людей «подневольных», умел и ладить с ними, и в работу направить. И вот, несчастье, погиб на лесосеке.

Он объезжал все лесосеки перед их закрытием. Проверял чистоту вырубки, пожаров, высоту оставленных пеньков – все обнажалось с таянием снега. А ему скоро сдавать лесникам свою зимнюю работу. Лесосеки сдавать. Не хотелось краснеть бригадиру, сам проверял качество работ на лесосеках.

Ездили по лесу они вдвоем – брал с собой Устюжанин Андрея Соколова. Андрей – опытный рабочий, грамотный, когда-то Лесной институт закончил, давно, уж сколько лет они вместе работают. Вместе и лесосеки по весне проверяют. Доверяют друг-другу.

Вот Соколов и принес печальную весть в поселок.

– Проснулся я, Александрыч, утром, вышел из избушки, а Женя лежит у порога, и мертвый. Ну, я ничего не стал трогать и галопом сюда, в поселок, мало ли что, мало ли от чего человек умер!

– А точно, мертвый, ты все проверил, может, надо было помощь какую?

– Да нет, мертвый, я проверил. Он уж и остыл там за ночь. Может, с вечера лежит. Я рано спать лег. Там у нас еще якуты старые поселились. Женя разрешил им на зимовье поселиться, старуха приболела что-то, кочевье ушло, а они с племянником остались. Приболела старуха. Да и старая очень, еле двигается. Я на них Женю и оставил. Чтобы ничего не трогали, но присматривали. Мало ли что!

Погода не лётная. Взлетную полосу на самолетной площадке развезло, прилететь «следователи» могут только на вертолете. А лететь следственной комиссии надо из Витимска.

– Не могут прилететь сегодня следователь с судмедэкспертом. – Директор заметно нервничает. Еще бы, нам только нового убийства здесь не хватало.

– Не могу же я его оставить в лесу еще на ночь. Пусть разрешат привезти в поселок. Мы здесь его помоем, приготовим, прилетят – осмотрят!

– Да, район разрешил тебе поехать, опросить очевидцев – там же кто-то есть, говоришь? Возьми с собой врача, ну и свидетелей там, понятых, что ли.

– Ну вот, мне еще и следователем надо поработать! Хорошо я здесь все же устроился!

– Не ворчи. Другого выхода все равно нет. Видишь погода какая, они и к нам, на прииск прилететь не могут. Давай, действуй. Я связь с прокуратурой буду постоянно поддерживать. Вернешься – сообщи.

Выехали все же с утра. Пока собрались, пока получили подробные инструкции от следователя прокуратуры, от райотдела милиции, от судебного эксперта – наступил вечер. Куда ехать ночью? Выехали ранним утром, прибыли на место через четыре часа. Георгия удивило, что женщины – а на участке уже был свой врач, Елена Степановна – что женщины очень хорошо сидят в седле. Сразу видно – северяне. На Севере лошадка – самый распространенный транспорт.

«Комиссия» с участка ехала солидная. Кроме Георгия и врача в бригаду расследования включили Корепанова – парторга, Михейкина – коменданта поселка, двоих рабочих – для перевозки и как понятых,

одну женщину – помощницу врачу, на случай, если надо будет обмыть тело. При обследовании. Кто его знает, как повернется – до больницы далеко, до экспертизы еще дальше, а погода стоит теплая, как бы не испортить тело всеми уважаемого человека.

Ехал со всеми и Соколов, участник событий, сопровождавший Устюжанина в последнем осмотре лесосек.

Тело все так же лежало у избушки. Никто его не трогал. Старое зимовье, небольшой дворик зарос мелким лесом, рядом паслась пара оленей, небольшая поленница дров у подгнившего забора, полузакопанная бочка для дождевой воды, пока по весне пустая, старые сани-розвальни без оглобель у противоположного забора. Избушка тоже старая, с полусгнившей деревянной крышей, но печная труба из кирпича, свежая, видно, что недавно сложена.

– Что ж такое запустение то, а, Соколов?

– Так ведь, как раз и хотели этим летом новую избу здесь срубить. Вон, печку уже сделали. Еще прошлым летом. Новая, не дымит, хорошо и быстро греет. Не успел вот, Женя. Он ведь сколько уже этих домов «поставил». И не такие хибарки. Настоящие дома.

Устюжанин лежал на спине, глаза закрыты, руки сложены.

– Твоя работа?

– Так ведь закаменеет совсем. Потом уже не обустроить тело, не подготовить к похоронам. Вот я и сложил – и руки, и глаза закрыл. Это расследованию не помешает.

В избушке невозмутимо пили чай старая-престарая якутка и пожилой, но еще не старый якут. Якут встал, когда вошли люди, женщина осталась за столом, продолжала пить чай. Георгий их допросил подробно, составил протокол, дал подписаться и приехавшим с ним рабочим, как понятным. Тут в помещение вошла врач и взволнованно позвала за собой Георгия.

– Что случилось?

– А вот, посмотри сам, Георгий. Похоже, человека-то убили. Когда тело Устюжанина перевернули, под ним лежал большой охотничий нож, а на груди, под левым соском – глубокая резаная рана. Прикинули – похоже от этого же ножа. Дело приобрело совсем другой оборот.

– Соколов! Ну-ка иди сюда. Смотри. Как ты все это объяснишь?

– Я не знаю, Александрыч. Не смогу объяснить. Спал я, не видел.

– Андрей! Вы здесь были вдвоем. Кроме вас никого. А утром один из вас убит. Ну, сам сообрази, какой вывод делает следователь?

– Свалит все на меня! Но это не я, клянусь, вот перед всеми вами, перед женщинами, перед стариками – клянусь! Это не я. Да и – зачем мне?

Снова пришлось допросить стариков.

– Устюжанин, когда они здесь всё за столом закончили, он вышел на воздух, лесом, говорит, подышу. А Андрей лег спать. Это мы вместе с моей теткой видели. Я ведь ей племянником прихожусь, заболела она, меня к ней приставили. Она не говорит по-русски. Я ей переведу. Скажу, чтобы головой покивала, если правда. Ну, что Соколов спать лег.

Старуха подтвердила.

– Георгий, трогать здесь ничего нельзя. До приезда следователя. Надо ехать, сообщать срочно.

– Давайте так, Лена. Тело заберем, здесь все оставим нетронутым, в прокуратуру так и сообщим. А

тело заберем. Вдруг они долго не смогут прилететь – сгниет же тело!

Так и сделали.

А на зимовье, как выяснилось по результатам расследования, случилось вот что.

Объезд лесосек Устюжанин с Соколовым начали именно с этой деляны. Они привезли с собой сахар, дрожжи и сразу по приезду поставили «брагу». Поселившись в зимовье якутам поручили поглядывать за бражкой, а сами уехали осматривать другие делянки. По окончании всей работы вернулись к бражке и решили здесь пару дней отдохнуть. Бражка поспела, перебродила в березовом бочонке, что всегда имелись в лесных избушках для рыбы, ягод или других лесных надобностей. Смачно пахла свежая бражка перебродившими дрожжами и березовым соком. В бочонок вмещалось почти два полновесных ведра.

Сели лесники ужинать, да и засиделись за полночь. Захмелели крепко – в бочонке оставалось меньше половины содержимого напитка. Якуты давно спали. Они тоже попробовали терпкого напитка, но немного, чуть-чуть. И спать легли, не стали мешать молодежи. Свернулся у печки и захмелевший Соколов. А Женя забуянил, не мог уснуть, что-то, о чем-то, с кем-то спорил, разговаривал, иногда переходил на крик, потом вышел из избушки, хлопнув дверью. Якут-племянник не спал, проснулся, видел всё это – «шибко боялся, однако. Злой Устюжанин был, ругался с кем-то. Крепко ругался, однако, громко!».

Соколов спал, якут-племянник полежал-полежал и тоже задремал под утро. Устюжанин в дом больше не заходил. А утром его увидели у стены избушки мертвого. Он лежал лицом вниз, на груди лежал. Соколов его перевернул, убедился, что он мертв, закрыл ему глаза, сложил руки и срочно выехал на поселок. Рану и нож он не видел. Рана – под рубашкой, нож – под телом. А он Устюжанина так подробно не осматривал, рубашку не снимал. В поселок быстрее торопился.

Приехавшие следователь и судмедэксперт заново всех опросили, поговорили с якутами, сделали «вскрытие» прямо в медпункте поселка. И пришли к выводу, что в лесу произошел несчастный случай. Устюжанин видимо зачем-то размахивал ножом, споткнулся, упал на этот нож и заколол себя этим падением. Умер сразу.

Арестованного Соколова – выпустили.

Странно было видеть Георгию пожилого уже человека, прошедшего лагеря, дикий голод сороковых годов, когда лагеря месяцами не снабжались продуктами и жили тем, чем тайга их накормит, пережившего лагерный беспредел пятидесятых, когда в лагеря пришли вчерашние воины, повывавшие Европу и не принимающие все беззакония «на вытяжку», странно было увидеть такого человека плачущим. Андрей сидел на краюшке стула в кабинете Георгия и откровенно, нисколько не стесняясь – плакал.

– Перестань, Андрей. Возьми себя в руки. Ну, всё, всё, свободен, никто не подозревает тебя, успокойся.

– Георгий Александрович, я же знаю, одно твое слово и меня бы расстреляли. Скажи, ради бога скажи, как, чем я могу тебя отблагодарить!

– Живи, Андрей, живи и работай. Это будет самое лучшее, что ты сделаешь всем нам в благодарность.

– Да, конечно, но это не то. Много повидал я на Севере начальников, но чтобы вот так, стеной за работягу, такого, Александрыч, я еще не видел. И никогда не верил, что такие начальники могут быть. Ты, Александрыч, перевернул во мне все. Всё лагерное начальство простил я сегодня, когда узнал, что меня освобождают. И что освобождают, благодаря тебе, твоим показаниям, твоим характеристикам! Как отблагодарить тебя, скажи! Хочешь, я приволоку тебе из тайги медведя?

– Вот что, Соколов, кончай эти сопли. За работу берись. Андрей, я хочу назначить тебя бригадиром лесных заготовок. Ты же лесной инженер! Давай, берись, надо заменить Женю, «царство ему небесное».

Давай, продолжи его дело. Вот, это и будет твоя нам благодарность.

– Георгий Александрович, клянусь тебе, всеми живыми и мертвыми предками и потомками своими клянусь, никогда ты не пожалеешь об этом своем решении.

Похоронили Устюжанина на высоком холме, над Бульбухтойречкой, над Бульбухтой-поселком, в строительство которого он вложил так много своих сил. И своего умения.

Это была первая могила на новом Бульбухтинском кладбище. Бульбухта подтвердила еще раз главное «пророчество» тайги – все беды от пьянки.

30

Знал ведь Георгий, что «пьяный» эксперимент еще аукнется ему, да не только ему лично, всему участку, не может пройти такое бедствие, а он так и называл проведенный водочный эксперимент – бедствие! – без последствий. Знал и ждал постоянно какой-то беды. Не знал только – где, что его подстерегает. Но ждал. И вот, верно говорят, что мысль материальна! Дождался таки!

С самого зарождения Бульбухты жила на участке хорошая, дружная семья Новодворских. Игорь Новодворский работал на драге электриком. Был он электриком опытным, грамотным, в его смену Подобреев за электрооборудование был абсолютно спокойным – что бы ни случилось Игорь найдёт, исправит. Игорь остался на Бульбухте после монтажа драги, работал на строительстве и свое оборудование знал с первой завёрнутой гайки. Участвовал и в пуско-наладочных работах, а потому всю дражную электрику знал, как говорится, «на зубок».

Еще до окончания строительства драги к Игорю приехали жена с дочерью, выбрали они в старом старательском посёлке более-менее подходящий домик, жена Надя выскребла и вычистила домик, сделала его «жилым», Игорь отремонтировал печку, так что жарко в их домике было в самые лютые северные морозы. Жили они достойно и дружно, радуясь той жизни сами, радуя друзей и соседей.

Одна беда, как тот «дамоклов меч» висела постоянно над ними – Игорь был склонен к запоям. Срывался неоднократно еще на строительстве, но когда упорядочилось на Бульбухте со спиртным, когда ввели они на участке этот свой «полусухой» закон, легче стало и Игорю, и Наде. Легче стало удерживать Игорю свой неуправляемый нрав – взять негде, а если и получали они субботнюю порцию, справлялись с затаившимся пороком легко.

Но вот этот эксперимент. Он всё и испортил. Исстрадавшаяся душа получила, наконец, свободный к алкоголю доступ! Дня два-три держался еще Игорь, сутками не уходил с драги, загружал себя, отвлекал от преступного желания работой, но не утерпел. Как-то возвращался с драги, завлекли его старые дружки в общежитие – и он «поплыл».

Надя прибежала к Георгию рано утром.

– Помогай, Георгий, у Игоря кажется началось. Старая, притихшая болезнь – «белая горячка». Несёт несусветное, сам не понимает, о чем говорит, пойдём, он ведь только тебя послушает, никого более. Ружьё у него в руках, всех перестрелять грозит, пойдём, только тебе отдаст он ружьё это.

Пришли к их избушке. Игорь на чердаке, с ружьём, кричит что-то, Наде грозит какой-то расправой.

– Что, привела? Кого привела? Старого любовника, или нашла нового? Что ты ходишь там голая, кому показываешь свои «прелести»! Оденься хоть, как тебе не стыдно!

Надя спряталась на кухне, закрыла дверь, даже подпёрла чем-то.

– Георгий, усмири его, я боюсь!

– Ладно, ладно, успокойся. Дочка то где?

– Дочку я отправила к маме, а Тайгинск. Ждала ведь я этого, ждала и боялась. Не так за себя, как за дочку.

– Ладно, где у вас лестница? Давай подставим. Полезу к нему на чердак. Ты позвони на конный двор, вызови сюда Михейкина. Пусть возьмёт с собой пару своих парней. Отправлять ведь Игоря надо. Куда? В больницу отправлять надо, в Бодайбо! Главное сейчас ружьё у него забрать. «Делов» бы не наделал. Если не заберём ружьё – пристрелить ведь придётся!

– Да ты что, начальник! Как пристрелить? Ты в своем уме. Или у тебя тоже горячка начинается! Давай уж лучше я сама полезу к нему. А то ведь у вас хватит ума, еще прибьёте мужика.

– Успокойся, Надя, это я так, для острастки. – Показал пальцем наверх. – Никого мы убивать не будем, успокойся.

Георгий поднялся к чердаку. Игорь стоит в напряженной позе, ружьё наизготовку, глаза шальные, но при уме, не бешеные.

– Игорь, давай поговорим. Это я пришёл с Надей, никого там нет больше, ты лишнего не выдумывай. Не забивай голову чем не попадая! Поговорить надо. Может, слезешь, пойдём в дом!

– Не трогай, Александрыч, не лезь сюда, я ведь выстрелю!

– Да меня-то за что? Я тебе помочь пришел, не драться с тобой, помочь хочу. Давай, слезай на землю. Или, если хочешь, давай поговорим здесь, на чердаке. Сядем вон на ту «укосину» и поговорим. Дружно, мирно. Нам-то с тобой чего делить?

– Ладно, залазь, поговорим. Знаю я вас, только спущусь на землю, вы меня тут же и «стреножите». И в каталажку. Нет, давай залазь, только близко не подходи. Не подходи сказал! Я ведь выстрелю. Александрыч, не гневи бога, не подходи, выстрелю!

Игорь начал медленно поднимать ствол. Мешкать некогда. Георгий, броском, прыгнул, сбил Игоря с ног, вывернул ружьё, тот успел нажать на курок, но выстрел прогремел в сторону, пуля ушла в крышу. Игорь дрогнул, видимо что-то в голове его прояснилось на миг, испуг, видать, осветил его на секунду, и этого оказалось достаточно, чтобы скрутить ему сзади руки, отшвырнуть выпавшее из рук ружьё, тут на чердак заскочили подошедшие ребята, Игоря утихомирили.

Спустились вниз, зашли в комнату. Георгий вызвал санитарный вертолёт, объяснил ситуацию.

– С санитарями приезжайте, «буйный», его в полёте удерживать надо.

Но у врачей всё давно отработано – надели на Игоря длиннополую «смирительную» рубашу, загрузили в вертолёт, увезли в Бодайбо, лечить увезли парня.

Прошло после всего этого больше двух месяцев. Уже и восстание эзков пережили на Бульбухте, и о всеобщей «пьянке» забывать потихоньку начали, но новая напасть на участке. Стали гореть старые строения в старательском посёлке. Сгорели заброшенные склады, что-то там еще у торговли лежало, вроде, но так, что-то по мелочи. Потом сгорела старая баня. Это уже насторожило – не поджоги ли? Стали дежурить по ночам. Выставляли «патруль» по два человека, и периодически, раза два-три за ночь стали обходить посёлок.

Драга уже подошла к посёлку и отрабатывала русло совсем рядом со старыми домами.

Однажды Георгий что-то задержались с Володей на драге, вышли на выносной мостик драгёрки и вдруг увидели, как невдалеке вспыхнуло пламя. И на фоне возникшего огня видят они женщину, с ведром, льёт чем-то на стены только что открытой школы – детишек хоть и мало, а где-то учить надо, открыли

временно в старом посёлке, новая уже строится, к следующей осени поспеет, но год где-то надо пережить, немногочисленным школьникам поучиться. Вот и открыли времянку, и учительницу вызвали из города. И вот, явный поджог, да еще на виду у дражников, практически поджигают в открытую!

Тут же позвонили в дежурный пост, остановили драгу и всем миром кинулись ловить «поджигателя»! Оказалась – Новодворская! Надя! И даже не прячется, и ведро из-под солярки здесь же во дворе брошено.

Дражники чуть не побили женщину, Подобреев, тогда он еще работал, не дал. Закрыл в доме, поставил охрану.

Георгий позвонил в милицию, в Тайгинск, попросил прилететь утром. Доложил директору.

– Ну, совсем у тебя что-то народ распоясался, Георгий. Что происходит? Это же преступление! Милицию вызвал?

– Да вызвал, конечно. У неё дочь пяти лет, муж в больнице, как её арестуешь? Куда дочь подеваем? Отправлю я их с Бульбухты. Пусть уезжают. А посадить... Да что толку-то! Переживём еще и это, как-нибудь. А, Валентин Михайлович? Давайте отправим. Пусть уезжают. Здесь им оставаться нельзя, убьют их здесь. И в тюрьму нельзя – маленький еще ребёнок.

– А что она говорит-то хоть? Чем объясняет поджоги свои.

– Да с ума баба сошла. Как мужа увезли в больницу, так у ней «крыша» и поехала. Давайте отпустим. Пусть едут, куда душа пожелает. На Бульбухте не оставим, конечно.

– Ну, делай как знаешь. Но смотри, что бы от этого твоего «всепрощения» народ совсем в разнос не пошёл. Вся эта твоя доброта до поры ведь, до времени. Доиграешься.

Утром с вертолетом прилетела милиция. Допросили Надежду.

– Я хотела, чтобы меня отправили с Бульбухты. Этого только добивалась.

– Да кто тебя держал? Сказала бы, мы и так бы тебя отпустили. Зачем жечь-то?

– Я ведь старье жгла. Ну да, отпустили бы. А на что ехать, на какие деньги. А так – вы меня отправите, и бесплатно.

– Вот дура баба. Да отправили бы, за наш счет бы отправили. Еще и денег дали бы на дорогу. А ты натворила. Посадить же тебя могут!

– Не могут. Куда дитё денете? – Вот и пойми их, женщин этих. Увезли Надежду.

И после всех этих событий как-то спокойней стало на Бульбухте. Спокойней и дружнее. Никто не осудил Георгия. За эту его безнаказанность и за прощение явной виновной. Перед всеми бульбухтинцами виновной! За это вот такое «незаконное всепрощение». Наоборот, люди им восхитились, ещё больше зауважали. И чувствовать стали себя надежнее. Увереннее. Появилась вот эта уверенность, убежденность – что бы не случилось, нас есть кому защитить!

31

Георгий возвращался на Бульбухту из Тайгинска, с партийно-хозяйственного актива. Бульбухту признали там, на этом собрании, победителем соцсоревнования среди цехов прииска.

Летели на Ми-1 – двухместный вертолет, маленький, шустрый, пол под ногами стеклянный, все внизу видно, летит над лесом низко, чуть вершины сосен не задевает. А как «нырнет» вниз на мелкой воздушной яме, так и кажется, лес сейчас по вертолету своими вершинами ударит. Кажется, не вертолет падает вниз, а лес подскакивает над землей, к вертолету «подпрыгивает». Аж замирает все внутри у Георгия.

Пилот смеётся.

– Что, непривычно? Не летал еще на таком воздушном «велосипеде»?

Но летят быстро. А что, груза нет, всего два человека загрузка, вертолет хоть и маленький, но и для него два человека не груз.

Над Бульбухтой сделали круг. И сверху хорошо видно, что драга стоит.

«Что это они? Ремонт вроде не планировали».

Драга стояла. Непривычно как-то, тишина на драге, все механизмы молчат, замерли. Люди работают на раме. Тянут канаты, выстраивают деревянную настройку из бруса между роликами – обрыв черпаковой цепи. Разорвалась «проушина» одного из черпаков, цепь слетела стремительно с рамы, ушла на всю глубину отработки забоя, на все пятнадцать метров.

Георгий поднялся в драгёрку, драгер Ремезов кричит что-то по громкоговорящей связи, отдает команды.

– Как случилось-то?

– Обрыв, он и есть обрыв. Как он случается – с грохотом, с шумом, и сразу все черпаки под воду! Беда в том, Александрыч, что когда я начал поднимать раму, цепь, похоже, легла набок. Боюсь, как бы «петля» не образовалась, «восьмерку» бы черпаки не закрутили. Беда! Третью настройку уже делаем – рвутся канаты, не идут черпаки на раму! Тридцать лет уже драгёрю, а такое впервые.

– Настраивайтесь пока, но раму не трогай. Дай осмотрю все внизу.

Георгий спустился вниз, подошел к черпаковой прорези, осмотрелся. Странно, цепь внизу, в котловане, а последний черпак почти сверху, чуть-чуть из воды выглядывает.

«Да, значит «гармошка»!

Васильев вверху, на раме, тоже с канатами возится, помогает бригаде.

– Толя! Спустись-ка сюда. И драгёру крикни, чтобы вниз, сюда пришел!

Собрались внизу.

– Видите черпак? Значит «гармошка». Он на черпаках лежит, сверху.

– Так я вам о том же и говорю!

– А если нам растащить цепь? Зацепим этот черпак, он же должен быть самым нижним, хоть и наверху. Вернее, потому и наверху. Давайте зацепим его толстыми канатами, петли на канатах надо сплести и зацепимся за проушины черпакового барабана. Подтащим нижнюю часть цепи, если сумеем дотащить этот черпак до грохотов завалочного люка и там закрепить – это будет большой удачей. Потом верхнюю часть, хотя бы рамой чуть поднять. Может, петля выпрямится?

– Господи, это же сколько настройки!

– А не настроишься, больше времени потеряешь. Будешь все время рвать канаты, что толку от работы такой. Вызывай, Толя, вторую бригаду, людей для таких настроек сейчас на драге мало. Кто у нас во второй смене?

– Володя Курдюмов.

– Вот и вызывай. Он парень разумный, пока заканчиваешь начатую по раме настройку, они и подойдут. Давайте и с ним посоветуемся. По-моему, он когда-то «развязывал» такую петлю! Если не ошибаюсь, на 69-ой что-то похожее было.

– Анатолий Васильевич, скажи, чтобы бруски подвезли. На раме уже всё «измочалилось», вся деревянная настройка. Рвутся же канаты, ударяем по брускам, разбиваем.

– Добро, подвезем. Давай размеры, нарежут на пилораме.

– Да пусть брусья подвезут, нарежем на месте.

– Добро.

Провозились с этой цепью два дня. Шум в управлении, скандалят начальники.

– Где это видано, чтобы цепь два дня поднимали? Смена работы! Одна смена! А вы что там возитесь? Безграмотные?

Прилетели на Бульбухту главный механик с начальником производства, тоже «гвалт» подняли, упрекают, учат как надо.

Ремезов, наконец, не выдержал, сказал механику про петлю. Замолчали.

– Что же раньше-то не сказали? Эти петли и по неделе распутывают! Чего ж молчать-то? Сказали бы сразу, все бы и встало на свои места. И мы бы не ездили. Странные люди все же на Бульбухте этой!

– Да начальник же запретил! Сказал – работать надо, а не сопли распускать!

32

Георгий прощался с Бульбухтой. Бульбухта прощалась с Георгием. Он наконец-то получил отпуск, сразу за три года. В отпуске он не был четыре года, но на Севере максимальное совмещение отпусков допускалось только за три года. За четвертый год выдавалась денежная компенсация. Если работник увольнялся. Георгий оформлял отпуск с последующим увольнением. Значит, в Дальнюю Тайгу он больше не вернется. Потому и прощался с Бульбухтой.

Начальником на Бульбухте оставался Васильев. В день отъезда Георгия Толя объявил на участке выходной. Освободил всех от работы. В поселке прямо на улице расставили столы, устроили проводы начальника. Поднимали бокалы, говорили хорошие слова напутствий, пожеланий, а когда в небе загудел самолет – всем застольем отправились в аэропорт.

Там женщины быстро расстелили скатерти, прямо по земле, расставили снедь всякую, выпивку, «соборание» продолжалось. Подошел пилот.

– Приказано не торопиться! В Тайгинске будем ночевать, так что не спешим с вылетом. Начальство сказали – пусть прощаются!

– Милости просим к столу!

– Спасибо. Нам не положено.

Георгий сегодня с утра обошел всю Бульбухту, поднялся на гору к подстанции. Там долго сидел, рассматривая сверху, с вершины горы весь поселок. Да, сделано немало. Целый город построен. Благоустроенные дома, современный детсад, начальная школа, три общежития, котельная, насосная станция, очистные.

Но уезжать было не жалко. Он давно знал, что уедет. На Урале старенькая больная мать. Зоя написала письмо – совсем плохо маме. Сделали вторую операцию, покой и забота нужны матери. Пора возвращаться сыну домой. Увезет он её снова на Юг, в Одессу увезет. В прошлый раз как хорошо она там подлечилась! Георгию снова дали две путёвки, в ту же «Аркадию». Увезет, пусть отдохнёт мама от забот и всех своих болезней. Погрееется на солнышке, фрукты-ягоды поест вдоволь, врачам толковым покажется. И

теперь уж всегда будет жить с сыном. В любви, в достатке, окруженная теплом и заботой.

Георгий написал в «Уралзолото», ему пришел вызов-приглашение на работу. На драгу. На Среднеуральский прииск. Прииск известен на весь Союз. Знаменитый прииск. Все учебники по россыпям написаны по этому прииску. Георгий доволен – лучшего вызова не придумаешь. Но сначала отдых! Отпуск надо использовать на полную доступную радость. На полную возможность. На весь заработанный срок. А это почти сто пятьдесят рабочих дней! Это же почти пять месяцев!

Ну, это еще надо суметь выдержать.

– Да ты что, не слышишь меня, ты где, Георгий? – Михейкин трясет его за плечи. Видать очередной тост произносит. Ох уж этих тостов сегодня!

– Да, да, я слушаю...

– Я говорю, устройшься, нас вызывай к себе. Мы всем участком приедем!

– Ага, а с Бульбухтой что будет?

– Да пустым доходное место никогда не останется – сам ведь знаешь!

– Нет, друзья мои, не обижайтесь, но никого вызывать я не буду. Это будет похоже на «диверсию». Да еще когда-то получу я это право – вызывать других. Да и получу ли вообще! Нет, давайте лучше подыдем бокалы за нас, здесь, за Бульбухту, за наши с вами дела, за наши успехи, за большое бульбухтинское золото!

В Тайгинске его встречал Валентин Михайлович. Увел к себе домой. Генриетта Александровна приготовила шикарный стол, собрались друзья, сослуживцы. Приехал Володя Литвяков. Посидели, поговорили.

– В Витимске зайди к Горбунову. Очень просил. Тоже проститься хочет. Поблагодарить за работу – так он сказал. Зафесова в городе нет. В отпуске Зафесов. Ну, да в одной системе работаем. Свидитесь еще!

Засиделись далеко за полночь.

И вот он самолет, внизу спокойно проплывает тайга, впереди отдых и новая работа.

На золоте.

Прощай, золотая Лена! Прощай, Золото Севера! Впереди Георгию уже виделся золотой Урал.

Георгий посмотрел в иллюминатор на далёкую теперь для него землю.

Внизу, на вершине высокой скалы сидел матёрый волчище. Сидел, смотрел в небо и как будто кричал что-то вслед самолёту.

Это Тайга прощалась с Георгием звериным воем матёрого волка!

Конец второй части

...

Москва – Байбаки

2003–2004 г.г.

...

Примечание:

Встречающиеся в книге имена, фамилии – друзей, родственников, коллег по работе, руководителей разного уровня, вплоть до руководителей страны, названия предприятий, ведомств, названия городов и любых населенных пунктов – все это автором выдумано, любые совпадения случайны!

Ю.А. Запевалов.